

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
АНТ. П. ЧЕХОВА.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Съ двумя портретами — при I и XVII томахъ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Учитель.—Тяжелые люди.—Дуэль.—Палата № 6.—Гусовъ.—Бабл.

INSTITUT
DARNIŃSKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-331 Warszawa, ul. Nowy Świat 71
Tel. 26-68-63

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

<http://rcin.org.pl>

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксь, Измайл. просп., № 29.

24.113/80

УЧИТЕЛЬ.

Федоръ Лукичъ Сысоевъ, учитель фабричной школы, со-держимой на счетъ «Мануфактуры Куликина сыновья», го-товился къ торжественному обѣду. Ежегодно послѣ экзамен-овъ дирекція фабрики устраивала обѣдъ, на которомъ присутствовали: инспекторъ народныхъ училищъ, всѣ при-сутствовавшіе на экзаменѣ и администрація фабрики. Обѣ-ды, несмотря на свою официальность, выходили всегда длинные, веселые и вкусные; забывъ чиновничаніе и па-мятуя только о своихъ трудахъ праведныхъ, учителя до-сыта наѣдались, дружно напивались, болтали до хрипоты и расходились поздно вечеромъ, оглашая весь фабричный поселокъ пѣніемъ и звуками поцѣлуевъ. Такихъ обѣдовъ Сысоевъ, сообразно числу лѣтъ, прослуженныхъ имъ въ фабричной школѣ, пережилъ тринадцать.

Теперь, собираясь на четырнадцатый обѣдъ, онъ ста-рался придать себѣ возможно праздничный и приличный видъ. Цѣлый часъ онъ чистилъ въниккомъ новую черную пару, почти столько же времени стоялъ передъ зеркаломъ, когда надѣвалъ модную сорочку; заправки плохо пролѣзали въ петли сорочки, и это обстоятельство вызвало цѣлую бурю жалобъ, угрозъ и попрековъ по адресу жены. Бѣгаючи около него, бѣдная жена выбилась изъ силъ. Да и самъ онъ подъ конецъ замучился. Когда принесли ему изъ кухни вычищенные штиблеты, то у него не хватило силъ натя-нуть ихъ на ноги. Пришлось полежать и выпить воды.

— Какъ ты слабъ сталъ!—вздыхнула жена.—Тебѣ бы вовсе не ходить на этотъ обѣдъ.

— Прощу безъ совѣтовъ!—сердито оборвалъ ее учитель.

Онъ былъ сильно не въ духѣ, такъ какъ былъ очень недоволенъ послѣдними экзаменами. Сошли эти экзамены прекрасно; всѣ мальчики старшаго отдѣленія были удостоены свидѣтельства и награды; начальство, и фабричное, и казенное, осталось довольно успѣхами, но учителю было мало этого. Ему было досадно, что ученикъ Бабкинъ, всегда писавшій безъ одной ошибки, сдѣлалъ въ экзаменаціонномъ диктантѣ три ошибки; ученикъ Сергѣевъ отъ волненія не сумѣлъ помножить 17 на 13; инспекторъ, человѣкъ молодой и неопытный, статью для диктанта выбралъ трудную, а учитель сосѣдней школы, Лянуновъ, котораго инспекторъ попросилъ диктовать, велъ себя «не по-говаринчески»: диктуя—выговаривалъ слова не такъ, какъ они пишутся, и точно жевалъ слова.

Натянувши съ помощью жены пиджеты и оглядѣвъ себя еще разъ въ зеркало, учитель взялъ свою суковатую палку и отиравился на обѣдъ. У самаго входа въ квартиру директора фабрики, гдѣ устраивалось торжество, съ нимъ произошла маленькая неприятность. Онъ вдругъ закашлялся... Отъ кашлевыхъ толчковъ съ головы слетѣла фуражка и изъ рукъ вывалилась палка, а когда изъ квартиры директора, слышавъ его кашель, выбѣжали учителя и инспекторъ училищъ, онъ сидѣлъ на нижней ступени и обливался потомъ.

— Федоръ Лукичъ, это вы?—удивился инспекторъ.— Вы... пришли?

— А что?

— Вамъ, голубчикъ, посидѣть бы дома. Сегодня вы совсѣтъ нездоровы...

— Сегодня я такой, какимъ и вчера былъ. А если вамъ неприятно мое присутствіе, то я могу уйти.

— Ну, къ чему эти слова, Федоръ Лукичъ? Зачѣмъ говорить это? Милости просимъ! Собственно вѣдь не мы, а вы виновникъ торжества. Намъ даже очень приятно, помилуйте!..

Въ квартирѣ директора фабрики все уже было готово къ торжеству. Въ большой столовой съ нѣмецкими олеографіями и запахомъ герани и лака, стояли два стола: одинъ большой для обѣда, другой поменьше—закусочный. Въ окно сквозь спущенныя шторы еле-еле пробивался полуденный,

знойный свѣтъ... Комнатныя сумерки, швейцарскіе виды на шторахъ, герань, тонко порѣзанная колбаса на тарелкахъ—глядѣли наивно, дѣвически-сентиментально, и все это было похоже на самого хозяина квартиры, маленькаго, добродушнаго нѣмца, съ круглымъ животикомъ и съ масляными, ласковыми глазками. Адольфъ Андреичъ Бруни (такъ звали хозяина) суетился около закусочнаго стола, какъ на пожарѣ, наливаль рюмки, подкладываль въ тарелки и все старался, какъ бы угодить, размѣшить, показать свое дружелюбіе. Онъ хлопаль по плечамъ, заглядываль въ глаза, хихикаль, потираль руки, однимъ словомъ, ласкался, какъ добрая собака.

— Ѳедоръ Лукичъ, кого вижу!—заговорилъ онъ прерывистымъ голосомъ, увидѣвъ Сысоева.—Какъ намъ пріятно! Несмотря на свою болѣзнь, вы пришли!.. Господа, позвольте васъ порадовать: Ѳедоръ Лукичъ пришелъ!

Около закусочнаго столика уже толпились педагоги и фли. Сысоевъ нахмурился; ему не понравилось, что товарищи начали ѣсть и пить, не дождавшись его. Онъ выглядѣлъ среди нихъ Ляпунова, того самаго, который диктоваль на экзаменѣ, и подойдя къ нему началъ:

— Это не по-товарищески! Да-съ! Такъ порядочные люди не диктуютъ!

— Господи, вы все о томъ же!—сказаль Ляпуновъ и поморщился.—Неужели вамъ не надобно?

— Да, все о томъ же! У меня Бабкинъ никогда ошибокъ не дѣлаль! Я знаю, почему вы такъ диктовали. Вамъ просто хотѣлось, чтобы мои ученики провалились и ваша школа показалась лучше моею. Я все понимаю!..

— Да что вы придираетесь?—огрызнулся Ляпуновъ.—Какого чорта вы ко мнѣ пристааете?

— Будеть, господа,—вмѣшался инспекторъ, дѣлая плачущее лицо.—Ну, стоитъ ли изъ-за пустяковъ горячиться? Три ошибки... ни одной ошибки... ну, не все ли это равно?

— Нѣтъ, не все равно. У меня Бабкинъ никогда ошибокъ не дѣлаль!

— Пристаеть!—продолжалъ Ляпуновъ, сердито фыркая.—Пользуется своимъ положеніемъ больного человѣка и всѣхъ поѣдомъ ѣсть. Ну, я, батенька, не погляжу, что вы большой!

— Оставьте мою болѣзнь въ покоѣ!—сердито крикнулъ Сысоевъ.—Какое вамъ дѣло? Зарядили всѣ одно: болѣзнь! болѣзнь! болѣзнь!.. Очень мнѣ нужно ваше сочувствіе! Да и откуда вы взяли, что я боленъ? Былъ до экзаменовъ боленъ, это правда, а теперь я совсѣмъ поправился, только слабость осталась.

— Выздоровѣлъ, пу, и слава Богу,—сказалъ законоучитель о. Николай, молодой священникъ въ франтоватой коричневой рясѣ и въ брюкахъ на выпускъ.—Радоваться нужно, а вы раздражаетесь и прочее тому подобное.

— Вы тоже хороши,—перебилъ его Сысоевъ.—Вопросы должны быть прямые, ясные, а вы все время загадки задавали. Такъ нельзя!

Его кое-какъ общими силами успокоили и усадили за столъ. Онъ долго выбиралъ, чего бы выпить, и, сдѣлавъ кислое лицо, выпилъ полрюмки какой-то зеленой настойки, затѣмъ потянулъ къ себѣ кусокъ пирога и кропотливо выбралъ изъ начинки яйца и лукъ. Съ перваго же глотка пирогъ показался ему прѣснымъ. Онъ посолилъ его и тотчасъ же сердито отодвинулъ, такъ какъ пирогъ былъ пересолень.

За обѣдомъ Сысоева посадили между инспекторомъ и Бруни. Послѣ перваго же блюда, по давно заведенному обычаю, начались тосты.

— Считаю приятнымъ долгомъ,—началъ инспекторъ:—поблагодарить отсутствующихъ здѣсь понечителей школы Данила Петровича и... и... и...

— И Ивана Петровича...—подсказалъ Бруни.

— И Ивана Петровича Куликиныхъ, не жалѣющихъ средствъ на школу, и предлагаю выпить за ихъ здоровье...

— Съ своей стороны,—сказалъ Бруни, вскочивъ, какъ ужаленный:—я предлагаю тостъ за здоровье уважаемаго инспектора народныхъ училищъ, Павла Геннадіевича Надарова!

Задвигались стулья, заулыбались лица и началось обычное чоканье. Третій тостъ всегда принадлежалъ Сысоеву. И на этотъ разъ онъ поднялся и сталъ говорить. Сдѣлавъ серьезное лицо и откашлявшись, онъ прежде всего заявилъ, что у него нѣтъ дара краснорѣчія и что говорить онъ не готовился. Далѣе онъ сказалъ, что за 14 лѣтъ его службы было много интригъ, подкоповъ и даже доносовъ на него

и что онъ знаетъ своихъ враговъ и доносчиковъ, но не желаетъ называть ихъ «изъ боязни испортить кое-кому аппетитъ»; несмотря на интриги, Куликинская школа заняла первое мѣсто во всей губерніи «не только въ нравственномъ, но даже и въ матеріальномъ отношеніи».

— Вездѣ, — сказалъ онъ:— учителя получаютъ 200 да 300, а я получаю 500 рублей, и къ тому же моя квартира отдѣлана заново и даже меблирована на счетъ фабрики. А въ этомъ году всѣ стѣны оклеены новыми обоями...

Далѣе учитель распространился о томъ, какъ щедро сравнительно съ земскими и казенными школами ученики снабжаются письменными принадлежностями. И всѣмъ этимъ, по его мнѣнію, школа обязана не хозяевамъ фабрики, живущимъ за границей и едва ли даже знающимъ о существованіи школы, а человѣку, который, несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе и лютеранскую вѣру, имѣетъ русскую душу. Сысоевъ говорилъ долго, съ передышками и съ претензіей на витіеватость, и рѣчь его вышла тягучей и непріятной. Онъ нѣсколько разъ уномянулъ про какихъ-то враговъ своихъ, старался говорить намеками, повторялся, кашлялъ, некрасиво шевелилъ пальцами. Подъ конецъ онъ утомился, вспотѣлъ и сталъ говорить тихо, прерывисто, какъ бы про себя и кончилъ свою рѣчь не совсѣмъ складно:

— Итакъ, предлагаю выпить за Бруни, то-есть за Адольфа Андренча, который тутъ, между нами... вообще... и понятно.

Когда онъ кончилъ, всѣ легко вздохнули, какъ будто кто брызнулъ въ воздухъ холодной водой и разсѣялъ духоту. Неприятнаго чувства не испыталъ, повидимому, одинъ только Бруни. Сіяя и закатывая свои сентиментальные глаза, нѣмецъ съ чувствомъ потрясъ руку Сысоеву и опять заласкался, какъ собака.

— О, благодарю васъ!—сказалъ онъ, дѣлая удареніе на о и прижимая лѣвую руку къ сердцу.—Я очень счастливъ, что вы меня понимаете! Я всей душой, я желаю всего лучшаго! Но только долженъ я вамъ замѣтить, вы преувеличиваете мое значеніе. Своимъ процвѣтаніемъ школа обязана только вамъ, почтеннѣйшій мой другъ, Федоръ Лукичъ! Безъ васъ она ничѣмъ не отличалась бы отъ другихъ школъ! Вы думаете: нѣмецъ говоритъ комплиментъ, нѣмецъ

говорить деликатности. Ха-ха! Нѣтъ, душа моя, Ѳедоръ Лукичъ, я честный человѣкъ и никогда не говорю комплиментовъ. Если мы платимъ вамъ пятьсотъ рублей въ годъ, то, значить, вы дороги намъ. Не такъ ли? Господа, вѣдь я правду говорю? Другому мы не платили бы столько... Помилуйте, хорошая школа—это честь для фабрики!

— Я долженъ искренно сознаться, что ваша школа дѣйствительно необыкновенна, — сказалъ инспекторъ. — Не подумайте, что это ениміамъ. По крайней мѣрѣ другой такой мнѣ не приходилось встрѣчать во всю жизнь. Я сидѣлъ у васъ на экзаменѣ и все время удивлялся... Чудо, что за дѣти! Много знаютъ и бойко отвѣчаютъ и притомъ они у васъ какія-то особенныя, незапуганныя, искреннія... Замѣтно, что и васъ любятъ, Ѳедоръ Лукичъ. Вы педагогъ до мозга костей, вы, должно-быть, родились учителемъ. Всѣ данныя въ васъ: и врожденное призваніе, и многолѣтній опытъ, и любовь къ дѣлу... Просто удивительно, сколько у васъ при слабости здоровья энергій, знанія дѣла... этой, понимаете ли, выдержки, увѣренности! Правду сказалъ кто-то въ училищномъ совѣтѣ, что вы поэтъ въ своемъ дѣлѣ... Именно поэтъ!

И всѣ обѣдавшіе единодушно, какъ одинъ человѣкъ, заговорили о необыкновенномъ талантѣ Сысоева. И точно плотина прорвалась: потекли искреннія, восторженные рѣчи, какихъ не говоритъ человѣкъ, когда его сдерживаетъ расчетливая и осторожная трезвость. Были забыты и рѣчь Сысоева, и его несносный характеръ, и злое, нехорошее выраженіе лица. Разговорились всѣ, даже молчаливые и робкіе, вновь назначенные учителя, убогіе, забытые юноши, иначе не величавшіе инспектора, какъ «ваше высокоблагородіе». Ясно, что въ своемъ кругу Сысоевъ былъ личностью замѣчательной.

Привыкшій за 14 лѣтъ службы къ успѣхамъ и похваламъ, онъ равнодушно прислушивался къ восторженному гулу своихъ почитателей.

Вмѣсто него похвалами упивался Бруни. Шѣмецъ ловилъ каждое слово, сіялъ, хлопалъ въ ладоши и застѣнчиво краснѣлъ, точно похвалы относились не къ учителю, а къ нему.

— Bravo! Bravo!—кричалъ онъ.—Вѣрно! Вы угадали мою мысль!.. Отлично!..

Онъ заглядывалъ учителю въ глаза, какъ бы желая по-дѣлиться съ нимъ своимъ блаженствомъ. Въ концѣ концовъ онъ не выдержалъ, вскочилъ и, покрывая всѣ голоса своимъ визгливымъ теноркомъ, прокричалъ:

— Господа! Позвольте мнѣ говорить! Тсс! На всѣ ваши слова я могу только одно сказать: фабричная администрація не останется въ долгу у Федора Лукича!..

Всѣ смолкли. Сысоевъ поднялъ глаза на розовое лицо нѣмца.

— Мы умѣемъ цѣнить,—продолжалъ Бруни, дѣлая серьезное лицо и понижая голосъ.—На всѣ ваши слова я долженъ сказать вамъ, что... семья Федора Лукича будетъ обезпечена и что на этотъ предметъ мѣсяцъ тому назадъ уже положенъ въ банкъ капиталъ.

Сысоевъ вопросительно поглядѣлъ на нѣмца, на товарищей, какъ бы недоумѣвая: почему будетъ обезпечена семья, а не онъ самъ? И тутъ на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ неподвижныхъ, устремленныхъ на него взглядахъ, онъ прочелъ не сочувствіе, не состраданіе, которыхъ онъ терпѣть не могъ, а что-то другое, что-то мягкое, нѣжное и въ то же время въ высшей степени зловѣщее, похожее на страшную истину, что-то такое, что въ одно мгновеніе наполнило его тѣло холодомъ, а душу невыразимымъ отчаяніемъ. Съ блѣднымъ, покривившимся лицомъ, онъ вдругъ вскочилъ и схватилъ себя за голову. Четверть минуты простоялъ онъ такъ, съ ужасомъ глядѣлъ впередъ въ одну точку, какъ будто видѣлъ передъ собою эту близкую смерть, о которой говорилъ Бруни, потомъ сѣлъ и заплакалъ.

— Полноте!.. Что съ вами?..—слышалъ онъ встревоженные голоса.—Воды! Выпейте воды!

Прошло немного времени и учитель успокоился, но уже прежнее оживленіе не возвращалось къ обѣдающимъ. Обѣдъ кончился въ угрюмомъ молчаніи и гораздо раньше, чѣмъ въ прошлые годы.

Придя домой, Сысоевъ прежде всего поглядѣлся въ зеркало.

«Конечно, напрасно я тамъ разревѣлся!» — думалъ онъ, глядя на свои глаза съ темными кругами и на впалыя щеки.—Сегодня у меня цвѣтъ лица гораздо лучше, чѣмъ вчера. У меня малокровіе и катаръ желудка, а кашель у меня желудочный.

Успокоившись на этомъ, онъ медленно раздѣлся и долго чистилъ вѣничкомъ свою черную пару, потомъ старательно сложилъ ее и заперъ въ комодъ.

Потомъ онъ подошелъ къ столу, гдѣ лежала стопка ученическихъ тетрадей и, выбравъ тетрадь Бабкина, сѣлъ и погрузился въ созерцаніе красиваго дѣтскаго почерка...

А въ это время, пока онъ разсматривалъ диктантъ своихъ учениковъ, въ сосѣдней комнатѣ сидѣлъ земскій врачъ и шопотомъ говорилъ его женѣ, что не слѣдовало бы отпущать на обѣдъ человѣка, которому осталось жить, повидимому, не болѣе недѣли.

ТЯЖЕЛЫЕ ЛЮДИ.

Ширяевъ, Евграфъ Ивановичъ, мелкій землевладѣлецъ изъ поповичей (его покойный родитель о. Іоаннъ получилъ въ даръ отъ генеральши Кувшинниковой 102 десятины земли), стоялъ въ углу передъ мѣднымъ рукомошкой и мылъ руки. По обыкновенію, видъ у него былъ озабоченный и хмурый, борода не чесана.

— Ну, да и погода! — говорилъ онъ. — Это не погода, а наказанье Господне. Опять дождь пошелъ!

Онъ ворчалъ, а семья его сидѣла за столомъ и ждала, когда онъ кончитъ мыть руки, чтобы начать обѣдать. Его жена Федосья Семеновна, сынъ Петръ — студентъ, старшая дочь Варвара и трое маленькихъ ребятъ давно уже сидѣли за столомъ и ждали. Ребята — Колька, Ванька и Архипка, курносые, запачканные, съ мясистыми лицами и съ давно не стриженными, жесткими головами, нетерпѣливо двигали стульями, а взрослые сидѣли, не шевелясь и, повидимому, для нихъ было все равно, — ѣсть или ждать...

Какъ бы испытывая ихъ терпѣніе, Ширяевъ медленно вытеръ руки, медленно помолился и не спѣша сѣлъ за столъ. Тотчасъ же подали щи. Со двора доносился стукъ плотницкихъ топоровъ (у Ширяева строился новый сарай) и смѣхъ работника Ѳомки, дразниваго индюка. Въ окно стучалъ рѣдкій, но крупный дождь.

Студентъ Петръ, въ очкахъ и сутуловатый, ѣлъ и переглядывался съ матерью. Нѣсколько разъ онъ клалъ ложку и кашлялъ, желая начать говорить, но взглянувши при-

стально на отца, опять принимался за їду. Наконецъ, когда подали кашу, онъ рѣшительно каплянулъ и сказалъ:

— Мнѣ бы сегодня ѣхать съ вечернимъ поѣздомъ. Давно пора, а то я ужъ и такъ двѣ недѣли пропустилъ. Лекціи начинаются перваго сентября!

— И поѣзжай,—согласился Ширияевъ.—Чего тебѣ тутъ ждять? Возьми и поѣзжай съ Богомъ.

Прошла минута въ молчаніи.

— Ему, Евграфъ Ивановичъ, денегъ на дорогу надо...— тихо проговорила мать.

— Денегъ? Что жъ! Безъ денегъ не уѣдешь. Коли нужно, хоть сейчасъ бери. Давно бы взялъ!

Студентъ легко вздохнулъ и весело переглянулся съ матерью. Ширияевъ не спѣша вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ и надѣлъ очки.

— Сколько тебѣ?—спросилъ онъ.

— Собственно дорога до Москвы стоитъ одиннадцать рублей сорокъ двѣ...

— Эхъ, деньги, деньги! — вздохнулъ отецъ (онъ всегда вздыхалъ, когда видѣлъ деньги, даже получая ихъ).— Вотъ тебѣ двѣнадцать. Тутъ, братъ, будетъ сдача, такъ это тебѣ въ дорогѣ сгодится.

— Благодарю васъ.

Немного погодя, студентъ сказалъ:

— Въ прошломъ году я не сразу попалъ на урокъ. Не знаю, что будетъ въ этомъ году; вѣроятно, не скоро найду себѣ заработокъ. Я просилъ бы васъ дать мнѣ рублей пятнадцать на квартиру и обѣдъ.

Ширияевъ подумалъ и вздохнулъ.

— Будетъ съ тебя и десяти,—сказалъ онъ.—На, возьми!

Студентъ поблагодарилъ. Слѣдовало бы попросить еще на одежду, на плату за слушаніе лекцій, на книги, но поглядѣвъ пристально на отца, онъ рѣшилъ уже больше не приставать къ нему. Мать же, неполитичная и неразсудительная, какъ всѣ матери, не выдержала и сказала:

— Ты бы, Евграфъ Ивановичъ, далъ ему еще рублей шесть на сапоги. Ну, какъ ему, погляди, ѣхать въ Москву въ такой рвани?

— Пусть мои старые возьметъ. Они еще совѣмъ новыя.

— Хоть бы на брюки далъ. На него глядѣть срамъ...

И послѣ этого тотчасъ же показался буревѣстникъ, пе-

редь которымъ трепетала вся семья: короткая, упитанная шея Ширяева стала вдругъ красной, какъ кумачъ. Краска медленно поползла къ ушамъ, отъ ушей къ вискамъ и мало-по-малу залила все лицо. Евграфъ Иванычъ задвигался на стулѣ и разстегнулъ воротникъ сорочки, чтобы не было душно. Видимо онъ боролся съ чувствомъ, которое овладѣвало имъ. Наступила мертвая тишина. Дѣти притаили дыханіе, Федосья же Семеновна, словно не понимая, что дѣлается съ ея мужемъ, продолжала:

— Вѣдь онъ уже не маленькій. Ему совѣстно ходить раздѣтымъ.

Ширяевъ вдругъ вскочилъ и изо всей силы швырнулъ на середину стола свой толстый бумажникъ, такъ что сшибъ съ тарелки ломоть хлѣба. На лицѣ его вспыхнуло отвратительное выраженіе гнѣва, обиды, жадности— всего этого вмѣстѣ.

— Берите все! — крикнулъ онъ не своимъ голосомъ.—
Грабьте! Берите все! Душите!

Онъ выскочилъ изъ-за стола, схватилъ себя за голову и, спотыкаясь, забѣгалъ по комнатѣ.

— Обирайте все до нитки! — кричалъ онъ визгливымъ голосомъ.—Выжимайте послѣднее! Грабьте! Душите за горло!

Студентъ покраснѣлъ и опустилъ глаза. Онъ не могъ уже ѣсть. Федосья Семеновна, не привыкшая за двадцать пять лѣтъ къ тяжелому характеру мужа, вся съежилась и залепетала что-то въ свое оправданіе. На ея истощенномъ итичемъ лицѣ, всегда тупомъ и испуганномъ, появилось выраженіе изумленія и тупого страха. Ребята и старшая дочь Варвара, дѣвушка-подростокъ съ блѣднымъ, некрасивымъ лицомъ, положили свои ложки и замерли.

Ширяевъ, свирѣпѣя все болѣе, произнося слова одно другого ужаснѣе, подскочилъ къ столу и сталъ вытряхивать изъ бумажника деньги.

— Берите!—бормоталъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Обѣли, опили, такъ на-те вамъ и деньги! Ничего мнѣ не нужно! Шейте себѣ новые сапоги и мундиры!

Студентъ поблѣднѣлъ и поднялся.

— Послушайте, папаша,—началъ онъ, задыхаясь.—Я... я прошу васъ прекратить, потому что...

— Молчи!—крикнулъ на него отецъ и такъ громко, что очки у него свалились съ носа.—Молчи!

— Прежде я... я могъ сносить подобныя сцены, но... теперь я отвыкъ. Понимаете? Я отвыкъ!

— Молчи! — крикнулъ отецъ и затопалъ ногами. — Ты долженъ слушать, что я говорю! Что хочу, то и говорю, а ты—молчать! Въ твои годы я деньги зарабатывалъ, а ты, подлець, знаешь, сколько мнѣ стоишь? Я тебя выгоню! Дармождь!

— Евграфъ Ивановичъ,—пробормотала Ѳедосья Семеновна, нервно шевеля пальцами.—Вѣдь онъ... вѣдь Петя...

— Молчи! — крикнулъ на нее Ширяевъ, и даже слезы выступили у него на глазахъ отъ гнѣва.—Это ты ихъ избаловала! Ты! Ты всему виновата! Онъ насъ не почитаетъ, Богу не молится, денегъ не зарабатываетъ! Васъ десятеро, а я одинъ! Изъ дому я васъ выгоню!

Дочь Варвара долго глядѣла на мать, разинувъ ротъ, потомъ перевела тупой взглядъ на окно, поблѣднѣла и, громко вскрикнувъ, откинулась на спинку стула. Отецъ махнулъ рукой, плюнулъ и выбѣжалъ на дворъ.

Этимъ обыкновенно заканчивались у Ширяевыхъ ихъ семейныя сцены. Но тутъ, къ несчастью, студентомъ Петромъ овладѣла вдругъ непреодолимая злоба. Онъ былъ такъ же вспыльчивъ и тяжелъ, какъ его отецъ и его дѣдъ протопопъ, бившій прихожанъ палкой по головамъ. Блѣдный, съ сжатыми кулаками подошелъ онъ къ матери и прокричалъ самой высокой теноровой нотой, какою только онъ могъ взять:

— Мнѣ гадки, отвратительны эти попреки! Ничего мнѣ отъ васъ не нужно! Ничего! Скорѣй съ голоду умру, чѣмъ съѣмъ у васъ еще хоть одну крошку! На-те вамъ назадъ ваши подлые деньги! Возьмите!

Мать прижалась къ стѣнѣ и замахала руками, точно передъ нею стоялъ не сынъ, а привидѣнiе.

— Чѣмъ же я виновата?—заплакала она.—Чѣмъ?

Сынъ такъ же, какъ и отецъ, махнулъ рукой и выбѣжалъ на дворъ. Домъ Ширяева стоялъ одиночкой у балки, которая бороздой проходила по стене верстъ на пять. Края ея поросли молодымъ дубомъ и ольхой, а на днѣ бѣжалъ ручей. Домъ одною стороною глядѣлъ на балку, другою выходилъ въ поле. Заборовъ и плетней не было. Ихъ замѣняли всякаго рода стройки, тѣсно жавшіяся другъ къ другу и замыкавшія передъ домомъ небольшое простран-

ство, которое считалось дворомъ и гдѣ ходили куры, утки и свиньи.

Выйдя наружу, студентъ пошелъ по грязной дорогѣ въ поле. Въ воздухѣ стояла осенняя, пронизывающая сырость. Дорога была грязна, блестя тамъ и сямъ лужицы, а въ желтомъ полѣ изъ травы глядѣла сама осень; унылая, гнилая, темная. По правую сторону дороги былъ огородъ, весь изрытый, мрачный, кое-гдѣ возвышались на немъ подсолнечники съ опущенными, уже черными головами.

Петръ думалъ, что не дурно бы пойти въ Москву пѣшкомъ, пойти, какъ есть, безъ шапки, въ рваныхъ сапогахъ и безъ копейки денегъ. На сотой верстѣ его догонитъ встрепаанный и испуганный отецъ, начнетъ просить его вернуться или принять деньги, но онъ даже не взглянетъ на него, а все будетъ идти, идти... Голые лѣса будутъ смѣняться унылыми полями, поля—лѣсамъ; скоро земля забѣлѣетъ первымъ снѣгомъ, и рѣчки подернутся льдомъ... Гдѣ-нибудь подъ Курскомъ или подъ Серпуховымъ онъ, обезсиленный и умирающій отъ голода, свалится и умретъ. Его трупъ найдутъ и во всѣхъ газетахъ появится извѣстие, что тамъ-то студентъ такой-то умеръ отъ голода...

Бѣлая собака съ грязнымъ хвостомъ, бродившая по огороду и чего-то искавшая, поглядѣла на него и побрела за нимъ...

Онъ шелъ по дорогѣ и думалъ о смерти, о горѣ близкихъ, о нравственныхъ мученіяхъ отца, и тутъ же рисовалъ себѣ всевозможныя дорожныя приключенія, одно другого причудливѣе, живописныя мѣста, страшныя ночи, нечаянныя встрѣчи. Вообразилъ онъ вереницу богомолокъ, избушку въ лѣсу съ однимъ окошкомъ, которое ярко свѣтится въ потемкахъ; онъ стоитъ передъ окошкомъ, просится на ночлегъ... его пускаютъ и—вдругъ онъ видитъ разбойниковъ. А то еще лучше, попадаетъ онъ въ большой помѣщичій домъ, гдѣ, узнавъ, кто онъ, поятъ и кормятъ его, играютъ ему на рояли, слушаютъ его жалобы, и въ него влюбляется хозяйская дочь красавица.

Занятый своимъ горемъ и подобными мыслями, молодой Ширяевъ все шелъ и шелъ... Впереди далеко-далеко на сѣромъ облачномъ фонѣ темнѣлъ постоянный дворъ; еще дальше двора, на самомъ горизонтѣ виденъ былъ маленькій бу-

горокъ; это станція желѣзной дороги. Этотъ бугорокъ напомнилъ ему связь, существующую между мѣстомъ, гдѣ онъ теперь стоялъ, и Москвой, въ которой горять фонари, стучать экипажи, читаются лекціи. И онъ едва не заплакалъ отъ тоски и нетерпѣнія. Эта торжественная природа со своимъ порядкомъ и красотой, эта мертвая тишина кругомъ опротивѣли ему до отчаянія, до ненависти!

— Берегись!—услышалъ онъ сзади себя громкій голосъ,

Мимо студента въ легкомъ, изящномъ ландо прокатила знакомая старушка-помѣщица. Онъ поклонился ей и улыбнулся во все лицо. И тотчасъ же онъ поймалъ себя на этой улыбкѣ, которая совсѣмъ не шла къ его мрачному настроенію. Откуда она, если вся его душа полна досады и тоски?

И онъ подумалъ, что, вѣроятно, сама природа дала челоуѣку эту способность лгать, чтобы онъ даже въ тяжелыя минуты душевнаго напряженія могъ хранить тайны своего гнѣзда, какъ хранить ихъ лисица или дикая утка. Въ каждой семьѣ есть свои радости и свои ужасы, но какъ они ни велики, трудно увидать ихъ постороннему глазу; они тайна. У этой помѣщицы, напр., которая только-что проѣхала мимо, родной отецъ за какую-то неправду полжизни несъ гнѣвъ царя Николая, мужъ ея былъ картежникомъ, изъ четырехъ сыновей ни изъ одного не вышло толку. Можно же представить себѣ, сколько въ ея семьѣ происходило ужасныхъ сценъ, сколько пролито слезъ. А между тѣмъ старуха казалась счастливою, довольной и на его улыбку отвѣтила тоже улыбкой. Вспомнилъ студентъ своихъ товарищей, которые неохотно говорятъ о семьяхъ, вспомнилъ свою мать, которая почти всегда жлетъ, когда ей приходится говорить о мужѣ и дѣтяхъ...

До самыхъ сумерекъ Петръ ходилъ далеко отъ дома по дорогамъ и предавался невеселымъ мыслямъ. Когда заморосилъ дождь, онъ направился къ дому. Возвращаясь, онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, поговорить съ отцомъ, втолковать ему, разъ и навсегда, что съ нимъ тяжело и страшно жить.

Дома засталъ онъ тишину. Сестра Варвара лежала за перегородкой и слегка стонала отъ головной боли. Мать съ удивленнымъ, виноватымъ лицомъ сидѣла около нея на сундукѣ и починяла брюки Архипки. Евграфъ Ивановичъ

ходилъ отъ окна къ окну и хмурился на погоду. По его походкѣ, по кашлю и даже по затылку видно было, что онъ чувствовалъ себя виноватымъ.

— Стало-быть, ты раздумалъ сегодня ѣхать? — спросилъ онъ.

Студенту стало жаль его, но тотчасъ же, пересиливъ это чувство, онъ сказалъ:

— Послушайте... Мнѣ нужно поговорить съ вами серьезно... Да, серьезно... Всегда я уважалъ васъ и... и никогда не рѣшался говорить съ вами такимъ тономъ, но ваше поведеніе... послѣдній поступокъ...

Отецъ глядѣлъ въ окно и молчалъ. Студентъ, какъ бы придумывая слова, потеръ себѣ лобъ и продолжалъ въ сильномъ волненіи:

— Не проходитъ обѣда и чая, чтобы вы не поднимали шума. Вашъ хлѣбъ останавливается у всѣхъ поперекъ горла... Нѣтъ ничего оскорбительнѣе, унижительнѣе, какъ попреси кускомъ хлѣба... Вы хоть и отецъ, но никто, ни Богъ, ни природа, не дали вамъ права такъ тяжело оскорблять, унижать, срывать на слабыхъ свое дурное расположеніе. Вы замучили, обезличили мать, сестра безнадежно забита, а я...

— Не твое дѣло меня учить, — сказалъ отецъ.

— Нѣтъ, мое дѣло! Надо мной можете издѣваться, сколько вамъ угодно, но мать оставьте въ покоѣ! Я не позволю вамъ мучить мать! — продолжалъ студентъ, сверкая глазами. — Вы избалованы, потому что никто еще не рѣшался идти противъ васъ. Передъ вами трепетали, нѣмѣли, но теперь кончено! Грубый, невоспитанный человѣкъ! Вы грубы... понимаете? вы грубы, тяжелы, черствы! И мужики васъ терпѣть не могутъ!

Студентъ уже потерялъ нить и не говорилъ уже, а точно выпаливалъ отдѣльными словами. Евграфъ Ивановичъ слушалъ и молчалъ, какъ бы ошеломленный: но вдругъ шея его побагровѣла, краска поползла по лицу, и онъ задвигался.

— Молчать! — крикнулъ онъ.

— Ладно! — не унимался сынъ. — Не любите слушать правду? Отлично! Хорошо! Начинайте кричать! Отлично!

— Молчать, тебѣ говорю! — заревѣлъ Евграфъ Ивановичъ. Въ дверяхъ показалась Федосья Семеновна съ удивлен-

нымъ лицомъ, очень блѣдная; хотѣла она что-то сказать и не могла, а только шевелила пальцами.

— Это ты виновата!—крикнулъ ей Ширяевъ.—Ты его такъ воспитала!

— Я не желаю жить болѣе въ этомъ домѣ!—крикнулъ студентъ, плача и глядя на мать со злобой.— Не желаю я съ вами жить!

Дочь Варвара вскрикнула за ширмой и громко зарыдала. Ширяевъ махнулъ рукой и выбѣжалъ изъ дому.

Студентъ пошелъ къ себѣ и тихо легъ. До самой ночи лежалъ онъ неподвижно и не открывая глазъ. Онъ не чувствовалъ ни злобы, ни стыда, а какую-то неопредѣленную душевную боль. Онъ не обвинялъ отца, не жалѣлъ матери, не терзалъ себя угрызеніями; ему понятно было, что всѣ въ домѣ теперь испытываютъ такую же боль, а кто виноватъ, кто сградеетъ болѣе, кто менѣе, Богу извѣстно...

Въ полночь онъ разбудилъ работника и приказалъ ему приготовить къ пяти часамъ утра лошадь, чтобы ѣхать на станцію, раздѣлся и укрылся, но уснуть не могъ. Слышно ему было до самаго утра, какъ не спавшій отецъ тихо бродилъ отъ окна къ окну и вздыхалъ. Никто не спалъ; всѣ говорили рѣдко, только шопотомъ. Два раза къ нему за ширмы приходила мать. Все съ тѣмъ же удивленно-тупымъ выраженіемъ, она долго крестила его и нервно вздрагивала...

Въ пять часовъ утра студентъ нѣжно простился со всѣми и даже поплакалъ. Проходя мимо отцовской комнаты, онъ заглянулъ въ дверь. Евграфъ Ивановичъ одѣтый, еще не ложившійся, стоялъ у окна и барабанилъ по стекламъ.

— Прощайте, я ѣду,—сказалъ сынъ.

— Прощай... Деньги на круглому столѣ... — отвѣтилъ отецъ, не поворачиваясь.

Когда работникъ везъ его на станцію, шелъ противный, холодный дождь. Подсолнечники еще ниже нагнули свои головы и трава казалась темнѣе.

ДУЭЛЬ.

I.

Было восемь часовъ утра— время, когда офицеры, чиновники и прїѣзжіе обыкновенно послѣ жаркой, душевной ночи купались въ морѣ и потомъ шли въ павильонъ пить кофе или чай. Иванъ Андреечъ Лаевскій, молодой человекъ лѣтъ 28, худощавый блондинъ, въ фуражкѣ министерства финансовъ и въ туфляхъ, прїдя купаться, засталъ на берегу много знакомыхъ и между ними своего прїятеля, военного доктора Самойленко.

Съ большой стриженной головой, безъ шен, красный, носастый, съ мохнатыми черными бровями и съ сѣдыми бакенами, толстый, обрюзглый, да еще вдобавокъ съ хриплымъ армейскимъ басомъ, этотъ Самойленко на всякаго вновь прїѣзжавшаго производилъ непрїятное впечатлѣніе бурбона и хрипуна, но проходило два-три дня послѣ перваго знакомства, и лицо его начинало казаться необыкновенно добрымъ, милымъ и даже красивымъ. Несмотря на свою неуклюжесть и грубоватый тонъ, это былъ человекъ смиренный, безгранично добрый, благодушный и обязательный. Со всѣми въ городѣ онъ былъ на ты, всѣмъ давалъ деньги взаймы, всѣхъ лѣчилъ, сваталъ, мирилъ, устраивалъ пикники, на которыхъ жарилъ шашлыкъ и варилъ очень вкусную уху изъ кефалей; всегда онъ за кого-нибудь хлопоталъ и просилъ и всегда чему-нибудь радовался. По общему мнѣнію, онъ былъ безгрѣшенъ, и водились за нимъ только двѣ слабости: во-первыхъ, онъ стыдился своей

доброты и старался маскировать ее суровымъ взглядомъ и напускною грубостью и, во-вторыхъ, онъ любилъ, чтобы фельдшера и солдаты называли его вашимъ превосходительствомъ, хотя былъ только статскимъ совѣтникомъ.

— Отвѣтъ мнѣ, Александръ Давидычъ, на одинъ вопросъ, — началъ Лаевскій, когда оба они, онъ и Самойленко, вошли въ воду по самыя плечи. — Положимъ, ты полюбилъ женщину и сошелся съ ней; прожилъ ты съ нею, положимъ, больше двухъ лѣтъ и потомъ, какъ это случается, разлюбилъ и сталъ чувствовать, что она для тебя чужая. Какъ бы ты поступилъ въ такомъ случаѣ?

— Очень просто. Иди, матушка, на всѣ четыре стороны— и разговоръ весь.

— Легко сказать! Но если ей дѣваться некуда? Женщина она одинокая, безродная, денегъ ни гроша, работать не умѣетъ.

— Что жъ? Единовременно пятьсотъ въ зубы, или двадцать пять по-мѣсячно—и никакихъ. Очень просто.

— Допустимъ, что у тебя есть и пятьсотъ, и двадцать пять по-мѣсячно, но женщина, о которой я говорю, интеллигентна и горда. Неужели ты рѣшился бы предложить ей деньги? И въ какой формѣ?

Самойленко хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ это время большая волна накрыла ихъ обоихъ, потомъ ударилась о берегъ и съ шумомъ покатила назадъ по мелкимъ камнямъ. Пріятели вышли на берегъ и стали одѣваться.

— Конечно, мудроно жить съ женщиной, если не любишь,—сказалъ Самойленко, вытрясая изъ сапога песокъ.— Но надо, Ваня, рассуждать по человѣчности. Доведись до меня, то я бы и виду ей не показалъ, что разлюбилъ, а жилъ бы съ ней до самой смерти.

Ему вдругъ стало стыдно своихъ словъ; онъ спохватился и сказалъ:

— А по мнѣ хоть бы и вовсе бабъ не было. Ну ихъ къ лѣшему!

Пріятели одѣлись и пошли въ павильонъ. Тутъ Самойленко былъ своимъ человекомъ, и для него имѣлась даже особая посуда. Каждое утро ему подавали на подносѣ чашку кофе, высокій граненый стаканъ съ водою и со льдомъ и рюмку коньяку; онъ сначала выпивалъ коньякъ, потомъ горячій кофе, потомъ воду со льдомъ, и это, должно-

быть, было очень вкусно, потому что послѣ питья глаза у него становились масляными, онъ обѣими руками разглаживал бакены и говорилъ, глядя на море:

— Удивительно великолѣпный видъ!

Послѣ долгой ночи, потраченной на невеселія, безполезныя мысли, которыя мѣшали спать и, казалось, усиливали духоту и мракъ ночи, Лаевскій чувствовалъ себя разбитымъ и вялымъ. Отъ купанья и кофе ему не стало лучше.

— Будемъ, Александръ Давидычъ, продолжать нашъ разговоръ,—сказалъ онъ.—Я не буду скрывать и скажу тебѣ откровенно, какъ другу: дѣла мои съ Надеждой Федоровной плохи... очень плохи! Извини, что я посвящаю тебя въ свои тайны, но мнѣ необходимо высказаться.

Самойленко, предчувствовавшій, о чемъ будетъ рѣчь, потупилъ глаза и застучалъ пальцами по столу.

— Я прожилъ съ нею два года и разлюбилъ...—продолжалъ Лаевскій:—то-есть, вѣрнѣе, я понялъ, что никакой любви не было... Эти два года были—обманъ.

У Лаевского была привычка во время разговора внимательно осматривать свои розовыя ладони, грызть ногти, или мять пальцами манжеты. И теперь онъ дѣлалъ то же самое.

— Я отлично знаю, ты не можешь мнѣ помочь,—сказалъ онъ:—но говорю тебѣ, потому что для нашего брата-неудачника и лишняго человѣка все спасеніе въ разговорахъ. Я долженъ обобщать каждый свой поступокъ, я долженъ находить объясненіе и оправданіе своей нелѣпой жизни въ чьихъ-нибудь теоріяхъ, въ литературныхъ типахъ, въ томъ, на примѣръ, что мы, дворяне, вырождаемся и прочее... Въ прошлую ночь, на примѣръ, я утѣшалъ себя тѣмъ, что все время думалъ: ахъ, какъ правъ Толстой. Безжалостно правъ! И мнѣ было легче отъ этого. Въ самомъ дѣлѣ, братъ, великій писатель! Что ни говори.

Самойленко, никогда не читавшій Толстого и каждый день собиравшійся прочесть его, сконфузился и сказалъ:

— Да, всѣ писатели пишутъ изъ воображенія, а онъ прямо съ натуры...

— Боже мой,—вздохнулъ Лаевскій:—до какой степени мы искалчены цивилизаціей! Полюбилъ я замужнюю женщину; она меня тоже... Въ началѣ у насъ были и поцѣлуи, и тихіе вечера, и клятвы, и Спенсеръ, и идеалы, и

общіе интересы... Какая ложь! Мы бѣжали въ сущности отъ мужа, но гнали себѣ, что бѣжимъ отъ пустоты нашей интеллигентной жизни. Будущее наше рисовалось намъ такъ: въ началѣ на Кавказѣ, пока мы ознакомимся съ мѣстомъ и людьми, я надѣну вице-мундиръ и буду служить, потомъ же на просторѣ возьмемъ себѣ клочокъ земли, будемъ трудиться въ потѣ лица, заведемъ виноградникъ, поле и прочее. Если бы вмѣсто меня былъ ты, или этотъ твой зоологъ фонъ-Корень, то вы, быть-можетъ, прожили бы съ Надеждой Ѳедоровной тридцать лѣтъ и оставили бы своимъ наслѣдникамъ богатый виноградникъ и тысячу десятинъ кукурузы, я же почувствовалъ себя банкротомъ съ перваго дня. Въ городѣ невыносимая жара, скука, безлюдье, а выйдешь въ поле, тамъ подъ каждымъ кустомъ и камнемъ чудятся фаланги, скорпионы и змѣи, а за полемъ горы и пустыня. Чуждые люди, чуждая природа, жалкая культура — все это, братъ, не такъ легко, какъ гулять по Невскому въ шубѣ, подъ ручку съ Надеждой Ѳедоровной, и мечтать о теплыхъ краяхъ. Тутъ нужна борьба не на жизнь, а на смерть, а какой я боець? Жалкій неврастеникъ, бѣлоручка... Съ перваго же дня я понялъ, что мысли мои о трудовой жизни и виноградникѣ — ни къ чорту. Что же касается любви, то я долженъ тебѣ сказать, что жить съ женщиной, которая читала Спенсера и пошла для тебя на край свѣта, такъ же не интересно, какъ съ любой Анфисой, или Акулиной. Такъ же пахнетъ утюгомъ, пудрой и лѣкарствами, тѣ же папилютки каждое утро и тотъ же самообманъ...

— Безъ утюга нельзя въ хозяйствѣ, — сказалъ Самойленко, краснѣя отъ того, что Лаевскій говоритъ съ нимъ такъ откровенно о знакомой дамѣ.—Ты, Ваня, сегодня не въ духѣ, я замѣчаю. Надежда Ѳедоровна женщина прекрасная, образованная, ты — величайшаго ума человѣкъ... Конечно, вы не вѣнчаны, — продолжалъ Самойленко, оглядываясь на сосѣдніе столы: — но вѣдь это не ваша вина и къ тому же... надо быть безъ предразсудковъ и стоять на уровнѣ современныхъ идей. Я самъ стою за гражданскій бракъ, да... Но, по-моему, если разъ сошлись, то надо жить до самой смерти.

— Безъ любви?

— Я тебѣ сейчасъ объясню, — сказалъ Самойленко.—

Лѣтъ восемь назадъ у насъ тутъ былъ агентомъ старичокъ, величайшаго ума человѣкъ. Такъ вотъ онъ говаривалъ: въ семейной жизни главное — терпѣніе. Слышишь, Ваня? Не любовь, а терпѣніе. Любовь продолжаться долго не можетъ. Года два ты прожилъ въ любви, а теперь очевидно, твоя семейная жизнь вступила въ тотъ періодъ, когда ты, чтобы сохранить равновѣсіе, такъ сказать, долженъ пустить въ ходъ все свое терпѣніе...

— Ты вѣришь своему старичку-агенту, для меня же его совѣтъ — безсмыслица. Твой старичокъ могъ лицемѣрить, онъ могъ упражняться въ терпѣніи и при этомъ смотрѣть на нелюбимаго человѣка, какъ на предметъ, необходимый для его упражненій, но я еще не палъ такъ низко; если мнѣ захочется упражняться въ терпѣніи, то я куплю себѣ гимнастическія гири или норовистую лошадь, но человѣка оставлю въ покоѣ.

Самойленко потребовалъ бѣлаго вина со льдомъ. Когда выпили по стакану, Лаевскій вдругъ спросилъ:

— Скажи, пожалуйста, что значитъ размягченіе мозга?

— Это, какъ бы тебѣ объяснить... такая болѣзнь, когда мозги становятся мягче... какъ бы разжижаются.

— Излѣчимо?

— Да, если болѣзнь не запущена. Холодные души, мушка... Ну, внутрь чего-нибудь.

— Такъ... Такъ вотъ видишь ли, какое мое положеніе. Жить съ нею я не могу: это выше силъ моихъ. Пока я съ тобой, я вотъ и философствую, и улыбаюсь, но дома я совершенно падаю духомъ. Мнѣ до такой степени жутко, что если бы мнѣ сказали, положимъ, что я обязанъ прожить съ нею еще хоть одинъ мѣсяць, то я, кажется, пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ. И въ то же время разойтись съ ней нельзя. Она одинока, работать не умѣетъ, денегъ нѣтъ ни у меня, ни у нея... Куда она дѣнется? Къ кому пойдетъ? Ничего не придумаешь... Ну, вотъ, скажи: что дѣлать?

— М-да... — промычалъ Самойленко, не зная, что отвѣтить. — Она тебя любитъ?

— Да, любить настолько, насколько ей въ ея годы и при ея темпераментѣ нуженъ мужчина. Со мной ей было бы такъ же трудно разстаться, какъ съ пудрой, или папилютками. Я для нея необходимая составная часть ея будуара.

Самойленко сконфузился.

— Ты сегодня, Ваня, не въ духѣ, — сказали онъ. — Не спалъ, должно-быть.

— Да, плохо спалъ... Вообще, братъ, скверно себя чувствую. Въ головѣ пусто, замиранія сердца, слабость какая-то... Бѣжать надо!

— Куда?

— Туда, на сѣверъ. Къ соснамъ, къ грибамъ, къ людямъ, къ идеямъ... Я бы отдалъ полжизни, чтобы теперь гдѣ-нибудь въ Московской губерніи, или въ Тульской, выкупаться въ рѣчкѣ, озаяннуть, знаешь, потомъ бродить часа три хоть съ самымъ плохенькимъ студентомъ и болтать, болтать... А сѣномъ-то какъ пахнетъ! Помнишь? А по вечерамъ, когда гуляешь въ саду, изъ дому доносятся звуки рояля, слышно, какъ идетъ поѣздъ...

Лаевскій засмѣялся отъ удовольствія, на глазахъ у него выступили слезы и, чтобы скрыть ихъ, онъ, не вставая съ мѣста, потянулся къ сосѣднему столу за спичками.

— А я уже восемнадцать лѣтъ не былъ въ Россіи, — сказалъ Самойленко. — Забылъ ужъ, какъ тамъ. По-моему, великолѣпнѣе Кавказа и края нѣтъ.

— У Верещагина есть картина: на днѣ глубочайшаго колодца томятся приговоренные къ смерти. Такимъ вотъ точно колодцемъ представляется мнѣ твой великолѣпный Кавказъ. Если бы мнѣ предложили что-нибудь изъ двухъ: быть трубочистомъ въ Петербургѣ, или быть здѣшнимъ княземъ, то я взялъ бы мѣсто трубочиста.

Лаевскій задумался. Глядя на его согнутое тѣло, на глаза, устремленные въ одну точку, на блѣдное, вспотѣвшее лицо и впалые виски, на изгрызенные ногти и на туфлю, которая свѣсилась у пятки и обнаружила дурно заштопанный чулокъ, Самойленко проникся жалостью и, вѣроятно, потому, что Лаевскій напомнилъ ему безпомощнаго ребенка, спросилъ:

— Твоя мать жива?

— Да, но мы съ ней разошлись. Она не могла мнѣ простить этой связи.

Самойленко любилъ своего пріятеля. Онъ видѣлъ въ Лаевскомъ добраго малаго, студента, человѣка-рубаху, съ которымъ можно было и выпить, и посмѣяться, и потолковать по душѣ. То, что онъ понималъ въ немъ, ему крайне не

правилось. Лаевскій пилъ много и не въ-время, игралъ въ карты, презиралъ свою службу, жилъ не по средствамъ, часто употреблялъ въ разговорѣ непристойныя выраженія, ходилъ по улицѣ въ туфляхъ и при постороннихъ ссорился съ Надеждой Ѳедоровной—и это не нравилось Самойленку. А то, что Лаевскій былъ когда-то на филологическомъ факультетѣ, выписывалъ теперь два толстыхъ журнала, говорилъ часто такъ умно, что только немногіе его понимали, жилъ съ интеллигентной женщиной—всего этого не понималъ Самойленко, и это ему нравилось, и онъ считалъ Лаевского выше себя и уважалъ его.

— Еще одна подробность,—сказалъ Лаевскій, встряхивая головой.—Только это между нами. Я пока скрываю отъ Надежды Ѳедоровны, не проболтайся при ней... Третьяго дня я получилъ письмо, что ея мужъ умеръ отъ размягченія мозга.

— Царство небесное...—вздыхнулъ Самойленко.—Почему же ты отъ нея скрываешь?

— Показать ей это письмо значило бы: пожалуйте въ церковь вѣнчаться. А надо сначала выяснитъ наши отношенія. Когда она убѣдится, что продолжать жить вмѣстѣ мы не можемъ, я покажу ей письмо. Тогда это будетъ безопасно.

— Знаешь что, Ваня?—сказалъ Самойленко, и лицо его вдругъ приняло грустное и умоляющее выраженіе, какъ будто онъ собирался просить о чемъ-то очень сладкомъ и боялся, что ему откажутъ.—Женись, голубчикъ!

— Зачѣмъ?

— Исполни свой долгъ передъ этой прекрасной женщиной! Мужъ у нея умеръ, и такимъ образомъ само Провидѣніе указываетъ тебѣ, что дѣлать!

— Но пойми, чудака, что это невозможно. Жениться безъ любви такъ же подло и недостойно человѣка, какъ служить обѣдню, не вѣруя.

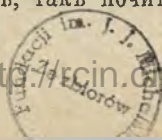
— Но ты обязанъ!

— Почему же я обязанъ?—спросилъ съ раздраженіемъ Лаевскій.

— Потому что ты увезъ ее отъ мужа и взялъ на свою отвѣтственность.

— Но тебѣ говорятъ русскимъ языкомъ: я не люблю!

— Ну, любви нѣтъ, такъ почитай, убожай...

— Почитай, убожай...—передразнилъ Лаевскій.—Точно она игуменья... Плохой ты психологъ и физиологъ, если думаешь, что, живя съ женщиной, можно выѣхать на одномъ только почтеніи да уваженіи. Женщину прежде всего нужна спальня.

— Ваня, Ваня...—сконфузился Самойленко.

— Ты—старый ребенокъ, теоретикъ, а я—молодой старикъ и практикъ, и мы никогда не поймемъ другъ друга. Прекратимъ лучше этотъ разговоръ. Мустафа!—крикнулъ Лаевскій челоѣку:—сколько съ насъ слѣдуетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ...—испугался докторъ, хватая Лаевского за руку.—Это я заплачу. Я требовалъ. Запиши за мной!—крикнулъ онъ Мустафѣ.

Пріятели встали и молча пошли по набережной. У входа на бульваръ они остановились и на прощанье пожали другъ другу руки.

— Избалованы вы очень, господа!—вздыхнулъ Самойленко.—Послала тебѣ судьба женщину молодую, красивую, образованную—и ты отказываешься, а мнѣ бы далъ Богъ хоть кривобокую старушку, только ласковую и добрую, и какъ бы я былъ доволенъ! Жилъ бы я съ ней на своемъ виноградникѣ и...

Самойленко спохватился и сказалъ:

— Пускай бы она тамъ, старая вѣдьма, самоваръ ставила.

Простившись съ Лаевскимъ, онъ пошелъ по бульвару. Когда онъ, грузный, величественный, со строгимъ выраженіемъ на лицѣ, въ своемъ бѣлоснѣжномъ кителѣ и превосходно вычищенныхъ сапогахъ, выпятивъ впередъ грудь, на которой красовался Владиміръ съ бантомъ, шелъ по бульвару, то въ это время онъ очень нравился себѣ самому, и ему казалось, что весь міръ смотритъ на него съ удовольствіемъ. Не поворачивая головы, онъ посматривалъ по сторонамъ и находилъ, что бульваръ вполне благоустроенъ, что молодые кипарисы, эвкалипты и некрасивыя, худосочныя пальмы очень красивы и будутъ со временемъ давать широкую тѣнь, что черкесы честный и гостепріимный народъ. «Странно, что Кавказъ Лаевскому не нравится,—думалъ онъ:—очень странно». Встрѣтились пять солдатъ съ ружьями и отдали ему честь. По правую сторону бульвара по тротуару прошла жена одного чиновника съ сыномъ-гимназистомъ.

— Марья Константиновна, доброе утро!— крикнулъ ей Самойленко, пріятно улыбаясь.— Купаться ходили? Ха-ха-ха... Почтеніе Никодиму Александрычу!

И онъ пошелъ дальше, продолжая пріятно улыбаться, но, увидѣвъ идущаго навстрѣчу военного фельдшера, вдругъ нахмурился, остановилъ его и спросилъ:

— Есть кто-нибудь въ лазаретъ?

— Никого, ваше превосходительство.

— А?

— Никого, ваше превосходительство.

— Хорошо, ступай...

Величественно покачиваясь, онъ направился къ лимонадной будкѣ, гдѣ за прилавкомъ сидѣла старая, полногрудая еврейка, выдававшая себя за грузинку, и сказалъ ей такъ громко, какъ будто командовалъ полкомъ:

— Будьте такъ любезны, дайте мнѣ содовой воды!

II.

Нелюбовь Лаевского къ Надеждѣ Ѳедоровнѣ выражалась главнымъ образомъ въ томъ, что все, что она говорила и дѣлала, казалось ему ложью или похожимъ на ложь, и все, что онъ читалъ противъ женщинъ и любви, казалось ему, какъ нельзя лучше подходило къ нему, къ Надеждѣ Ѳедоровнѣ и ея мужу. Когда онъ вернулся домой, она, уже одѣтая и причесанная, сидѣла у окна и съ озабоченнымъ лицомъ пила кофе и перелистывала книжку толстаго журнала, и онъ подумалъ, что питье кофе — не такое ужъ замѣчательное событіе, чтобы изъ-за него стояло дѣлать озабоченное лицо, и что напрасно она потратила время на модную прическу, такъ какъ нравиться тутъ некому и не для чего. И въ книжкѣ журнала онъ увидѣлъ ложь. Онъ подумалъ, что одѣвается она и причесывается, чтобы казаться красивой, а читаетъ для того, чтобы казаться умной.

— Ничего, если я сегодня пойду купаться? — спросила она.

— Что жъ? Пойдешь, или не пойдешь, отъ этого землетрясенія не будетъ, полагаю...

— Нѣтъ, я потому спрашиваю, что какъ бы докторъ не разсердился.

— Ну, и спроси у доктора. Я не докторъ.

На этотъ разъ Лаевскому больше всего не понравилась

у Надежды Ѳедоровны ея бѣлая, открытая шея и завитушки волосъ на затылкѣ, и онъ вспомнилъ, что Аннѣ Карениной, когда она разлюбила мужа, не нравились прежде всего его уши, и подумалъ: «какъ это вѣрно! какъ вѣрно!» Чувствуя слабость и пустоту въ головѣ, онъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, легъ на диванъ и накрылъ лицо платкомъ, чтобы не надоѣдали мухи. Вялая, тягучія мысли все объ одномъ и томъ же потянулись въ его мозгу, какъ длинный обозъ въ осенній ненастный вечеръ, и онъ впалъ въ сонливое, угнетенное состояніе. Ему казалось, что онъ виноватъ передъ Надеждой Ѳедоровной и передъ ея мужемъ, и что мужъ умеръ по его винѣ. Ему казалось, что онъ виноватъ передъ своею жизнью, которую испортилъ, передъ міромъ высокихъ идей, знаній и труда, и этотъ чудесный міръ представлялся ему возможнымъ и существующимъ не здѣсь на берегу, гдѣ бродятъ голодные турки и дѣшныя абхазцы, а тамъ, на сѣверѣ, гдѣ опера, театры, газеты и всѣ виды умственного труда. Честнымъ, умнымъ, возвышеннымъ и чистымъ можно быть только тамъ, а не здѣсь. Онъ обвинялъ себя въ томъ, что у него нѣтъ идеаловъ и руководящей идеи въ жизни, хотя смутно понималъ теперь, что это значить. Два года тому назадъ, когда онъ любилъ Надежду Ѳедоровну, ему казалось, что стѣнитъ ему только сойтись съ Надеждой Ѳедоровной и уѣхать съ нею на Кавказъ, какъ онъ будетъ спасенъ отъ пошлости и пустоты жизни; такъ и теперь онъ былъ увѣренъ, что стѣнитъ ему только бросить Надежду Ѳедоровну и уѣхать въ Петербургъ, какъ онъ получитъ все, что ему нужно.

— Бѣжать!—пробормоталъ онъ, садясь и грызя ногти.— Бѣжать!

Воображеніе его рисовало, какъ онъ садится на пароходъ и потомъ завтракаетъ, пьетъ холодное пиво, разговариваетъ на нелубѣ съ дамами, потомъ въ Севастополѣ садится въ поѣздъ и ѣдетъ. Здравствуй, свобода! Станціи мелькаютъ одна за другой, воздухъ становится все холоднѣе и жестче, вотъ березы и ели, вотъ Курскъ, Москва... Въ буфетахъ щи, баранина съ кашей, осетрина, пиво, однимъ словомъ, не азіатчина, а Россія, настоящая Россія. Пассажиры въ поѣздѣ говорятъ о торговлѣ, новыхъ пѣвцахъ, о франко-русскихъ симпатіяхъ; всюду чувствуется живая, культурная, интеллигентная, бодрая жизнь... Скорѣй, ско-

рѣй! Вотъ, наконецъ, Невскій, Большая Морская, а вотъ Ковенскій переулочекъ, гдѣ онъ жилъ когда-то со студентами, вотъ милое, сѣрое небо, морозящій дождикъ, мокрые извозчики...

— Иванъ Андреичъ!—позвалъ кто-то изъ сосѣдней комнаты.—Вы дома?

— Я здѣсь!—отозвался Лаевскій.—Что вамъ?

— Бумаги!

Лаевскій поднялся лѣниво, съ головокруженіемъ и, зѣвая, шлепая туфлями, пошелъ въ сосѣдную комнату. Тамъ у открытаго окна на улицѣ стоялъ одинъ изъ его молодыхъ сослуживцевъ и раскладывалъ на подоконникѣ казенныя бумаги.

— Сейчасъ, голубчикъ,—мягко сказала Лаевскій и пошелъ отыскивать чернильницу; вернувшись къ окну, онъ, не читая, подписалъ бумаги и сказалъ:—Жарко!

— Да-съ. Вы придете сегодня?

— Едва ли... Нездоровится что-то. Скажите, голубчикъ, Шешковскому, что послѣ обѣда я зайду къ нему.

Чиновникъ ушелъ. Лаевскій опять легъ у себя на диванѣ и началъ думать:

— Итакъ, надо взвѣсить всѣ обстоятельства и сообразить. Прежде чѣмъ уѣхать отсюда, я долженъ расплатиться съ долгами. Долженъ я около двухъ тысячъ рублей. Денегъ у меня нѣтъ... Это, конечно, не важно; часть теперь заплачу какъ-нибудь, а часть вышлю потомъ изъ Петербурга. Главное, Надежда Федоровна... Прежде всего, надо выяснитъ наши отношенія... Да.

Немного погодя, онъ соображалъ: не пойти ли лучше къ Самойленко посоветоваться?

«Пойти можно,—думалъ онъ:—но какая польза отъ этого? Опять буду говорить ему некстати о будуарѣ, о женщинахъ, о томъ, что честно или нечестно. Какіе тутъ, чортъ подери, могутъ быть разговоры о честномъ или нечестномъ, если поскорѣе надо спасать жизнь мою, если я задыхаюсь въ этой проклятой неволѣ и убиваю себя?... Надо же, наконецъ, понять, что продолжать такую жизнь, какъ моя—это подлость и жестокость, предъ которой все остальное мелко и ничтожно. Бѣжать! — бормоталъ онъ, садясь.— Бѣжать!».

Пустынный берегъ моря, неутолимый зной и однообразіе

дымчатыхъ, лиловатыхъ горъ, вѣчно одинаковыхъ и молчаливыхъ, вѣчно одинокихъ, нагоняли на него тоску и, какъ казалось, усыпляли и обкрадывали его. Быть-можетъ, онъ очень уменъ, талантливъ, замѣчательно честенъ; быть-можетъ, если бы со всѣхъ сторонъ его не замыкали море и горы, изъ него вышелъ бы превосходный земскій дѣятель, государственный человѣкъ, ораторъ, публицистъ, подвижникъ. Кто знаетъ! Если такъ, то не глупо ли толковать, честно это или нечестно, если даровитый и полезный человѣкъ, напимѣръ, музыкантъ или художникъ, чтобы бѣжать изъ плѣна, ломаетъ стѣну и обманываетъ своихъ тюремщиковъ? Въ положеніи такого человѣка все честно.

Въ два часа Лаевскій и Надежда Ѳедоровна сѣли обѣдать. Когда кухарка подала имъ рисовый супъ съ томатами, Лаевскій сказалъ:

— Каждый день одно и то же. Отчего бы не сварить щей?

— Капусты нѣтъ.

— Странно. И у Самойленка варятъ щи съ капустой, и у Марьи Константиновны щи, одинъ только я почему-то обязанъ ѣсть эту сладковатую бурду. Нельзя же такъ, голубка.

Какъ это бываетъ у громаднаго большинства супруговъ, раньше у Лаевского и у Надежды Ѳедоровны ни одинъ обѣдъ не обходился безъ капризовъ и сценъ, но съ тѣхъ поръ, какъ Лаевскій рѣшилъ, что онъ уже не любитъ, онъ старался во всемъ уступать Надеждѣ Ѳедоровнѣ, говорить съ нею мягко и вѣжливо, улыбался, называлъ голубкой.

— Этотъ супъ похожъ вкусомъ на лакрицу,—сказалъ онъ улыбаясь; онъ дѣлалъ надъ собою усилія, чтобы казаться привѣтливимъ, но не удержался и сказалъ:—Никто у насъ не смотритъ за хозяйствомъ... Если ужъ ты такъ больна или занята чтеніемъ, то, изволь, я займусь нашей кухней.

Раньше она отвѣтила бы ему: «займись», или «ты, я вижу, хочешь изъ меня кухарку сдѣлать», но теперь только робко взглянула на него и покраснѣла.

— Ну, какъ ты чувствуешь себя сегодня? — спросилъ онъ ласково.

— Сегодня ничего. Такъ, только маленькая слабость.

— Надо беречься, голубка. Я ужасно боюсь за тебя.

Надежда Ѳедоровна была чѣмъ-то больна. Самойленко

говорилъ, что у нея перемежающаяся лихорадка, и кормилъ ее хиной; другой же докторъ Устимовичъ, высокій, сухощавый, нелюдимый человѣкъ, который днемъ сидѣлъ дома, а по вечерамъ, заложивъ назадъ руки и вытянувъ вдоль спины трость, тихо разгуливалъ по набережной и каплялъ, находилъ, что у нея женская болѣзнь, и прописывалъ согрѣвающие компрессы. Прежде, когда Лаевскій любилъ, болѣзнь Надежды Ѳедоровны возбуждала въ немъ жалость и страхъ, теперь же и въ болѣзни онъ видѣлъ ложь. Желтое, сонное лицо, вялый взглядъ и зѣвота, которые бывали у Надежды Ѳедоровны послѣ лихорадочныхъ припадковъ, и то, что она во время припадка лежала подпледомъ и была похожа больше на мальчика, чѣмъ на женщину, и что въ ея комнатѣ было душно и нехорошо пахло— все это, по его мнѣнью, разрушало иллюзію и было протестомъ противъ любви и брака.

На второе блюдо ему подали пшнать съ крутыми яйцами, а Надеждѣ Ѳедоровнѣ, какъ больной, кисель съ молокомъ. Когда она съ озабоченнымъ лицомъ сначала потрогала ложкой кисель и потомъ стала лѣниво ѣсть его, заливая молокомъ, и онъ слышалъ ея глотки, имъ овладѣла такая тяжелая ненависть, что у него даже зачесалась голова. Онъ сознавалъ, что такое чувство было бы оскорбительно даже въ отношеніи собаки, но ему было досадно не на себя, а Надежду Ѳедоровну за то, что она возбуждала въ немъ это чувство, и онъ понималъ, почему иногда любовники убиваютъ своихъ любовницъ. Самъ бы онъ не убилъ, конечно, но, доведись ему теперь быть присяжнымъ, онъ оправдалъ бы убійцу.

— Merci, голубка,—сказалъ онъ послѣ обѣда и поцѣловалъ Надежду Ѳедоровну въ лобъ.

Придя къ себѣ въ кабинетъ, онъ минутъ пять ходилъ изъ угла въ уголъ, искоса поглядывая на сапоги, потомъ сѣлъ на диванъ и пробормоталъ:

— Бѣжать, бѣжать! Выяснить отношенія и бѣжать!

Онъ легъ на диванъ и опять вспомнилъ, что мужъ Надежды Ѳедоровны, быть-можетъ, умеръ по его винѣ.

— Обвинять человѣка въ томъ, что онъ полюбилъ или разлюбилъ, это глупо,—убѣждалъ онъ себя, лежа и задирая ноги, чтобы надѣть сапоги. — Любовь и ненависть не въ нашей власти. Что же касается мужа, то я, быть-можетъ,

косвеннымъ образомъ былъ одною изъ причинъ его смерти, но опять-таки виновать ли я въ томъ, что полюбилъ его жену, а жена—меня.

Затѣмъ онъ всталъ и, отыскавъ свою фуражку, отправился къ своему сослуживцу Шешковскому, у котораго каждый день собирались чиновники играть въ винтъ и пить холодное пиво.

«Своею нерѣшительностью я напоминаю Гамлета, — думалъ Лаевскій дорогой. — Какъ вѣрно Шекспиръ подмѣтилъ! Ахъ, какъ вѣрно!»

III.

Чтобы скучно не было и снисходя къ крайней нуждѣ вновь прїѣзжавшихъ и несемейныхъ, которымъ, за неимѣніемъ гостиницы въ городѣ, негдѣ было обѣдать, докторъ Самойленко держалъ у себя нѣчто въ родѣ табльдота. Въ описываемое время у него столовались только двое: молодой зоологъ фонъ-Корень, прїѣзжавшій лѣтомъ къ Черному морю, чтобы изучать эмбриологію медузъ, и дьяконъ Побѣдовъ, недавно выпущенный изъ семинаріи и командированный въ городокъ для исполненія обязанностей дьякона-старика, уѣхавшаго лѣчиться. Оба они платили за обѣдъ и за ужинъ по 12 рублей въ мѣсяцъ, и Самойленко взялъ съ нихъ честное слово, что они будутъ являться обѣдать аккуратно къ двумъ часамъ.

Первымъ обыкновенно приходилъ фонъ-Корень. Онъ молча садился въ гостиной и, взявши со стола альбомъ, начиналъ внимательно разсматривать потускиѣвшія фотографіи какихъ-то неизвѣстныхъ мужчинъ въ широкихъ панталонахъ и цилиндрахъ и дамъ въ кринолинахъ и въ чепцахъ; Самойленко только немногихъ помнилъ по фамиліи, а про тѣхъ, кого забылъ, говорилъ со вздохомъ: «Прекраснѣйшій, величайшаго ума человѣкъ!» Покончивъ съ альбомомъ, фонъ-Корень бралъ съ этажерки пистолеть и, прищуривъ лѣвый глазъ, долго прицѣливался въ портретъ князя Воронцова, или же становился передъ зеркаломъ и разсматривалъ свое смуглое лицо, большой лобъ и черные, курчавые, какъ у негра, волоса, и свою рубаху изъ тусклаго ситца съ крупными цвѣтами, похожаго на персидскій коверъ, и широкій кожаный поясъ вмѣсто жилетки. Само-созерцаніе доставляло ему едва ли не большее удовольствіе,

чѣмъ осмотрѣть фотографіи, или пистолета въ дорогой оправѣ. Онъ былъ очень доволенъ и своимъ лицомъ, и красиво подстриженной бородкой, и широкими плечами, которыя служили очевиднымъ доказательствомъ его хорошаго здоровья и крѣпкаго сложенія. Онъ былъ доволенъ и своимъ франтовскимъ костюмомъ, начиная съ галстука, подобраннаго подъ цвѣтъ рубахи, и кончая желтыми башмаками.

Пока онъ разсматривалъ альбомъ и стоялъ передъ зеркаломъ, въ это время въ кухнѣ и около нея въ сѣняхъ Самойленко, безъ сюртука и безъ жилетки, съ голой грудью, волнуясь и обливаясь потомъ, суетился около столовъ, приготавливая салатъ, или какой-нибудь соусъ или мясо, огурцы и лукъ для окрошки, и при этомъ злобно тарасилъ глаза на помогавшаго ему денщика и замахивался на него то ножомъ, то ложкой.

— Поддай укусу! — приказывалъ онъ. — То, бишь, не укусу, а прованское масло! — кричалъ онъ, топая ногами. — Куда же ты пошелъ, скотина.

— За масломъ, ваше превосходительство, — говорилъ старѣйшій денщикъ надтреснутымъ теноромъ.

— Скорѣе! Оно въ шкапу! Да скажи Дарьѣ, чтобъ она въ банку съ огурцами укрупу прибавила! Укрупу! Накрой сметану, раззява, а то мухи налѣзутъ!

И отъ его крика, казалось, гудѣлъ весь домъ. Когда до двухъ часовъ оставалось 10 или 15 минутъ, приходилъ дяконъ, молодой человекъ, лѣтъ 22, худоцавый, длинно-волосый, безъ бороды и съ едва замѣтными усами. Войдя въ гостиную, онъ крестился на образъ, улыбался и протягивалъ фонъ-Корену руку.

— Здравствуйте, — холодно говорилъ зоологъ. — Гдѣ вы были?

— На пристани бычковъ ловилъ.

— Ну, конечно... Повидному, дяконъ, вы никогда не будете заниматься дѣломъ.

— Отчего же? Дѣло не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ, — говорилъ дяконъ, улыбаясь и засовывая руки въ глубочайшіе карманы своего бѣлаго подрясника.

— Бить васъ некому вздыхалъ зоологъ.

Проходило еще 15—20 минутъ, а обѣдать не звали и все еще слышно было, какъ денщикъ, бѣгая изъ сѣней въ кухню и обратно, стучалъ сапогами и какъ Самойленко кричалъ:

— Поставь на столъ! куда съешь? Помой сначала!

Проголодавшіеся дьяконъ и фонъ-Корень начинали стучать о полъ каблуками, выражая этимъ свое нетерпѣніе, какъ зрители въ театральномъ раиѣ. Наконецъ, дверь отворилась и замученный денщикъ объявлялъ: кушать готово! Въ столовой встрѣчалъ ихъ багровый, распаренный въ кухонной духотѣ и сердитый Самойленко; онъ злобно глядѣлъ на нихъ и съ выраженіемъ ужаса на лицѣ поднималъ крышку съ сунника и наливалъ обоимъ по тарелкѣ, и только когда убѣждался, что они ѣдятъ съ аннетитомъ и что кушанье имъ нравится, легко вздыхалъ и садился въ свое глубокое кресло. Лицо его становилось томнымъ, маслянымъ... Онъ не сибша наливалъ себѣ рюмку водки и говорилъ:

— За здоровье молодого поколѣнія!

Послѣ разговора съ Лаевскимъ, Самойленко все время отъ утра до обѣда, несмотря на прекраснѣйшее настроеніе, чувствовалъ въ глубинѣ души нѣкоторую тяжесть; ему было жаль Лаевского и хотѣлось помочь ему. Выпивъ передъ супомъ рюмку водки, онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Видѣлъ я сегодня Ваню Лаевского. Трудно живетъ человѣчку. Матеріальная сторона жизни неутѣшительна, а главное—психологія одолѣла. Жаль парня.

— Вотъ ужъ кого мнѣ не жаль! — сказалъ фонъ-Корень.— Если бы этотъ милый мужчина тонулъ, то я бы еще палкой подтокнулъ: тони, братецъ, тони...

— Неправда. Ты бы этого не сдѣлалъ.

— Почему ты думаешь? — пожалъ плечами зоологъ.— Я такъ же способенъ на доброе дѣло, какъ и ты.

— Развѣ утопить человѣка — доброе дѣло? — спросилъ дьяконъ и засмѣялся.

— Лаевского? Да.

— Въ окрошкѣ, кажется, чего-то недостаетъ... — сказалъ Самойленко, желая перемѣнить разговоръ.

— Лаевскій безусловно вреденъ и такъ же опасенъ для общества, какъ холерная микроба, — продолжалъ фонъ-Корень.— Утопить его — заслуга.

— Не дѣласть тебѣ чести, что ты такъ выразишься о своемъ ближнемъ. Скажи: за что ты его ненавидишь?

— Не говори, докторъ, пустяковъ. Ненавидѣть и презирать микробу — глупо, а считать своимъ ближнимъ, во что

бы то ни стало, всякаго встрѣчнаго безъ различія — это, покорно благодарю, это значить не разсуждать, отказаться отъ справедливаго отношенія къ людямъ, умыть руки, однимъ словомъ. Я считаю твоего Лаевского мерзавцемъ, не скрываю этого и отношусь къ нему, какъ къ мерзавцу, съ полною моею добросовѣстностью. Ну, а ты считаешь его своимъ ближнимъ — и поцѣлуйся съ нимъ; ближнимъ считаешь, а это значить, что къ нему ты относишься такъ же, какъ къ мнѣ и дякону, то-есть, никакъ. Ты одинаково равнодушенъ ко всѣмъ.

— Называть человѣка мерзавцемъ! — пробормоталъ Самойленко, брезгливо морщась. — Это до такой степени не хорошо, что и выразить тебѣ не могу!

— О людяхъ судить по ихъ поступкамъ, — продолжалъ Фонъ-Корень. — Теперь судите же, дяконъ... Я, дяконъ, буду съ вами говорить. Дѣятельность господина Лаевского откровенно развернута передъ вами, какъ длинная китайская грамота, и вы можете читать ее отъ начала до конца. Что онъ сдѣлалъ за эти два года, пока живетъ здѣсь? Будемъ считать по пальцамъ. Во-первыхъ, онъ научилъ жителей городка играть въ винтъ; два года тому назадъ эта игра была здѣсь неизвѣстна, теперь же въ винтъ играютъ отъ утра до поздней ночи всѣ, даже женщины и подростки; во-вторыхъ, онъ научилъ обывателей пить пиво, которое тоже здѣсь не было извѣстно; ему же обыватели обязаны свѣдѣнiami по части разныхъ сортовъ волокъ, такъ что съ завязанными глазами они могутъ теперь отличить водку Кошелева отъ Смирнова № 21. Въ-третьихъ, прежде здѣсь жили съ чужими жеванами тайно, по тѣмъ же побужденiямъ, по какимъ воры воруютъ тайно, а не явно; предубѣдлiе считалось чѣмъ-то такимъ, что стыдился выставить на общiй показъ; Лаевскiй же явился въ этомъ отношенiи новаторомъ: онъ живетъ съ чужой женой открыто. Въ-четвертыхъ...

Фонъ-Корень быстро съѣлъ свою окрошку и отдалъ девицкѣ тарелку.

— Я понялъ Лаевского въ первый же мѣсяць нашего знакомства, — продолжалъ онъ, обращаясь къ дякону. — Мы въ одно время прiѣхали сюда. Такие люди, какъ онъ, очень любятъ дружбу, сближенiе, солидарность и тому подобное, потому что имъ всегда нужна компанiя для винта, выпивки и закуски; къ тому же, они болтливы, и имъ нужны слу-

шатели. Мы подружались, то-есть онъ шлялся ко мнѣ каждый день, мѣшалъ мнѣ работать и откровенничалъ насчетъ своей содержанки. На первыхъ же порахъ онъ поразилъ меня своею необыкновенною лживостью, отъ которой меня просто тошнило. Въ качествѣ друга я журилъ его, зачѣмъ онъ много пьетъ, зачѣмъ живетъ не по средствамъ и дѣлаетъ долги, зачѣмъ ничего не дѣлаетъ и не читаетъ, зачѣмъ онъ такъ мало культуренъ и мало знаетъ— и въ отвѣтъ на всѣ мои вопросы онъ горько улыбался, вздыхалъ и говорилъ:—«Я неудачникъ, лишний человѣкъ», или:—«Что вы хотите, батенька, отъ насъ, осколковъ крѣпостничества?» или:—«Мы вырождаемся...» Или начиналъ нести длинную галиматю объ Онѣгинѣ, Печоринѣ, Байроновскомъ Каинѣ, Базаровѣ, про которыхъ говорилъ:—«Это наши отцы по плоти и духу». Понимайте такъ, моль, что не онъ виноватъ въ томъ, что казенные пакеты по недѣлямъ лежатъ не распечатанными, и что самъ онъ пьетъ и другихъ спаиваетъ, а виноваты въ этомъ Онѣгинъ, Печоринъ и Тургеневъ, выдумавшій неудачника и лишняго человѣка. Причина крайней распущенности и безобразія, видите ли, лежитъ не въ немъ самомъ, а гдѣ-то виѣ, въ пространствѣ. И притомъ—ловкая штука!—распутенъ, лживъ и гадокъ не онъ одинъ, а мы... «мы люди восьмидесятыхъ годовъ», «мы вялое, первное отродье крѣпостного права», «насъ искалѣчила цивилизація»... Однимъ словомъ, мы должны понять, что такой великій человѣкъ, какъ Лаевскій, и въ паденіи своемъ великъ: что его распутство, необразованность и нечистоплотность составляютъ явленіе естественно-историческое, освященное необходимостью, что причины тутъ міровыя, стихійныя и что передъ Лаевскимъ надо лампаду повѣсить, такъ какъ онъ—роковая жертва времени, вѣяній, наслѣдственности и прочее. Всѣ чиновники и дамы, слушая его, охали и ахали, а я долго не могъ понять, съ кѣмъ я имѣю дѣло: съ двинкомъ, или съ ловкимъ мазурикомъ? Такіе субъекты, какъ онъ, съ виду интеллигентные, немножко воспитанные и говорящіе много о собственномъ благородствѣ, умѣютъ прикидываться необыкновенно сложными натурами.

— Замолчи!—вспыхнулъ Самофленко. — Я не позволю, чтобы въ моемъ присутствіи говорили дурно о благородіишемъ человѣкѣ!

— Не перебивай, Александръ Давидычъ, — холодно сказала фонъ-Коренъ. — Я сейчасъ кончу. Лаевскій — довольно несложный организмъ. Вотъ его нравственный осто́въ: утромъ туфли, купанье и кофе, потомъ до обѣда туфли, моціонъ и разговоры, въ два часа туфли, обѣдъ и вино, въ пять часовъ купанье, чай и вино, затѣмъ винтъ и лганье, въ десять часовъ ужинъ и вино, а послѣ полуночи сонъ и la femme. Существованіе его заключено въ эту гѣсную программу, какъ яйцо въ скорлупу. Идетъ ли онъ, сидитъ ли, сердится, пишетъ, радуется — все сводится къ вину, картамъ, туфлямъ и женщинѣ. Женщина играетъ въ его жизни роковую, подавляющую роль. Онъ самъ повѣствуетъ, что 13-ти лѣтъ онъ уже былъ влюбленъ; будучи студентомъ перваго курса, онъ жилъ съ дамой, которая имѣла на него благотворное вліяніе и которой онъ обязанъ своимъ музыкальнымъ образованіемъ. Во второмъ курсѣ онъ выкупилъ изъ публичнаго дома проститутку и возвысилъ ее до себя, то-есть взялъ въ содержанки, а она пожила съ нимъ полгода и убѣжала назадъ къ хозяйкѣ, и это бѣгство причинило ему не мало душевныхъ страданій. Увы, онъ такъ страдалъ, что долженъ былъ оставить университетъ и два года жить дома безъ дѣла. Но это къ лучшему. Дома онъ сошелся съ одной вдовой, которая посоветовала ему оставить юридическій факультетъ и поступить на филологическій. Онъ такъ и сдѣлалъ. Кончивъ курсъ, онъ страстно полюбилъ теперешнюю свою... какъ ее?.. замушнюю, и долженъ былъ бѣжать съ нею сюда на Кавказъ, за идеалами якобы... Не сегодня — завтра онъ разлюбитъ ее и убѣжитъ назадъ въ Петербургъ, и тоже за идеалами.

— А ты почему знаешь? — проворчалъ Самойленко, со злобой глядя на зоолога. — Ышь-ка лучше.

Подали отварныхъ кефалей съ польскимъ соусомъ. Самойленко положилъ обонимъ нахлѣбникамъ по пѣлой кефали и собственноручно полилъ соусомъ. Минуты двѣ прошли въ молчаніи.

— Женщина играетъ существенную роль въ жизни каждаго человѣка, — сказалъ дьяконъ. — Ничего не подѣлаешь.

— Да, но въ какой степени? У каждаго изъ насъ женщина есть мать, сестра, жена, другъ, у Лаевского же она — все и притомъ только любовница. Она, то-есть сожитель-

ство съ ней— счастье и цѣль его жизни: онъ весель, гру-
стенъ, скученъ, разочарованъ отъ женщины; жизнь опо-
стыѣла—женщина виновата; загорѣлась заря новой жизни,
нашлись идеалы—и тутъ ищи женщину... Удовлетворяютъ
его только гдѣ сочиненія или картины, гдѣ есть женщина.
Нашъ вѣкъ, по его мнѣнью, плохъ и хуже сороковыхъ и
шестидесятыхъ годовъ только потому, что мы не умѣемъ
до самозабвенія отдаваться любовному экстазу и страсти.
У этихъ сладострастниковъ, должно-быть, въ мозгу есть
особый наростъ въ родѣ саркомы, который сдавиль мозгъ
и управляетъ всею психикой. Понаблюдайте-ка Лаевского,
когда онъ сидитъ гдѣ-нибудь въ обществѣ. Вы замѣтите:
когда при немъ поднимается какой-нибудь общій вопросъ,
напримѣръ, о клѣточкѣ, или инстинктѣ, онъ сидитъ въ сто-
ронѣ, молчитъ и не слушаетъ; видъ у него томный, разо-
чарованный, ничто для него не интересно, все пошло и
ничтожно, но какъ только вы заговорили о самкахъ и сам-
цахъ, о томъ, напримѣръ, что у пауковъ самка послѣ
оплодотворенія съѣдаетъ самца—глаза у него загораются
любопытствомъ, лицо проясняется и человѣкъ оживаетъ,
однимъ словомъ. Всѣ его мысли, какъ бы благородны, воз-
вышенны, или безразличны онѣ ни были, имѣютъ всегда
одну и ту же точку общаго схода. Идешь съ нимъ по
улицѣ и встрѣчаешь, напримѣръ, осла...—«Скажите, пожа-
луйста, — спрашиваетъ: — что произойдетъ, если случитъ
ослицу съ верблюдомъ?» А сны! Онъ рассказывалъ вамъ
свои сны? Это великолѣпно! То ему снится, что-его же-
нять на луиѣ, то будто зовутъ его въ полицію и приказыва-
ютъ ему тамъ, чтобы онъ жилъ съ гитарой...

Дьяконъ звонко захохоталъ; Самойленко нахмурился и
сердито сморщилъ лицо, чтобы не засмѣяться, но не удер-
жался и захохоталъ.

— И все врать!—сказалъ онъ, вытирая слезы.—Ей-Богу,
врать!

IV.

Дьяконъ былъ очень смѣшливъ и смѣялся отъ каждаго
пустяка до колотья въ боку, до упада. Казалось, что онъ
любилъ бывать среди людей только потому, что у нихъ есть
смѣшныя стороны и что имъ можно давать смѣшныя про-
звища. Самойленка онъ прозвалъ тарантуломъ, его денщика

селезнемъ и былъ въ восторгѣ, когда однажды фонтъ-Корень обозвалъ Лаевского и Надежду Федоровну макаками. Онъ жадно всматривался въ лица, слушалъ не мигая, и видно было, какъ глаза его наполнялись смѣхомъ и какъ напрягалось лицо въ ожиданіи, когда можно будетъ дать себѣ волю и покатиться со смѣху.

— Это развращенный и извращенный субъектъ,—продолжалъ зоологъ, а дьяконъ, въ ожиданіи смѣшныхъ словъ, впился ему въ лицо.—Рѣдко гдѣ можно встрѣтить такое ничтожество. Тѣломъ онъ вялъ, хилъ и старъ, а интеллектомъ ничѣмъ не отличается отъ толстой купчихи, которая только жретъ, пьетъ, спитъ на перинѣ и держитъ въ любовникахъ своего кучера.

Дьяконъ опять захохоталъ.

— Не смѣйтесь, дьяконъ,—сказалъ фонтъ-Корень:—это глупо, наконецъ. Я бы не обратилъ вниманія на его ничтожество,—продолжалъ онъ, выждавъ, когда дьяконъ пересталъ хохотать:—я бы прошелъ мимо него, если бы онъ не былъ такъ вреденъ и опасенъ. Вредоносность его заключается прежде всего въ томъ, что онъ имѣетъ успѣхъ у женщинъ и такимъ образомъ угрожаетъ имѣть потомство, то-есть подарить міру дюжину Лаевскихъ, такихъ же хилыхъ и извращенныхъ, какъ онъ самъ. Во-вторыхъ, онъ заразителенъ въ высшей степени. Я уже говорилъ вамъ о вишнѣ и пивѣ. Еще годъ-два—и онъ завоюетъ все кавказское побережье. Вы знаете, до какой степени масса, особенно ея средний слой, вѣрять въ интеллигентность, въ университетскую образованность, въ благородство манеръ и литературность языка. Какую бы онъ ни сдѣлалъ мерзость, всѣ вѣрятъ, что это хорошо, что это такъ и быть должно, такъ какъ онъ интеллигентный, либеральный и университетскій человѣкъ. Къ тому же, онъ неудачникъ, лишній человѣкъ, неврастеникъ, жертва времени, а это значитъ, что ему все можно. Онъ милый малый, душа-человѣкъ, онъ такъ сердечно снисходитъ къ человѣческимъ слабостямъ; онъ стоворчивъ, податливъ, покладистъ, не гордъ, съ нимъ и выпить можно, и посквернословить, и посудачить... Масса, всегда склонная къ антропоморфизму въ религін и морали, больше всего любитъ тѣхъ божковъ, которые имѣютъ такія же слабости, какъ она сама. Судите же, какое у него широкое поле для разары! Къ тому же, онъ недурной актеръ

и ловкій лицемѣръ, и отлично знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Возьмите-ка его увертки и фокусы, напримѣръ, хотя бы его отношеніе къ цивилизаціи. Онъ и не нюхалъ цивилизаціи, а между тѣмъ:—«Ахъ, какъ мы искалѣчены цивилизаціей! Ахъ, какъ я завидую этимъ дикарямъ, этимъ дѣтямъ природы, которые не знаютъ цивилизаціи!» Надо понимать, видите ли, что онъ когда-то, во времена оны, всей душой былъ преданъ цивилизаціи, служилъ ей, постигъ ее насквозь, но она утомила, разочаровала, обманула его; онъ, видите ли, Фаустъ, второй Толстой... А Шопенгауэра и Спенсера онъ третируетъ, какъ мальчишекъ, и отечески хлопаетъ ихъ по плечу: ну, что, братъ, Спенсеръ? Онъ Спенсера, конечно, не читалъ, но какъ бываетъ миль, когда съ легкой, небрежной проницей говорить про свою барыню:—«Она читала Спенсера!» И его слушаютъ, и никто не хочетъ понять, что этотъ шарлатанъ не имѣетъ права не только выражаться о Спенсерѣ въ такомъ тонѣ, но даже дѣловать подонву Спенсера! Рыться подъ цивилизацію, подъ авторитеты, подъ чужой алтарь, брызгать грязью, шутовски подмигивать на нихъ только для того, чтобы оправдать и скрыть свою хилость и правдивную убогость, можетъ только очень самолюбивое, низкое и гнусное животное.

— Я не знаю, Коля, чего ты добиваешься отъ него. — сказалъ Самойленко, глядя на зоолога уже не со злобой, а виновато.—Онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Конечно, не безъ слабостей, но онъ стоитъ на уровнѣ современныхъ идей, служить, приносить пользу отечеству. Десять лѣтъ назадъ здѣсь служилъ агентомъ старичокъ, величайшаго ума человѣкъ... Такъ вотъ онъ говаривалъ...

— Полно, полно! — перебилъ зоологъ. — Ты говоришь: онъ служить. Но какъ служить? Развѣ оттого, что онъ явился сюда, порядки стали лучше, а чиновники исправнѣе, честнѣе и вѣжливѣе? Напротивъ, своимъ авторитетомъ интеллигентнаго университетскаго человѣка онъ только санкціонировалъ ихъ распушенность. Бываетъ онъ неправенъ только двадцатаго числа, когда получаетъ жалованье, въ остальные же числа онъ только шаркаетъ у себя дома туфлями и старается придать себѣ такое выраженіе, какъ будто дѣлаетъ русскому правительству большое одолженіе тѣмъ, что живетъ на Кавказѣ. Нѣтъ, Александръ Давидычъ,

не вступайся за него. Ты не искрененъ отъ начала до конца. Если бы ты въ самомъ дѣлѣ любилъ его и считалъ своимъ ближнимъ, то прежде всего ты не былъ бы равнодушнъ къ его слабостямъ, не снисходилъ бы къ нимъ, а для его же пользы постарался бы обезвредить его.

— То-есть?

— Обезвредить. Такъ какъ онъ неисправимъ, то обезвредить его можно только однимъ способомъ...

Фонъ-Коренъ провелъ пальцемъ около своей шеи.

— Или утопить, что ли...—добавилъ онъ.—Въ интересахъ человѣчества и въ своихъ собственныхъ интересахъ такіе люди должны быть уничтожаемы. Непремѣнно.

— Что ты говоришь?!—пробормоталъ Самойленко, поднимаясь и съ удивленіемъ глядя на спокойное, холодное лицо зоолога.—Дьяконъ, что онъ говоритъ? Да ты въ своемъ умѣ?

— Я не настаиваю на смертной казни,—сказалъ фонъ-Коренъ.—Если доказано, что она вредна, то придумайте что-нибудь другое. Уничтожить Лаевского нельзя, ну, такъ изолируйте его, обезличьте, отдайте въ общественныя работы...

— Что ты говоришь?—ужаснулся Самойленко.—Съ перцемъ, съ перцемъ!—закричалъ онъ отчаяннымъ голосомъ, замѣтивъ, что дьяконъ ѣстъ фаршированные кабачки безъ перца.—Ты, величайшаго ума человѣкъ, что ты говоришь?! Нашего друга, гордаго, интеллигентнаго человѣка, отдавать въ общественныя работы!!

— А если гордъ, станеть противиться—въ кандалы!

Самойленко не могъ ужъ выговорить ни одного слова и только шевелилъ пальцами; дьяконъ взглянулъ на его ошеломленное, въ самомъ дѣлѣ, смѣшное лицо и захохоталъ.

— Перестанемъ говорить объ этомъ,—сказалъ зоологъ.—Помни только одно, Александръ Давыдычъ, что первобытное человѣчество было охраняемо отъ такихъ, какъ Лаевскій, борьбой за существованіе и подборомъ; теперь же наша культура значительно ослабила борьбу и подборъ, и мы должны сами позаботиться объ уничтоженіи хилыхъ и негодныхъ, иначе, когда Лаевскіе размножатся, цивилизація погибнетъ, и человѣчество выродится совершенно. Мы будемъ виноваты.

— Если людей топить и вѣшать,—сказалъ Самойленко:— то къ чорту твою цивилизацію, къ чорту человѣчество! Къ чорту! Вотъ что я тебѣ скажу: ты ученѣйшій, величайшаго ума человѣкъ и гордость отечества, но тебя нѣмцы испортили. Да, нѣмцы! Нѣмцы!

Самойленко съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ изъ Дерпта, въ которомъ учился медицинѣ, рѣдко видѣлъ нѣмцевъ и не прочелъ ни одной нѣмецкой книги, но, по его мнѣнію, все зло въ политикѣ и наукѣ происходило отъ нѣмцевъ. Откуда у него взялось такое мнѣніе, онъ и самъ не могъ сказать, но держался его крѣпко.

— Да, нѣмцы! —повторилъ онъ еще разъ.—Пойдемте чай пить.

Всѣ трое встали и, надѣвши шляпы, пошли въ палисадникъ и сѣли тамъ подъ тѣнью блѣдныхъ кленовъ, грушъ и каштана. Зоологъ и дьяконъ сѣли на скамью около столика, а Самойленко опустился въ плетеное кресло съ широкой, покатою спинкой. Денщикъ подаль чай, варенье и бутылку съ сиропомъ.

Было очень жарко, градусовъ тридцать въ тѣни. Знойный воздухъ застылъ, былъ неподвиженъ и длинная паутина, свѣсившаяся съ каштана до земли, слабо повисла и не шевелилась.

Дьяконъ взялъ гитару, которая постоянно лежала на землѣ около стола, настроилъ ее и заигалъ тихо, тонкимъ голоскомъ: «Отроцы семинаристѣн у кабака стояху»... но тотчасъ же замолкъ отъ жары, вытеръ со лба потъ и взглянулъ вверхъ на синее горячее небо. Самойленко задремалъ; отъ зноя, тишины и сладкой послѣобѣденной дремоты, которая быстро овладѣла всѣми его членами, онъ ослабѣлъ и ошьянѣлъ; руки его отвисли, глаза стали маленькими, голову потянуло на грудь. Онъ со слезливымъ умилениемъ поглядѣлъ на фонъ-Корена и дьякона и забормоталъ:

— Молодое поколѣніе... Звѣзда науки и свѣтильникъ церкви... Гляди, длинноногая аллилуйя въ митрополиты выскочить, чего добраго, придется ручку цѣловать... Что жь... дай Богъ...

Скоро послышалось хрипѣнье. Фонъ-Корень и дьяконъ допили чай и вышли на улицу.

— Вы опять на пристань бычковь ловить? —спросилъ зоологъ.

— Нѣтъ, жарковато.

— Пойдемте ко мнѣ. Вы унакуете у меня посылку и кое-что перепишете. Кстати потолкуемъ, чѣмъ бы вамъ заняться. Надо работать, дьяконъ. Такъ нельзя.

— Ваши слова справедливы и логичны,—сказалъ дьяконъ:—но лѣность моя находитъ себѣ извиненіе въ обстоятельствахъ моей настоящей жизни. Сами знаете, неопредѣленность положенія значительно способствуетъ апатичному состоянію людей. На время ли меня сюда прислали, или навсегда, Богу одному извѣстно; я здѣсь живу въ неизвестности, а дьяконица моя прозябаетъ у отца и скучаетъ. И, признаться, отъ жары мозги раскисли.

— Все вздоръ,—сказалъ зоологъ.—И къ жарѣ можно привыкнуть, и безъ дьяконицы можно привыкнуть. Не слѣдуетъ баловаться. Надо себя въ рукахъ держать.

V.

Надежда Федоровна шла утромъ купаться, а за нею съ кувшиномъ, мѣднымъ тазомъ, съ простынями и губкой шла ея кухарка Ольга. На рейдѣ стояли два какихъ-то незнакомыхъ парохода съ грязными бѣлыми трубами, очевидно, иностранные грузовые. Какіе-то мужчины въ бѣломъ, въ бѣлыхъ банмагахъ ходили по пристани и громко кричали по-французски, и имъ откликались съ этихъ пароходовъ. Въ маленькой городской церкви бойко звонили въ колокола.

— Сегодня воскресенье!—съ удовольствіемъ вспомнила Надежда Федоровна.

Она чувствовала себя совершенно здоровой и была въ веселомъ, праздничномъ настроеніи. Въ новомъ просторномъ платьѣ изъ грубой мужской чечучи и въ большой соломенной шляпѣ, широкія поля которой сильно были загнуты къ ушамъ, такъ что лицо ея глядѣло какъ-будто изъ коробочки, она казалась себѣ очень миленькой. Она думала о томъ, что во всемъ городѣ есть только одна молодая, красивая, интеллигентная женщина—это она, и что только она одна умѣетъ одѣться дешево, изящно и со вкусомъ. Напримѣръ, это платье стоить только 22 рубля, а между тѣмъ какъ мило! Во всемъ городѣ только она одна можетъ нравиться, а мужчинъ много, и потому всѣ они волей-неволей должны завидовать Лаевскому.

Она радовалась, что Лаевскій въ послѣднее время былъ

съ нею холоднѣе, сдержанно-вѣжливыя и временами даже дерзковыя и грубыя; на всѣ его выходки и презрительныя, холодныя или странныя непонятныя взгляды она прежде отвѣчала бы слезами, попреками и угрозами уфхать отъ него, или уморить себя голодомъ, теперь же въ отвѣтъ она только краснѣла, виновато поглядывала на него и радовалась, что онъ не ласкается къ ней. Если бы онъ бранилъ ее, или угрожалъ, то было бы еще лучше и пріятнѣе, такъ какъ она чувствовала себя кругомъ виноватою передъ нимъ. Ей казалось, что она виновата въ томъ, во-первыхъ, что не сочувствовала его мечтамъ о трудовой жизни, ради которой онъ бросилъ Петербургъ и пріѣхалъ сюда на Кавказъ, и была она увѣрена, что сердился онъ на нее въ послѣднее время именно за это. Когда она ѣхала на Кавказъ, ей казалось, что она въ первый же день найдетъ здѣсь укромный уголокъ на берегу, уютный садикъ съ тѣнью, птицами и ручьями, гдѣ можно будетъ садить цвѣты и овощи, разводить утокъ и куръ, принимать сосѣдей, лѣчить бѣдныхъ мужиковъ и раздавать имъ книжки; оказалось же, что Кавказъ—это лысыя горы, лѣса и громадныя долины, гдѣ надо долго выбирать, хлопотать, строиться, и что никакихъ тутъ сосѣдей нѣтъ и очень жарко, и могутъ ограбить. Лаевскій не торопился пріобрѣтать участокъ; она была рада этому, и оба они точно условились мысленно никогда не упоминать о трудовой жизни. Онъ молчалъ, думала она, значитъ сердился на нее за то, что она молчитъ.

Во-вторыхъ, она безъ его вѣдома за эти два года набрала въ магазинѣ Ачманова разныхъ пустяковъ рублей на триста. Брала она понемножку то матерію, то шелку, то зонтикъ, и незамѣтно скопился такой долгъ.

— Сегодня же скажу ему объ этомъ...—рѣшила она, но тотчасъ же сообразила, что при теперешнемъ настроеніи Лаевского едва ли удобно говорить ему о долгахъ.

Въ-третьихъ, она уже два раза, въ отсутствіи Лаевского, принимала у себя Кирилина, полицейскаго пристава: разъ утромъ, когда Лаевскій уходилъ купаться, и въ другой разъ въ полночь, когда онъ игралъ въ карты. Вспомнивъ объ этомъ, Надежда Федоровна вся вспыхнула и оглянулась на кухарку, какъ бы боясь, чтобы та не подслушала ея мыслей. Длинные, нестерпимо жаркіе, скучные дни, прекрасные томительные вечера, душиныя ночи, и вся эта жизнь, когда отъ

утра до вечера не знаешь, на что употребить ненужное время, и навязчивыя мысли о томъ, что она самая красивая и молодая женщина въ городѣ, и что молодость ея проходит даромъ, и самъ Лаевскій, честный, идейный, но однообразный, вѣчно шаркающій туфлями, грызущій ногти и наскучающій своими капризами — сдѣлали то, что ею мало-по-малу овладѣли желанія и она, какъ сумасшедшая, день и ночь думала объ одномъ и томъ же. Въ своемъ дыханіи, во взглядахъ, въ тонѣ голоса и въ походкѣ она чувствовала только желаніе; шумъ моря говорилъ ей, что надо любить, вечерняя темнота—то же, горы—то же... И когда Кирилинъ сталъ ухаживать за нею, она была не въ силахъ и не хотѣла, не могла противиться, и отдалась ему...

Теперь иностранныя пароходы и люди въ бѣломъ наомиляли ей почему-то огромную залу; вмѣстѣ съ французскимъ говоромъ зазвенѣли у нея въ ушахъ звуки вальса, и грудь ея задрожала отъ безпричинной радости. Ей захотѣлось танцовать и говорить по-французски.

Она съ радостью соображала, что въ ея измѣнѣ нѣтъ ничего страшнаго. Въ ея измѣнѣ душа не участвовала; она продолжаетъ любить Лаевского, и это видно изъ того, что она ревнуетъ его, жалѣетъ и скучаетъ, когда онъ не бываетъ дома. Кирилинъ же оказался такъ себѣ, грубоватымъ, хотя и красивымъ, съ нимъ все уже порвано и больше ничего не будетъ. Что было, то прошло, никому до этого нѣтъ дѣла, а если Лаевскій узнаетъ, то не повѣритъ.

На берегу была только одна купальня для дамъ, мужчины же купались подъ открытымъ небомъ. Войдя въ купальню, Надежда Ѳедоровна застала тамъ пожилую даму Марью Константиновну Битюгову, жену чиновника, и ея 15-лѣтнюю дочь Катю, гимназистку; обѣ онѣ сидѣли на лавочкѣ и раздѣвались. Марья Константиновна была добрая, восторженная и деликатная особа, говорившая протяжно и съ паѳосомъ. До 32 лѣтъ она жила въ гувернанткахъ, потомъ вышла за чиновника Битюгова, маленькаго, лысаго человѣка, зачесывавшаго волосы на виски и очень смирнаго. До сихъ поръ она была влюблена въ него, ревновала, краснѣла при словѣ «любовь» и увѣряла всѣхъ, что она очень счастлива.

— Дорогая моя! — сказала она восторженно, увидѣвъ Надежду Ѳедоровну и придавая своему лицу выраженіе,

которое всё съ знакомые называли миндальнымъ.— Милая, какъ пріятно, что вы пришли! Мы будемъ купаться вмѣстѣ — это очаровательно!

Ольга быстро сбросила съ себя платье и сорочку и стала раздѣвать свою барыню.

— Сегодня погода не такая жаркая, какъ вчера, — не правда ли? — сказала Надежда Ѳедоровна, пожимаясь отъ грубыхъ прикосновеній голой кухарки. — Вчера я едва не умерла отъ духоты.

— О, да, моя милая! Я сама едва не задохнулась. Вѣрите ли, я вчера кушалась три раза... представьте, милая, три раза! Даже Никодимъ Александрычъ безпокоился.

«Ну можно ли быть такими некрасивыми?» подумала Надежда Ѳедоровна, поглядѣвъ на Ольгу и на чиновницу; она взглянула на Катю и подумала: «дѣвочка недурно сложена». — Вашъ Никодимъ Александрычъ очень, очень милъ! — сказала она. — Я въ него просто влюблена.

— Ха-ха-ха! — принужденно засмѣялась Марья Константиновна. — Это очаровательно!

Освободившись отъ одежды, Надежда Ѳедоровна почувствовала желаніе летѣть. Ей казалось, что если бы она взмахнула руками, то непременно бы улетѣла вверхъ. Раздѣвшись, она замѣтила, что Ольга брезгливо смотритъ на ея бѣлое тѣло. Ольга, молодая солдатка, жила съ законнымъ мужемъ, и потому считала себя лучше и выше ея. Надежда Ѳедоровна чувствовала также, что Марья Константиновна и Катя не уважають и боятся ея. Это было непріятно и, чтобы поднять себя въ ихъ мнѣніи, она сказала:

— У насъ въ Петербургѣ дачная жизнь теперь въ разгарѣ. У меня и у мужа столько знакомыхъ! Надо бы съѣздить повидаться.

— Вашъ мужъ, кажется, инженеръ? — робко спросила Марья Константиновна.

— Я говорю о Лаевскомъ. У него очень много знакомыхъ. Но, къ сожалѣнію, его мать, гордая аристократка, недалеко...

Надежда Ѳедоровна не договорила и бросилась въ воду; за нею полѣзли Марья Константиновна и Катя.

— У насъ въ свѣтѣ очень много предрассудковъ, — продолжала Надежда Ѳедоровна: — и живется не такъ легко, какъ кажется.

Марья Константиновна, служившая гувернанткой въ аристократическихъ семействахъ и знавшая толкъ въ свѣтѣ, сказала:

— О да! Вѣрите ли, милая, у Гаратынскихъ и къ завтраку, и къ обѣду требовался непременно туалетъ, такъ что я, точно актриса, кромѣ жалованья, получала еще и изъ гардеробъ.

Она стала между Надеждой Ѳедоровной и Катей, какъ бы загоразживая свою дочь отъ той воды, которая омывала Надежду Ѳедоровну. Въ открытую дверь, выходившую наружу въ море, было видно, какъ кто-то плыль къ ста шагахъ отъ купальни.

— Мама, это нашъ Костя!—сказала Катя.

— Ахъ, ахъ! — закудахтала Марья Константиновна въ испугъ. — Ахъ! Костя, — закричала она: — вернись! Костя, вернись!

Костя, мальчикъ лѣтъ 14, чтобы похвастать своею храбростью передъ матерью и сестрой, нырнулъ и поплыль дальше, но утомился и поспѣшилъ назадъ, и по его серьезному, напряженному лицу видно было, что онъ не вѣрилъ въ свои силы.

— Бѣда съ этими мальчиками, милая!—сказала Марья Константиновна, успокаиваясь. — Того и гляди, свернетъ себѣ шею. Ахъ, милая, какъ пріятно и въ то же время какъ тяжело быть матерью! Всего боишься.

Надежда Ѳедоровна надѣла свою соломенную шляпу и бросилась наружу въ море. Она отплыла сажени на четыре и легла на спину. Ей были видны море до горизонта, пароходы, люди на берегу, городъ, и все это вмѣстѣ со зноемъ и прозрачными нѣжными волнами раздражало ее и шептало ей, что надо жить, жить... Мимо нея быстро, энергически разрѣзывая волны и воздухъ, пронеслась парусная лодка; мужчина, сидѣвшій у руля, глядѣлъ на нее, и ей пріятно было, что на нее глядятъ...

Выкупавшись, дамы одѣлись и пошли вмѣстѣ.

— У меня черезъ день бываетъ лихорадка, а между тѣмъ я не худѣю,—говорила Надежда Ѳедоровна, облизывая свои соленныя отъ купанья губы и отвѣчая улыбкой на поклоны знакомыхъ. — Я всегда была полной и теперь, кажется, еще больше пополнила.

— Это, милая, отъ расположенія. Если кто не распо-

жесть къ полнотѣ, какъ я, напримѣръ, то никакая пища не поможетъ. Однако, милая, вы измочили свою шляпу.

— Ничего, высохнуть.

Надежда Федоровна опять увидѣла людей въ бѣломъ, которые ходили по набережной и разговаривали по-французски; и почему-то опять въ груди у нея заволновалась радость и смутно припомнилась ей какая-то большая зала, въ которой она когда-то танцевала, или которая, быть-можетъ, когда-то спилась ей. И что-то въ самой-глубинѣ души, смутно и глухо шептало ей, что она мелкая, пошлая, дрянная, ничтожная женщина...

Марья Константиновна остановилась около своихъ воротъ и пригласила ее зайти посидѣть.

— Зайдите, моя дорогая!—сказала она умоляющимъ голосомъ и въ то же время поглядѣла на Надежду Федоровну съ тоской и съ надеждой: авось откажется и не зайдетъ!

— Съ удовольствіемъ,—согласилась Надежда Федоровна.— Вы знаете, какъ я люблю быть у васъ!

И она вошла въ домъ. Марья Константиновна усадила ее, дала кофе, накормила сладкими булками, потомъ показала ей фотографіи своихъ бывшихъ воспитанницъ—барышень Гаратынскихъ, которые уже повидали замужъ, показала также экзаменаціонныя отмѣтки Кати и Кости; отмѣтки были очень хорошия, но чтобы онѣ показались еще лучше, она со вздохомъ пожаловалась на то, какъ трудно теперь учиться въ гимназіи... Она ухаживала за гостьей и, въ то же время, жалѣла ее и страдала отъ мысли, что Надежда Федоровна своимъ присутствіемъ можетъ дурно повліять на нравственность Кости и Кати, и радовалась, что ея Никодима Александрыча не было дома. Такъ какъ, по ея мнѣнію, всѣ мужчины любятъ «такихъ», то Надежда Федоровна могла дурно повліять и на Никодима Александрыча.

Разговаривая съ гостьей, Марья Константиновна все время помнила, что сегодня вечеромъ будетъ пикникъ, и что фонъ-Корень убѣдительно просилъ не говорить объ этомъ макакамъ, т. е. Лаевскому и Надеждѣ Федоровнѣ, но она печаянно проговорила, вся вслыхнула и сказала въ смущеніи:

— Падъюсь, и вы будете!

VI.

Условились ѣхать за семь верстъ отъ города по дорогѣ къ югу, остановиться около духана, при слияніи двухъ рѣчекъ—Черной и Желтой, и варить тамъ уху. Выѣхали въ началѣ шестого часа. Впереди всѣхъ, въ шарабанѣ, ѣхали Самойленко и Лаевскій, за ними въ коляскѣ, заложеной въ тройку, Марья Константиновна, Надежда Ѳедоровна, Катя и Костя; при нихъ была корзина съ провизіей и посуда. Въ слѣдующемъ экипажѣ ѣхали приставъ Кирпильинъ и молодой Ачміановъ, сынъ того самаго купца Ачміанова, которому Надежда Ѳедоровна была должна триста рублей, и противъ нихъ на скамеечкѣ, скорчившись и поджавъ ноги, сидѣлъ Никодимъ Александрычъ, маленькій, аккуратненькій, съ зачесанными височками. Позади всѣхъ ѣхали фонъ-Корень и дьяконъ; у дьякона въ ногахъ стояла корзина съ рыбой.

— Пррава! — кричатъ во все горло Самойленко, когда понадалась навстрѣчу арба или абхаецъ верхомъ на ослѣ.

— Черезъ два года, когда у меня будутъ готовы средства и люди, я отправлюсь въ экспедицію,—разсказывалъ фонъ-Корень дьякону.—Я пройду берегомъ отъ Владивостока до Берингова пролива и потомъ отъ пролива до устья Енисея. Мы начертимъ карту, изучимъ фауну и флору и обстоятельно займемся геологіей, антропологическими и этнографическими изслѣдованіями. Отъ васъ зависитъ поѣхать со мною или нѣтъ.

— Это невозможно,—сказалъ дьяконъ.

— Почему?

— Я человѣкъ зависимый, семейный.

— Дьяконица васъ отпустить. Мы ее обезпечимъ. Еще лучше, если бы вы убѣдили ее, для общей пользы, постричься въ монахини; это дало бы вамъ возможность самому постричься и поѣхать въ экспедицію іеромонахомъ. Я могу вамъ устроить это.

Дьяконъ молчалъ.

— Вы свою богословскую часть хорошо знаете?—спросилъ зоологъ.

— Плоховато.

— Гм... Я вамъ не могу сдѣлать никакихъ указаній на этотъ счетъ, потому что я самъ мало знакомъ съ богословіемъ

Вы дайте мнѣ списочекъ книгъ, какія вамъ нужны, и я вышлю вамъ зимою изъ Петербурга. Вамъ также нужно будетъ прочесть записки духовныхъ путешественниковъ: между ними попадаются хорошіе этнологи и знатоки восточныхъ языковъ. Когда вы ознакомитесь съ ихъ манерой, вамъ легче будетъ приступить къ дѣлу. Ну, а пока книгъ нѣтъ, не теряйте времени попусту, ходите ко мнѣ, и мы займемся компасомъ, пройдемъ метеорологію. Все это необходимо.

— Такъ-то такъ...—пробормоталъ дьяконъ и засмѣялся.— Я просилъ себѣ мѣста въ средней Россіи, и мой дядя-протоіерей обѣщаль мнѣ поспособствовать. Если я поѣду съ вами, то выйдетъ, что я ихъ даромъ безпокою.

— Не понимаю я вашихъ колебаній. Продолжая быть обыкновеннымъ дьякономъ, который обязанъ служить только по праздникамъ, а въ остальные дни—почивать отъ дѣлъ, вы и черезъ десять лѣтъ останетесь все такимъ же, какой вы теперь, и прибавятся у васъ развѣ только усы и борода, тогда какъ, вернувшись изъ экспедиціи, черезъ эти же десять лѣтъ вы будете другимъ человѣкомъ, вы обогатитесь сознаніемъ, что вами кое-что сдѣлано.

Изъ дамскаго экипажа послышались крики ужаса и восторга. Экипажи ѣхали по дорогѣ, прорытой въ совершенно отвѣсномъ скалистомъ берегу, и всѣмъ казалось, что они скачутъ по полкѣ, придѣланной къ высокой стѣнѣ, и что сейчасть экипажи свалятся въ пропасть. Направо разстилалось море, налѣво — была неровная корячневая стѣна съ черными пятнами, красными жилами и ползучими корневищами, а сверху, нагнувшись, точно со страхомъ и любопытствомъ, смотрѣли внизъ кудрявые хвосты. Черезъ минуту опять визгъ и смѣхъ: пришлось ѣхать подъ громаднымъ нависшимъ камнемъ.

— Не понимаю, за какимъ такимъ чортомъ я ѣду съ вами,—сказалъ Лаевскій.—Какъ глупо и пошло! Мнѣ надо ѣхать на сѣверъ, бѣжать, спасаться, а я почему-то ѣду на этотъ дурацкій пикникъ.

— А ты посмотри, какая панорама! — сказалъ ему Самойленко, когда лошади повернули влѣво и открылась долина Желтой рѣчки, и блеснула сама рѣчка—желтая, мутная, сумасшедшая...

— Ничего я, Саша, не вижу въ этомъ хорошаго,—отвѣ-

тпль Лаевскій. — Восторгаться постоянно природой — это значить показывать скудость своего воображенія. Въ сравненіи съ тѣмъ, что мнѣ можетъ дать мое воображеніе, всѣ эти ручейки и скалы—дрянь и больше ничего.

Коляски ѣхали уже по берегу рѣчки. Высокіе гористые берега мало-по-малу сходились, долина суживалась и представлялась впереди ущельемъ; каменная гора, около которой ѣхали, была сколочена природою и в громадныхъ камняхъ, давившихъ другъ друга съ такою страшною силой, что при взглядѣ на нихъ Самойленко всякій разъ невольно кряхтѣлъ. Мрачная и красивая гора мѣстами прорѣзывалась узкими трещинами и ущельями, изъ которыхъ вѣяло на ѣхавшихъ влагой и таинственностью; сквозь ущелья видны были другія горы, бурья, розовыя, лиловыя, дымчатая или залитая яркимъ свѣтомъ. Слышалось изрѣдка, когда проѣзжали мимо ущелій, какъ гдѣ-то съ высоты падала вода и плепала по камнямъ.

— Ахъ, проклятыя горы, — вздыхалъ Лаевскій: — какъ онѣ мнѣ надобли!

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Черная рѣчка впадала въ Желтую, и черная вода, похожая на чернила, пачкала желтую и боролась съ ней, въ сторонѣ отъ дороги стоялъ духанъ татарина Кербалая съ русскимъ флагомъ на крышѣ и съ вывѣской, написанной мѣломъ: «Пріятный духанъ»; около него былъ небольшой садикъ, обнесенный плетнемъ, гдѣ стояли столы и скамьи, и среди жалкаго колючаго кустарника возвышался одинъ единственный кипарисъ, красивый и темный.

Кербалай, маленькій, юркій татаринъ, въ синей рубахѣ и бѣломъ фартукѣ, стоялъ на дорогѣ и, взявшись за животъ, низко кланялся навстрѣчу экипажамъ и, улыбаясь, показывалъ свои бѣлые блестящіе зубы.

— Здорово, Кербалайка! — крикнулъ ему Самойленко. — Мы отъѣдемъ немножко дальше, а ты тащи туда самоваръ и стулья! Живо!

Кербалай кивалъ своей стрпженой головой и что-то бормоталъ и только сидѣвшіе въ заднемъ экипажѣ могли слышать: «есть форели, ваше превосходительство».

— Тащи, тащи! — сказалъ ему фонтъ-Корень.

Отъѣхавъ шаговъ пятьсотъ отъ духана, экипажи остановились. Самойленко выбралъ небольшой лужокъ, на ко-

торомъ были разбросаны камни, удобные для сидѣнья, и лежало дерево, поваленное бурей, съ вывороченнымъ мохнатымъ корнемъ и съ высохшими желтыми иглами. Тутъ черезъ рѣчку былъ перекинутъ жидкій бревенчатый мостъ, и на другомъ берегу, какъ разъ напротивъ, на четырехъ невысокихъ сваяхъ стоялъ сарайчикъ, сушильня для кукурузы, напоминавшая сказочную избушку на курьихъ ножкахъ; отъ ея двери внизъ спускалась лѣсенка.

Первое впечатлѣнiе у всѣхъ было такое, какъ будто они никогда не выберутся отсюда. Со всѣхъ сторонъ, куда ни посмотришь, громоздились и надвигались горы, и быстро, быстро со стороны духана и темнаго кипариса набѣгала вечерняя тѣнь, и отъ этого узкая, кривая долина Черной рѣчки становилась уже, а горы выше. Слышно было, какъ ворчала рѣка и безъ умолку кричали цакады.

— Очаровательно! — сказала Марья Константиновна, дѣлая глубокія дыханiя отъ восторга.— Дѣти, посмотрите, какъ хорошо! Какая тишина!

— Да, въ самомъ дѣлѣ хорошо, — согласился Лаевскiй, которому понравился видъ и почему-то, когда онъ посмотрѣлъ на небо и потомъ на синiй дымокъ, выходявшiй изъ трубы духана, вдругъ стало грустно.— Да, хорошо!— повторилъ онъ.

— Иванъ Андреичъ, опишите этотъ видъ!— сказала слезливо Марья Константиновна.

— Зачѣмъ? — спросилъ Лаевскiй. — Впечатлѣнiе лучше всякаго описанiя. Это богатство красокъ и звуковъ, какое всякiй получаетъ отъ природы путемъ впечатлѣнiй, писатели выбалтываютъ въ безобразномъ, неузнаваемомъ видѣ.

— Будто бы?—холодно спросилъ фонъ-Корень, выбравъ себѣ самый большой камень около воды и стараясь возвратиться на него и сѣсть.—Будто бы?—повторилъ онъ, глядя въ упоръ на Лаевскаго.—А Ромео и Джульета? А, напри- мѣръ, Украинская ночь Пушкина? Природа должна придти и въ ножки поклониться.

— Пожалуй... согласился Лаевскiй, которому было лѣнь соображать и противорѣчить.— Впрочемъ,—сказалъ онъ немного погодя:—что такое Ромео и Джульета въ сущности? Красивая, поэтическая святая любовь—это розы, подъ которыми хотятъ спрятать гниль. Ромео—такое же животное, какъ и всѣ.

— О чемъ съ вами ни заговоришь, вы все сводите къ...
Фонь-Корень оглянулся на Катю и не договорилъ.

— Къ чему я свожу?—спросилъ Лаевскій.

— Вамъ говоришь, напримѣръ: «какъ красива кисть винограда!», а вы: «да, но какъ она безобразна, когда ее жуютъ и перевариваютъ въ желудкахъ». Къ чему это говорить? Не ново и... вообще странная манера.

Лаевскій зналъ, что его не любитъ фонь-Корень, и потому боялся его и въ его присутствіи чувствовалъ себя такъ, какъ будто всѣмъ было тѣсно и за спиной стоялъ кто-то. Онъ ничего не отвѣтилъ, отошелъ въ сторону и пожалѣлъ, что поѣхалъ.

— Господа, маршъ за хворостомъ для костра!—скомандовала Самойленко.

Всѣ разбрелись, куда попало, и на мѣстѣ остались только Кирилинъ, Ачміановъ и Никодимъ Александрычъ. Кербалай принесъ стулья, разостлалъ на землѣ коверъ и поставилъ нѣсколько бутылокъ вина. Приставъ Кирилинъ, высокій, видный мужчина, во всякую погоду носившій сверхъ кителя шинель, своею горделивою осанкою, важной походкой и густымъ, нѣсколько хриплымъ голосомъ, напоминалъ провинціальнаго полицеймейстера изъ молодыхъ. Выраженіе у него было грустное и сонное, какъ будто его только-что разбудили противъ его желанія.

— Ты что же это, скотина, принесъ?—спросилъ онъ у Кербалая, медленно выговаривая каждое слово.—И приказывалъ тебѣ подать кварели, а ты что принесъ, татарская морда? А? Кого?

— У насъ много своего вина. Егоръ Алексѣичъ, — робко и вѣжливо замѣтилъ Никодимъ Александрычъ.

— Что-съ? Но я желаю, чтобы и мое вино было. Я участвую въ пикникѣ и, полагаю, имѣю полное право внести свою долю. По-ла-гаю! Принеси десять бутылокъ кварели!

— Для чего такъ много?—удивился Никодимъ Александрычъ, знавшій, что у Кирилина не было денегъ.

— Двадцать бутылокъ! Тридцать!—крикнулъ Кирилинъ.

— Ничего, пусть,—шепнулъ Ачміановъ Никодиму Александрычу,—я заплачу.

Надежда Федоровна была въ веселомъ, шаловливомъ настроеніи. Ей хотѣлось прыгать, хохотать, кричать, дразнить, кокетничать. Въ своемъ дешевомъ платьѣ изъ сит-

чика съ голубыми глазками. въ красныхъ тифелькахъ и въ той же самой соломенной шляпѣ она казалась себѣ маленькой, простенькой, легкой и воздушной, какъ бабочка. Она пробѣжала по жидкому мостику и минуту глядѣла въ воду, чтобы закружилась голова, потомъ вскрикнула и со смѣхомъ побѣжала на ту сторону къ сушильнѣ, и ей казалось, что всѣ мужчины и даже Кербалай, любовались ею. Когда въ быстро наступавшихъ потемкахъ деревья сливались съ горами, лошади съ экипажами и въ окнахъ духана блеснулъ огонекъ, она по тропинкѣ, которая вилась между камнями и колючими кустами, взобралась на гору и сѣла на камень. Внизу уже горѣлъ костеръ. Около огня съ засученными рукавами двигался дьяконъ, и его длинная черная тѣнь радиусомъ ходила вокругъ костра; онъ подкладывалъ хворостъ и ложкой, привязанной къ длинной палкѣ, мѣшалъ въ котлѣ. Самойленко, съ мѣдно-краснымъ лицомъ, хлопоталъ около огня, какъ у себя въ кухнѣ, и кричалъ свирѣпо:

— Гдѣ же соль, господа? Небось забыли? Что же это всѣ разсѣлись, какъ помѣщики, а я одинъ хлопочи?

На поваленномъ деревѣ рядышкомъ сидѣли Лаевскій и Никодимъ Александровичъ и задумчиво смотрѣли на огонь. Марья Константиновна, Катя и Костя вынимали изъ корзины чайную посуду и тарелки. Фонъ-Корень, скрестивъ руки и поставивъ одну ногу на камень, стоялъ на берегу около самой воды и о чемъ-то думалъ. Красныя пятна отъ костра, вмѣстѣ съ тѣнями, ходили по землѣ около темныхъ человѣческихъ фигуръ, дрожали на горѣ, на деревьяхъ, на мосту, на сушильнѣ; на другой сторонѣ обрывистый, изрытый бережокъ весь былъ освѣщенъ, мигалъ и отражался въ рѣчкѣ, и быстро бѣгущая бурливая вода рвала на части его отраженіе.

Дьяконъ пошелъ за рыбой, которую на берегу чистили и мылъ Кербалай, но на подорогѣ остановился и посмотрѣлъ вокругъ.

«Боже мой, какъ хорошо!—подумалъ онъ.—Люди, камни, огонь, сумерки, уродливое дерево—ничего больше, но какъ хорошо!»

На томъ берегу около сушильни появились какіе-то незнакомые люди. Оттого, что свѣтъ мелькалъ и дымъ отъ костра несло на ту сторону, нельзя было рассмотреть всѣхъ

этихъ людей сразу, а видны были по частямъ то мохнатая шапка и сѣдая борода, то синяя рубаха, то лохмотья отъ плечъ до колѣнъ и клинжалъ поперекъ живота, то молодое смуглое лицо съ черными бровями, такими густыми и рѣзкими, какъ будто онѣ были написаны углемъ. Человѣкъ пять изъ нихъ сѣли въ кружокъ на землѣ, а остальные пять пошли въ сушильню. Одинъ сталъ въ дверяхъ спиною къ костру и, заложивъ руки назадъ, сталъ рассказывать что-то, должно-быть, очень интересное, потому что, когда Самойленко подложилъ хворосту и костеръ вспыхнулъ, брызнулъ искрами и ярко освѣтилъ сушильню, было видно, какъ изъ дверей глядѣли двѣ физиономіи, спокойныя, выражавшія глубокое вниманіе, и какъ тѣ, которые сидѣли въ кружокъ, обернулись и стали прислушиваться къ разсказу. Немного погодя, сидѣвшіе въ кружокъ тихо загѣли что-то протяжное, мелодичное, похожее на великопостную церковную пѣсню... Слушая ихъ, дьяконъ вообразилъ, что будетъ съ нимъ черезъ десять лѣтъ, когда онъ вернется изъ экспедиціи: онъ— молодой іеромонахъ-миссіонеръ, авторъ съ именемъ и великолѣпнымъ прошлымъ; его посвящаютъ въ архимандриты, потомъ въ архіереи; онъ служитъ въ кафедральномъ соборѣ обѣдню: въ золотой митрѣ, съ санагіей выходитъ на амвонъ и, освѣняя массу народа трикиріемъ и дикиріемъ, возглашаетъ:— «Призри съ небесе, Боже, и виждь и посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя!» А дѣти ангельскими голосами поютъ въ отвѣтъ: «Святый Боже»...

— Дьяконъ, гдѣ же рыба?— послышался голосъ Самойленка.

Вернувшись къ костру, дьяконъ вообразилъ, какъ въ жаркій іюльскій день по пыльной дорогѣ идетъ крестный ходъ: впереди мужики несутъ хоругви, а бабы и дѣвки иконы, за ними мальчишки-пѣвчіе и дьячокъ съ подвязанной щекой и съ соломой въ волосахъ, потомъ по порядку онъ, дьяконъ, за нимъ попъ въ скуфейкѣ и съ крестомъ, а сзади пылтъ толпа мужиковъ, бабъ мальчишекъ; тутъ же въ толпѣ попададья и дьяконица въ платочкахъ. Поютъ пѣвчіе, ревутъ дѣти, кричатъ перепела, заливается жаворонокъ... Вотъ остановились и покропили святой водой стадо... Пошли дальше и съ колѣнопреклоненіемъ попросили дождя. Потомъ закуска, разговоры...

«И это тоже хорошо...»—подумалъ дьяконъ.

VII.

Кирилинъ и Ачмянговъ взбирались на гору по тропинкѣ Ачмянговъ отсталъ и остановился, а Кирилинъ подошелъ къ Надеждѣ Федоровнѣ.

— Добрый вечеръ!—сказалъ онъ, дѣлая подь козырекъ.

— Добрый вечеръ.

— Да-съ!—сказалъ Кирилинъ, глядя на небо и думая.

— Что—да-съ?—спросила Надежда Федоровна, помолчавъ немного и замѣчая, что Ачмянговъ наблюдаетъ за ними обоими.

— Итакъ, значить, — медленно выговорилъ офицеръ:— наша любовь увяла, не успѣвъ распѣсть, такъ сказать. Какъ прикажете это понять? Кокетство это съ вашей стороны, въ своемъ родѣ, или же вы считаете меня шалопаемъ, съ которымъ можно поступать какъ угодно?

— Это была ошибка! Оставьте меня! — сказала рѣзко Надежда Федоровна, въ этотъ прекрасный, чудесный вечеръ глядя на него со страхомъ и спрашивая себя въ недоумѣніи: «неужели въ самомъ дѣлѣ была минута, когда этотъ человѣкъ нравился ей и былъ близокъ?»

— Такъ-съ! — сказалъ Кирилинъ; онъ молча постоялъ немного, подумалъ и сказалъ:—Что жъ? Подождемъ, когда вы будете въ лучшемъ настроеніи, а пока смѣю васъ увѣрить, я человѣкъ порядочный и сомнѣваться въ этомъ никому не позволю. Мной играть нельзя! Adieu!

Онъ сдѣлалъ подь козырекъ и пошелъ въ сторону, пробираясь межъ кустами. Немного погодя, нерѣшительно подошелъ Ачмянговъ.

— Хорошій вечеръ сегодня! — сказалъ онъ съ легкимъ армянскимъ акцентомъ.

Онъ былъ недурень собой, одѣвался по модѣ, держался просто, какъ благовоспитанный юноша, но Надежда Федоровна не любила его за то, что была должна его отцу триста рублей; ей непріятно было также, что на пикникъ пригласили лавочника, и было непріятно, что онъ подошелъ къ ней именно въ этотъ вечеръ, когда на душѣ у нея было такъ чисто.

— Вообще пикникъ удался,—сказалъ онъ, помолчавъ.

— Да,—согласилась она и, какъ будто только-что вспомнивъ про свой долгъ, сказала небрежно:—Да, скажите въ

своемъ магазинѣ, что на-дняхъ зайдетъ Иванъ Андреичъ и заплатитъ тамъ триста... или не помню сколько.

— Я готовъ дать еще триста, только чтобы вы каждый день не напоминали объ этомъ долгѣ. Къ чему проза?

Надежда Θεодоровна засмѣялась; ей пришла въ голову смѣшная мысль, что если бы она была недостаточно нравственной и пожелала, то въ одну минуту могла бы отдѣлаться отъ долга. Если бы, напримѣръ, этому красивому, молодому дурачку вскружить голову! Какъ бы это въ сущности было смѣшно, нелѣпно, дико! И ей вдругъ захотѣлось влюбить, обобрать, бросить, потомъ посмотреть, что изъ этого выйдетъ.

— Позвольте дать вамъ одинъ совѣтъ, — робко сказала Ачміановъ. — Прошу васъ, остерегайтесь Кирилина. Онъ вѣду рассказываетъ про васъ ужасныя вещи.

— Миѣ неинтересно знать, что рассказываетъ про меня всякій дуракъ, — сказала холодно Надежда Θεодоровна, и ею овладѣло безпокойство, и смѣшная мысль поиграть молодымъ, хорошенькимъ Ачміановымъ вдругъ потеряла свою прелесть.

— Надо внизъ идти, — сказала она. — Зовутъ.

Внизу уже была готова уха. Ее разливали по тарелкамъ и ѣли съ тѣмъ священнодѣйствіемъ, съ какимъ это дѣлается только на пикникахъ; и всѣ находили, что уха очень вкусна, и что дома они никогда не ѣли ничего такого вкуснаго. Какъ это водится на всѣхъ пикникахъ, теряясь въ массѣ салфетокъ, свертковъ, ненужныхъ, ползающихъ отъ вѣтра сальныхъ бумагъ, не знали, гдѣ чей стаканъ и гдѣ чей хлѣбъ, проливали вино на коверъ и себѣ на колѣни, рассыпали соль, а кругомъ было темно и костеръ горѣлъ уже не такъ ярко и каждому было лѣнь встать и подложить хворосту. Всѣ пили вино, и Костѣ, и Катѣ дали по полустакану. Надежда Θεодоровна выпила стаканъ, потомъ другой, опьянѣла и забыла про Кирилина.

— Роскошный пикникъ, очаровательный вечеръ, — сказалъ Лаевскій, веселѣя отъ вина: — но я предпочелъ бы всему этому хорошую зиму. «Морозной пылью серебрится его бобровый воротникъ».

— У всякаго свой вкусъ, — замѣтилъ фонъ-Коренъ.

Лаевскій почувствовалъ неловкость: въ спину ему билъ жаръ отъ костра, а въ грудь и въ лицо — ненависть фонъ-

Корена; эта ненависть порядочнаго, умнаго человѣка, въ которой таилась, вѣроятно, основательная причина, унижала его, ослабляла, и онъ, не будучи въ силахъ противостоять ей, сказалъ заискивающимъ тономъ:

— Я страстно люблю природу и жалѣю, что я не естественникъ. Я завидую вамъ.

— Ну, а я не жалѣю и не завидую,—сказала Надежда Ѳедоровна.—Я не понимаю, какъ это можно серьезно заниматься букашками и козявками, когда страдаетъ народъ.

Лаевскій раздвѣлялъ ея мнѣніе. Онъ былъ совершенно незнакомъ съ естественными науками и потому никогда не могъ помириться съ авторитетнымъ тономъ и ученымъ, глубокомысленнымъ видомъ людей, которые занимаются муравьиными усиками и тараканьими лапками, и ему всегда было досадно, что эти люди, на основаніи усиковъ, лапокъ и какой-то протоплазмы (онъ почему-то воображалъ ее въ видѣ устрицы), берутся рѣшать вопросы, охватывающіе собою происхожденіе и жизнь человѣка. Но въ словахъ Надежды Ѳедоровны ему послышалась ложь, и онъ сказалъ только для того, чтобы противорѣчить ей:

— Дѣло не въ козявкахъ, а въ выводахъ!

VIII.

Стали садиться въ экипажи, чтобы ѣхать домой, поздно, часу въ одиннадцатомъ. Всѣ сѣли и доставало только Надежды Ѳедоровны и Ачміанова, которые по ту сторону рѣки бѣгали въ перегонки и хохотали.

— Господа, поскорѣй!—крикнулъ имъ Самойленко.

— Не слѣдовало бы дамамъ давать вино,—тихо сказала фонтъ-Корень.

Лаевскій, утомленный пикникомъ, ненавистью фонтъ-Корена и своими мыслями, пошелъ къ Надеждѣ Ѳедоровнѣ навстрѣчу и, когда она, веселая, радостная, чувствуя себя легкой, какъ перышко, запыхавшись и хохоча, схватила его за обѣ руки и положила ему голову на грудь, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и сказалъ сурово:

— Ты ведешь себя, какъ... кокотка.

Это выпло ужъ очень грубо, такъ что ему даже стало жаль ея. На его сердитомъ, утомленномъ лицѣ она прочла ненависть, жалость, досаду на себя, и вдругъ пала духомъ. Она попила, что пересолила, вела себя слишкомъ развязно,

и. опечаленная, чувствуя себя тяжелой, толстой, грубой и пьяною, съѣла въ первый попавшійся пустой экипажъ вмѣстѣ съ Ачміановымъ. Лаевскій съѣлъ съ Кирилинимъ, зоологъ съ Самойленкомъ, дьяконъ съ дамами, и поѣздъ тронулся.

— Вотъ они каковы макаки... — началъ фонъ-Корень, кутаясь въ плащъ и закрывая глаза. — Ты слышалъ, она не хотѣла бы заниматься букашками и козявками, потому что страдаетъ народъ. Такъ судить нашего брата всѣ макаки. Племя рабское, лукавое, въ десяти поколѣніяхъ залуганное кнутомъ и кулакомъ; оно трепещетъ, умиляется и курить ошміамы только передъ насиліемъ, но впусти макаку въ свободную область, гдѣ ее некому брать за шиворотъ, тамъ она развертывается и даетъ себя знать. Посмотри, такъ она смѣла на картинныхъ выставкахъ, въ музеяхъ, въ театрахъ, или когда судить о наукѣ: она топорщится, становится на дыбы, ругается, критикуется... И непременно критикуетъ — рабская черта! Ты прислушайся: людей свободныхъ профессій ругаютъ чаще, чѣмъ мошенниковъ — это оттого, что общество на три четверти состоитъ изъ рабовъ, изъ такихъ же вотъ макакъ. Не случается, чтобы рабъ протянулъ тебѣ руку и сказалъ искренно спасибо за то, что ты работаешь.

— Не знаю, чтò ты хочешь! — сказалъ Самойленко, зѣвая. — Бѣдненькой по простотѣ захотѣлось поговорить съ тобой объ умномъ, а ты ужъ заключеніе выводишь. Ты сердить на него за что-то, ну и на нее за компанію. А она прекрасная женщина!

— Э, полно! Обыкновенная содержанка, развратная и пошлая. Послушай, Александръ Давидычъ, когда ты встрѣчаешь простую бабу, которая не живетъ съ мужемъ, ничего не дѣлаетъ и только хи-хи да ха-ха, ты говоришь ей: ступай работать. Почему же ты тутъ робѣешь и боишься говорить правду? Потому только, что Надежда Федоровна живетъ на содержаніи не у матроса, а у чиновника?

— Чтò же мнѣ съ ней дѣлать? — разсердился Самойленко. — Вить ее, что ли?

— Не лѣстить пороку. Мы проклинаемъ порокъ только за глаза, а это похоже на кукишь въ карманѣ. Я зоологъ, или соціологъ, чтò одно и то же, ты — врачъ; общество намъ вѣрить; мы обязаны указывать ему на тотъ страшный

вредъ, какимъ угрожаетъ ему и будущимъ поколѣніямъ существованіе госпожъ въ родѣ этой Надежды Ивановны.

— Федоровны,—поправилъ Самойленко. — А что должно дѣлать общество?

— Оно? Это его дѣло. По-моему, самый прямой и вѣрный путь, это—насиліе. *Manu militari* ее слѣдуетъ отправить къ мужу, а если мужъ не приметъ, то отдать ее въ каторжныя работы, или въ какое-нибудь исправительное заведеніе.

— Уфы!—вздыхнулъ Самойленко; онъ помолчалъ и спросилъ тихо: — Какъ-то на-дняхъ ты говорилъ, что такихъ людей, какъ Лаевскій, уничтожать надо... Скажи мнѣ, если бы того... положимъ, государство, или общество поручило тебѣ уничтожить его, ты бы... рѣшился?

— Рука бы не дрогнула.

IX.

Пріѣхавъ домой, Лаевскій и Надежда Федоровна вошли въ свои темныя, душныя, скучныя комнаты. Оба молчали. Лаевскій зажегъ свѣчу, а Надежда Федоровна сѣла и, не снимая манти и шляпы, подняла на него печальные, виноватыя глаза.

Онъ понималъ, что она ждетъ отъ него объясненія; но объясняться было бы скучно, бесполезно и утомительно, и на душѣ было тяжело оттого, что онъ не удержался и сказалъ ей грубость. Случайно онъ нащупалъ у себя въ карманѣ письмо, которое каждый день собирался прочесть ей, и подумалъ, что если показать ей теперь это письмо, то оно отвлечетъ ея вниманіе въ другую сторону.

«Пора ужъ выяснить отношенія,—подумалъ онъ.—Дамъ ей: что будетъ, то будетъ».

Онъ вынулъ письмо и подалъ ей.

— Прочти. Это тебя касается.

Сказавши это, онъ пошелъ къ себѣ къ кабинетъ и легъ на диванъ въ потемкахъ, безъ подушки. Надежда Федоровна прочла письмо, и показалось ей, что потолокъ опустился и стѣны подошли близко къ ней. Стало вдругъ тѣсно, темно и страшно. Она быстро перекрестилась три раза и проговорила:

— Упокой Господи... упокой Господи...

И заплакала.

— Ваня!—позвала она.—Иванъ Андрейчъ!

Отвѣта не было. Думая, что Лаевскій вошелъ и стоитъ у нея за стуломъ, она всхлипывала, какъ ребенокъ, и говорила:

— Зачѣмъ ты раньше не сказалъ мнѣ, что онъ умеръ? Я бы не поѣхала на пикникъ, не хохотала бы такъ страшно... Мужчины говорили мнѣ пошлости. Какой грѣхъ, какой грѣхъ! Спаси меня, Ваня, спаси меня... Я обезумѣла... Я пропала...

Лаевскій слышалъ ея всхлипыванья. Ему было нестерпимо душно, и сильно стучало сердце. Въ тоскѣ онъ поднялся, постоялъ посреди комнаты, нащупалъ въ потемкахъ кресло около стола и сѣлъ.

«Это тюрьма... — подумалъ онъ. — Надо уйти... Я не могу»...

Идти играть въ карты было уже поздно, ресторановъ въ городѣ не было. Онъ опять легъ и заткнулъ уши, чтобы не слышать всхлипываній, и вдругъ вспомнилъ, что можно пойти къ Самойленку. Чтобы не проходить мимо Надежды Ѳедоровны, онъ черезъ окно пробрался въ садикъ, перелѣзъ черезъ палисадникъ и пошелъ по улицѣ. Было темно. Только-что пришелъ какой-то пароходъ, судя по огнямъ, большой пассажирскій... Загремѣла якорная цѣпь. Отъ берега по направленію къ пароходу быстро двигался красный огонекъ: это плыла таможенная лодка.

«Спать себѣ пассажиры въ каютахъ»...—подумалъ Лаевскій и позавидовалъ чужому покою.

Окна въ домѣ Самойленка были открыты. Лаевскій поглядѣлъ въ одно изъ нихъ, потомъ въ другое: въ комнатахъ было темно и тихо.

— Александръ Давидычъ, ты спишь? — позвалъ онъ.— Александръ Давидычъ!

Послышался кашель и тревожный окрикъ.

— Кто тамъ? Какого чорта?

— Это я, Александръ Давидычъ. Извини.

Немного погодя, отворилась дверь; блеснулъ мягкій свѣтъ отъ лампадки и показался громадный Самойленко весь въ бѣломъ и въ бѣломъ колпакѣ.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ, тяжело дыша съ просонокъ и почесываясь.—Погоди, я сейчасъ ототру.

— Не трудись, я въ окно...

Лаевскій влѣзъ въ окошко и, подойдя къ Самойленку, схватилъ его за руку.

— Александръ Давидычъ,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ:—спаси меня! Умоляю тебя, заклинаю, пойми меня! Положеніе мое мучительно. Если оно продолжится еще хотя день-два, то я задушу себя, какъ... какъ собаку!

— Постой... Ты насчетъ чего собственно?

— Зажги свѣчу.

— Охъ, охъ...—вздохнулъ Самойленко, зажигая свѣчу.— Боже мой, Боже мой... А уже второй часъ, братъ.

— Извини, но я не могу дома сидѣть,—сказалъ Лаевскій, чувствуя большое облегченіе отъ свѣта и присутствія Самойленка. — Ты, Александръ Давидычъ, мой единственный, мой лучший другъ... Вся надежда на тебя. Хочешь, не хочешь, Бога ради выручай. Во что бы то ни стало, я долженъ уѣхать отсюда. Дай мнѣ денегъ взаймы!

— Охъ, Боже мой, Боже мой!—вздохнулъ Самойленко, почесываясь.—Засыпаю и слышу: свистокъ, пароходъ пришелъ, а потомъ ты... Много тебѣ нужно?

— По крайней мѣрѣ рублей триста. Ей нужно оставить сто и мнѣ на дорогу двѣсти... Я тебѣ долженъ уже около четырехсотъ, но я все вышлю... все...

Самоуленко забралъ въ одну руку оба бакена, разставилъ ноги и задумался.

— Такъ...—пробормоталъ онъ въ раздумьи.—Триста... Да... Но у меня нѣтъ столько. Придется занять у кого-нибудь.

— Займи, Бога ради!—сказалъ Лаевскій, видя по лицу Самоуленка, что онъ хочетъ дать ему денегъ и непременно дастъ.—Займи, а я непременно отдамъ. Вышлю изъ Петербурга, какъ только приѣду туда. Это ужъ будь покоенъ. Вотъ что, Саша,—сказалъ онъ, оживляясь:—давай выпьемъ вина!

— Такъ... Можно и вина.

Оба пошли въ столовую.

— А какъ же Надежда Ѳедоровна?—спросилъ Самоуленко, ставя на столъ три бутылки и тарелку съ персиками.— Она останется развѣ?

— Все устрою, все устрою...—сказалъ Лаевскій, чувствуя неожиданный приливъ радости.— Я потомъ вышлю ей денегъ, она приѣдетъ ко мнѣ... Тамъ ужъ мы и выяснимъ наши отношенія. За твое здоровье, друже.

— Погоди! — сказала Самойленко. — Сначала ты этого выпей... Это изъ моего виноградника. Это вотъ бутылка изъ виноградника Наваридзе, а это Ахатулова... Попробуй все три сорта и скажи откровенно... Мое какъ будто съ кислотой. А? Не находишь?

— Да. Утѣшилъ ты меня, Александръ Давидычъ. Спасибо... Я ожилъ.

— Съ кислотой?

— А чортъ его знаетъ, не знаю. Но ты великолѣпный, чудный человѣкъ!

Глядя на его блѣдное, возбужденное, доброе лицо, Самойленко вспомнилъ мнѣніе фонъ-Корена, что такихъ уничтожать нужно, и Лаевскій показался ему слабымъ, беззащитнымъ ребенкомъ, котораго всякій можетъ обидѣть и уничтожить.

— А ты, когда поѣдешь, съ матерью помирись, — сказала онъ. — Не хорошо.

— Да, да, непременно.

Помолчали немного. Когда выпили первую бутылку, Самойленко сказалъ:

— Помирися бы ты и съ фонъ-Кореномъ. Оба вы прекраснѣйшіе, умнѣйшіе люди, а глядите другъ на дружку, какъ волки.

— Да, онъ прекраснѣйшій, умнѣйшій человѣкъ, — согласился Лаевскій, готовый теперь все хвалить и прощать. — Онъ замѣчательный человѣкъ, но сойтись съ нимъ для меня невозможно. Нѣтъ! Наши натуры слишкомъ различны. Я натура вялая, слабая, подчиненная; быть-можетъ, въ хорошую минуту и протянуть бы ему руку, но онъ отвернулся бы отъ меня... съ презрѣніемъ.

Лаевскій хлебнулъ вина, прошелся изъ угла въ уголъ и продолжалъ, стоя посреди комнаты:

— Я отлично понимаю фонъ-Корена. Это натура твердая, сильная, деспотическая. Ты слышала, онъ постоянно говоритъ объ экспедиціи, и это не пустыя слова. Ему нужна пустыня, лунная ночь: кругомъ въ палаткахъ и подъ открытымъ небомъ спать его голодные и больные, замученные тяжелыми переходами казаки, проводники, носильщики, докторъ, священникъ, и не спать только одинъ онъ и, какъ Стэнли, сидитъ на складномъ стулѣ и чувствуетъ себя царемъ пустыни и хозяиномъ этихъ людей. Онъ идетъ,

идеть, идетъ куда-то, люди его стонуть и мрутъ одинъ за другимъ, а онъ идетъ и идетъ, въ концѣ концовъ погибаетъ самъ и все-таки остается деспотомъ и царемъ пустыни, такъ какъ крестъ у его могилы виденъ караванамъ за тридцать-сорокъ миль и царить надъ пустыней. Я жалѣю, что этотъ человѣкъ не на военной службѣ. Изъ него вышелъ бы превосходный, геніальный полководецъ. Онъ умѣлъ бы топить въ рѣкѣ свою конницу и дѣлать изъ труповъ мосты, а такая смѣлость на войнѣ ну жиде всякихъ фортификацій и тактикъ. О, я его отлично понимаю! Скажи, зачѣмъ онъ проѣдается здѣсь? Что ему тутъ нужно?

— Онъ морскую фауну изучаетъ.

— Нѣтъ. Нѣтъ, братъ, нѣтъ! — вздохнулъ Лаевскій. — Миѣ на парходѣ одинъ проѣзжій ученый рассказывалъ, что Черное море бѣдно фауной и что на глубинѣ его, благодаря изобилію сѣроводорода, невозможна органическая жизнь. Всѣ серьезные зоологи работаютъ на біологическихъ станціяхъ въ Неаполѣ, или Villefranche. Но фонъ-Коренъ самостоятеленъ и упрямъ: онъ работаетъ на Черномъ морѣ, потому что никто здѣсь не работаетъ; онъ порвалъ съ университетомъ, не хочетъ знать ученыхъ и товарищей, потому что онъ прежде всего деспотъ, а потомъ ужъ зоологъ. И изъ него, увидишь, выйдетъ большой толкъ. Онъ ужъ и теперь мечтаетъ, что, когда вернется изъ экспедиціи, то выкурить изъ нашихъ университетовъ интригу и посредственность и скрутить ученыхъ въ бараній рогъ. Деспотія и въ наукѣ такъ же сильна, какъ на войнѣ. А живетъ онъ второе лѣто въ этомъ вонючемъ городишкѣ, потому что лучше быть первымъ въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ вторымъ. Онъ здѣсь король и орелъ; онъ держитъ всѣхъ жителей въ ежахъ и гнететъ ихъ своимъ авторитетомъ. Онъ прибралъ къ рукамъ всѣхъ, вмѣшивается въ чужія дѣла, все ему нужно и всѣ боятся его. Я ускользаю изъ-подъ его лапы, онъ чувствуетъ это и ненавидитъ меня. Не говорилъ ли онъ тебѣ, что меня нужно уничтожить, или отдать въ общественныя работы?

— Да,—засмѣялся Самойленко.

Лаевскій тоже засмѣялся и выпилъ вина.

— И идеалы у него деспотическіе,—сказалъ онъ, смѣясь и закусывая персикомъ. — Обыкновенные смертные, если работаютъ на общую пользу, то имѣютъ въ виду своего

ближняго: меня, тебя, однимъ словомъ человѣка. Для фонъ-Корена же люди—щенки и ничтожества, слишкомъ мелкія для того, чтобы быть цѣлью его жизни. Онъ работаетъ, поидеть въ экспедицію и свернетъ себѣ тамъ шею не во имя любви къ ближнему, а во имя такихъ абстрактныхъ, какъ человѣчество, будущія поколѣнія, идеальная порода людей. Онъ хлопочетъ объ улучшеніи человѣческой породы и въ этомъ отношеніи мы для него только рабы, мясо для пушекъ, выючныя животныя; однихъ бы онъ уничтожилъ, или законопатилъ на каторгу, другихъ скрутилъ бы дисциплиной, заставилъ бы, какъ Аракчеевъ, вставать и ложиться по барабану, поставилъ бы евнуховъ, чтобы стеречь наше цѣломудріе и нравственность, велѣлъ бы стрѣлять во всякаго, кто выходитъ за кругъ нашей узкой, консервативной морали, и все это во имя улучшенія человѣческой породы... А что такое человѣческая порода? Иллюзія, миражъ... Деспоты всегда были иллюзионистами. Я, братъ, отлично понимаю его. Я цѣню его и не отрицаю его значенія; на такихъ, какъ онъ, этотъ міръ держится, и если бы міръ былъ предоставленъ только однимъ намъ, то мы, при всей своей добротѣ и благихъ намѣреніяхъ, сдѣлали бы изъ него то же самое, что вотъ мухи изъ этой картины. Да.

Лаевскій сѣлъ рядомъ съ Самоиленкомъ и сказалъ съ искреннимъ увлеченіемъ:

— Я пустой, ничтожный, падшій человѣкъ! Воздухъ, которымъ дышу, это вино, любовь, однимъ словомъ, жизнь я до сихъ поръ покупалъ цѣною лжи, праздности и малодушія. До сихъ поръ я обманывалъ людей и себя, я страдалъ отъ этого, и страданія мои были дешевы и пошлы. Передъ ненавистью фонъ-Корена я робко гну спину, потому что временами самъ ненавижу и презираю себя.

Лаевскій опять въ волненіи прошелся изъ угла въ уголъ и сказалъ:

— Я радъ, что ясно вижу свои недостатки и сознаю ихъ. Это поможетъ мнѣ воскреснуть и стать другимъ человѣкомъ. Голубчикъ мой, если бъ ты зналъ, какъ страстно, съ какою тоской я жажду своего обновленія. И, клянусь тебѣ, я буду человѣкомъ! Буду! Не знаю, вию ли во мнѣ заговорило, или оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, но мнѣ кажется, что я давно уже не переживалъ такихъ свѣтлыхъ, чистыхъ минутъ, какъ сейчасъ у тебя.

— Пора, братецъ, спать...—сказалъ Самойленко.

— Да, да... Извини. Я сейчасъ.

Лаевскій засуетился около мебели и оконъ, ища своей фуражки.

— Спасибо...—бормоталъ онъ, вздыхая.—Спасибо... Ласка и доброе слово выше милостыни. Ты оживилъ меня.

Онъ нашелъ свою фуражку, остановился и виновато посмотрѣлъ на Самойленка.

— Александръ Давидычъ! — сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ.

— Что?

— Позволь, голубчикъ, остаться у тебя ночевать!

— Сдѣлай милость... отчего же?

Лаевскій легъ спать на диванъ и еще долго разговаривалъ съ докторомъ.

X.

Дня черезъ три послѣ нильника къ Надеждѣ Федоровнѣ неожиданно пришла Марья Константиновна и, не здороваясь, не снимая шляпы, схватила ее за обѣ руки, прижала ихъ къ своей груди и сказала въ сильномъ волненіи:

— Дорогая моя, я взволнована, поражена. Нашъ милый, симпатичный докторъ вчера передавалъ моему Никодиму Александрычу, что будто скончался вашъ мужъ. Скажите, дорогая... Скажите, это правда?

— Да, правда, онъ умеръ,—отвѣтила Надежда Федоровна.

— Это ужасно, ужасно, дорогая! Но итъ худа безъ добра. Вашъ мужъ былъ, вѣроятно, дивный, чудный, святой человекъ, а такіе на небѣ нужныѣ, чѣмъ на землѣ.

На лицѣ у Марьи Константиновны задрожали всѣ черточки и точки, какъ будто подъ кожей запрыгали мелкія игло-лочки, она миндально улыбнулась и сказала восторженно, задыхаясь:

— Итакъ, вы свободны, дорогая. Вы можете теперь высоко держать голову и смѣло глядѣть людямъ въ глаза. Отнынѣ Богъ и люди благословятъ вашъ союзъ съ Иваномъ Андреичемъ. Это очаровательно. Я дрожу отъ радости, не нахожу словъ. Милая, я буду вашею свахой... Мы съ Никодимомъ Александрычемъ такъ любили васъ, вы позволите намъ благословить вашъ законный, чистый союзъ. Когда, когда вы думаете вѣнчаться?

— Я и не думала объ этомъ, — сказала Надежда Ѳедоровна, освобождая свои руки.

— Это невозможно, милая. Вы думали, думали!

— Ей-Богу, не думала. — засмѣялась Надежда Ѳедоровна. — Къ чему намъ вѣнчаться? Я не вижу въ этомъ никакой надобности. Будемъ жить, какъ жили.

— Что вы говорите! — ужаснулась Марья Константиновна. — Ради Бога, что вы говорите!

— Отъ того, что мы повѣнчаемся, не станетъ лучше. Напротивъ, даже хуже. Мы потеряемъ свою свободу.

— Милая! Милая, что вы говорите! — воскликнула Марья Константиновна, отступая назадъ и всплескивая руками. — Вы экстравагантны! Опомнитесь! Угомонитесь!

— То-есть, какъ угомониться? Я еще не жила, а вы — угомонитесь!

Надежда Ѳедоровна вспомнила, что она въ самомъ дѣлѣ еще не жила. Кончила курсъ въ институтѣ и вышла за нелюбимаго человѣка, потомъ сошлась съ Лаевскимъ и все время жила съ нимъ на этомъ скучномъ, пустынномъ берегу въ ожиданіи чего-то лучшаго. Развѣ это жизнь?

«А повѣнчаться бы слѣдовало...» — подумала она, но вспомнила про Кирилина и Ачмяннова, покраснѣла и сказала:

— Нѣтъ, это невозможно. Если бы даже Иванъ Андреичъ сталъ просить меня объ этомъ на колѣняхъ, то и тогда бы я отказалась.

Марья Константиновна минуту сидѣла молча на диванѣ, печальная, серьезная, и глядѣла въ одну точку, потомъ встала и проговорила холодно:

— Прощайте, милая! Извините, что побезпокоила. Хотя это для меня и не легко, но я должна сказать вамъ, что съ этого дня между нами все кончено и, несмотря на мое глубокое уваженіе къ Ивану Андреичу, дверь моего дома для васъ закрыта.

Она проговорила это съ торжественностью, и сама же была подавлена своимъ торжественнымъ тономъ; лицо ея опять задрожало, приняло мягкое, миндальное выраженіе, она протянула испуганной, сконфуженной Надеждѣ Ѳедоровнѣ объ руки и сказала умоляюще:

— Милая моя, позвольте мнѣ хотя одну минуту побыть вашею матерью, или старшей сестрой! Я буду откровенна съ вами, какъ мать.

Надежда Федоровна почувствовала въ своей груди такую теплоту, радость и состраданіе къ себѣ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ воскресла ея мать и стояла передъ ней. Она порывисто обняла Марью Константиновну и прижалась лицомъ къ ея плечу. Обѣ заплакали. Онѣ сѣли на диванъ и нѣсколько минутъ всхлипывали, не глядя другъ на друга и будучи не въ силахъ выговорить ни одного слова.

— Милая, дитя мое,—начала Марья Константиновна:— я буду говорить вамъ суровыя истины, не щадя васъ.

— Ради Бога, ради Бога!

— Довѣрьтесь мнѣ, милая. Вы вспомните, изъ всѣхъ здѣшнихъ дамъ только я одна принимала васъ. Вы ужаснули меня съ перваго же дня, но я была не въ силахъ отнестись къ вамъ съ пренебреженіемъ, какъ всѣ. Я страдала за милаго, добраго Ивана Андрейча, какъ за сына. Молодой человѣкъ на чужой сторонѣ, неопытенъ, слабъ, безъ матери, и я мучилась, мучилась... Мужъ былъ противъ знакомства съ нимъ, но я уговорила... убѣдила... Мы стали принимать Ивана Андрейча, а съ нимъ, конечно, и васъ, иначе бы онъ оскорбился. У меня дочь, сынъ... Вы понимаете, нѣжный дѣтскій умъ, чистое сердце... аще кто соблазнить единаго изъ малыхъ сихъ... Я принимала васъ и дрожала за дѣтей. О, когда вы будете матерью, вы поймете мой страхъ. И всѣ удивлялись, что я принимаю васъ, извините, какъ порядочную, намекали мнѣ... ну, конечно, сплетни, гипотезы... Въ глубинѣ моей души я осудила васъ, но вы были несчастны, жалки, экстравагантны, и я страдала отъ жалости.

— Но почему? Почему?—спросила Надежда Федоровна, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Что я кому сдѣлала?

— Вы страшная грѣшница. Вы нарушили обѣтъ, который дали мужу передъ алтаремъ. Вы соблазнили прекраснаго молодого человѣка, который, быть-можетъ, если бы не встрѣтился съ вами, взялъ бы себѣ законную подругу жизни изъ хорошей семьи своего круга, и былъ бы теперь, какъ всѣ. Вы погубили его молодость. Не говорите, не говорите, милая! Я не повѣрю, чтобы въ нашихъ грѣхахъ былъ виноватъ мужчина. Всегда виноваты женщины. Мужчины въ домашнемъ быту легкомысленны, живутъ умомъ, а не сердцемъ, не понимаютъ многого, но женщина все понимаетъ. Отъ нея все зависитъ. Ей много дано, съ нея много и взыщется. О, милая, если бы она была въ этомъ отношеніи глу-

ше или слабѣе мужчины, то Богъ не ввѣрилъ бы ей воспѣтанія мальчиговъ и дѣвочекъ. И затѣмъ, дорогая, вы вступили на стезю порока, забывъ всякую стыдливость; другая въ вашемъ положеніи укрылась бы отъ людей, сидѣла бы дома запершись, и люди видѣли бы ее только въ храмѣ Божиемъ, блѣдную, одѣтую во все черное, плачущую, и каждый бы въ искреннемъ сокрушеніи сказалъ:—«Боже, это согрѣшившій ангель опять возвращается къ Тебѣ...» Но вы, милая, забыли всякую скромность, жили открыто, экстравагантно, точно гордились грѣхомъ, вы рѣзвились, хохотали, и я, глядя на васъ, дрожала отъ ужаса и боялась, чтобы громъ небесный не поразилъ нашего дома въ то время, когда вы сидите у насъ. Милая, не говорите, не говорите!—вскликнула Марья Константиновна, замѣтивъ, что Надежда Ѳедоровна хочетъ говорить.—Довѣрьтесь мнѣ, я не обману васъ и не скрою отъ взоровъ вашей души ни одной истины. Слушайте же меня, дорогая... Богъ отмѣчаетъ великихъ грѣшниковъ, и вы были отмѣчены. Вспомните, костюмы ваши всегда были ужасны!

Надежда Ѳедоровна, бывшая всегда самага лучшаго мнѣнія о своихъ костюмахъ, перестала плакать и посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Да, ужасны!—продолжала Марья Константиновна.— По изысканности и пестротѣ вашихъ нарядовъ всякій можетъ судить о вашемъ поведеніи. Всѣ, глядя на васъ, посмѣивались и пожимали плечами, а я страдала, страдала... И простите меня, милая, вы нечистоплотны! Когда мы встрѣчались въ купальнѣ, вы заставляли меня тренегать. Верхнее платье еще туда-сюда, но юбка, сорочка... милая, я краснѣю! Бѣдному Ивану Андренчу тоже никто не завязжетъ галстука, какъ слѣдуетъ, и по бѣлью, и по сапогамъ бѣдняжки видно, что дома за нимъ никто не смотритъ. И всегда онъ у васъ, мой голубчикъ, голоденъ, и въ самомъ дѣлѣ, если дома некому позаботиться насчетъ самовара и кофе, то поневолѣ будешь проживать въ павильонѣ половину своего жалованья. А дома у васъ просто ужасъ, ужасъ! Во всемъ городѣ ни у кого нѣтъ мухъ, а у васъ отъ нихъ отобою нѣтъ, всѣ тарелки и блюдечки черны. На окнахъ и на столахъ, посмотрите, пыль, дохляья мухи, стаканы... Къ чему тутъ стаканы? И, милая, до сихъ поръ у васъ со стола не убрано. А въ спальню къ вамъ войти

стыдно: разбросано вездѣ бѣлье, висятъ на стѣнахъ эти ваши разные каучуки, стоитъ какая-то посуда... Милая! Мужъ ничего не долженъ знать и жена должна быть передъ нимъ чистой, какъ ангельчикъ. Я каждое утро просыпаюсь чуть-свѣтъ и мою холодной водой лицо, чтобы мой Никодимъ Александрычъ не замѣтилъ, что я заспанная.

— Это все пустяки,—зарыдала Надежда Федоровна. — Если бы я была счастлива, но я такъ несчастна!

— Да, да, вы очень несчастны!—вздохнула Марья Константиновна, едва удерживаясь, чтобы не заплакать. — И васъ ожидать въ будущемъ страшное горе! Одинокая старость, болѣзни, а потомъ отвѣтъ на страшномъ судилищѣ... Ужасно, ужасно! Теперь сама судьба протягиваетъ вамъ руку помощи, а вы неразумно отстраняете ее. Вѣчайтесь, скорѣе вѣчайтесь!

— Да, надо, надо, — сказала Надежда Федоровна: — но это невозможно!

— Почему же?

— Невозможно! О, если бѣ вы знали!

Надежда Федоровна хотѣла рассказать про Кирилина и про то, какъ она вчера вечеромъ встрѣтилась на пристани съ молодымъ, красивымъ Ачмановымъ и какъ ей пришла въ голову сумасшедшая, смѣшная мысль отдѣлаться отъ долга въ триста рублей, ей было очень смѣшно, и она вернулась домой поздно вечеромъ, чувствуя себя безповоротно падшей и продажной. Она сама не знала, какъ это случилось. И ей хотѣлось теперь поклясться передъ Марьей Константиновной, что она непременно отдастъ долгъ, но рыданія и стыдъ мѣшали ей говорить.

— Я уѣду, — сказала она. — Иванъ Андреичъ пусть остается, а я уѣду.

— Куда?

— Въ Россію.

— Но чѣмъ вы будете тамъ жить? Вѣдь у васъ ничего нѣтъ.

— Я буду переводами заниматься, или... или открою библиотечку...

— Не фантазируйте, моя милая. На библиотечку деньги нужны. Ну, я васъ теперь оставляю, а вы успокойтесь и подумайте, а завтра приходите ко мнѣ веселенькая. Это будетъ очаровательно! Ну, прощайте, мой ангелочекъ. Дайте я васъ поцѣлую.

Марья Константиновна поцѣловала Надежду Ѳедоровну въ лобъ, перекрестила ее и тихо вышла. Становилось уже темно, и Ольга въ кухнѣ зажгла огонь. Продолжая плакать, Надежда Ѳедоровна пошла въ спальню и легла на постель. Ее стала бить сильная лихорадка. Лежа, она раздѣлась, смяла платье къ ногамъ и свернулась подъ одѣяломъ клубочкомъ. Ей хотѣлось пить, и некому было подать.

— Я отдамъ!—говорила она себѣ, и ей въ бреду казалось, что она сидитъ возлѣ какой-то больной и узнаетъ въ ней самоѣ себя.—Я отдамъ. Было бы глупо думать, что я изъ-за денегъ... Я уѣду и вышлю ему деньги изъ Петербурга. Сначала сто... потомъ сто... и потомъ—сто...

Поздно ночью пришелъ Лаевскій.

— Сначала сто...—сказала ему Надежда Ѳедоровна:—потомъ сто...

— Ты бы приняла хины,—сказалъ онъ, и подумалъ: «Завтра среда, отходить пароходъ, и я не ѣду. Значитъ, придется жить здѣсь до субботы».

Надежда Ѳедоровна поднялась въ постели на колѣни.

— Я ничего сейчасъ не говорила?—спросила она, улыбаясь и щурясь отъ свѣчи.

— Ничего. Надо будетъ завтра утромъ за докторомъ послать. Спи.

Онъ взявъ подушку и пошелъ къ двери. Послѣ того, какъ онъ окончательно рѣшилъ уѣхать и оставить Надежду Ѳедоровну, она стала возбуждать въ немъ жалость и чувство вины; ему было въ ея присутствіи немножко совѣстно, какъ въ присутствіи больной, или старой лошади, которую рѣшили убить. Онъ остановился въ дверяхъ и оглянулся на нее.

— На пикникъ я былъ раздраженъ и сказалъ тебѣ грубость. Ты извини меня, Бога ради.

Сказавши это, онъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ, легъ и долго не могъ уснуть.

Когда на другой день утромъ Самойленко, одѣтый, по случаю табельнаго дня, въ полную парадную форму съ эполетами и орденами, пощупавъ у Надежды Ѳедоровны пульсъ и поглядѣвъ ей на языкъ, выходилъ изъ спальни, Лаевскій, стоявшій у порога, спросилъ его съ тревогой:

— Ну, что? Что?

Лицо его выражало страхъ, крайнее безпокойство и надежду.

— Успокойся, ничего опаснаго,—сказаль Самойленко.— Обыкновенная лихорадка.

— Я не о томъ,—нетерпѣливо поморщился Лаевскій.— Досталь денегъ?

— Душа моя, извини,—запелталъ Самойленко, оглядываясь на дверь и конфузясь.—Бога ради извини! Ни у кого нѣтъ свободныхъ денегъ, и я собралъ пока по пяти да по десяти рублей—всего-на-все сто десять. Сегодня еще кое съ кѣмъ поговорю. Потерпи.

— Но крайній срокъ суббота! — прошепталъ Лаевскій, дрожа отъ нетерпѣнія.—Ради всѣхъ святыхъ, до субботы! Если я въ субботу не уѣду, то ничего мнѣ не нужно... ничего! Не понимаю, какъ это у доктора могутъ не быть деньги!

— Да, Господи, Твоя воля,—быстро и съ напряженіемъ запелталъ Самойленко, и что-то даже пискнуло у него въ горлѣ:—у меня все разобрали, должны мнѣ семь тысячъ, и я кругомъ долженъ. Развѣ я виноватъ?

— Значить: къ субботѣ достанешь? Да?

— Постараюсь.

— Умоляю, голубчикъ! Такъ, чтобы въ пятницу утромъ деньги у меня въ рукахъ были.

Самойленко сѣлъ и прописаль хину въ растворѣ, *kalii bromati*, ревенной настойки, *tincturae gentianaе*, *aquae foeniculi*—все это въ одной микстурѣ, прибавилъ розоваго сироу, чтобы горько не было, и ушелъ.

XI.

— У тебя такой видъ, какъ будто ты идешь арестовать меня,—сказаль фонъ-Корень, увидѣвъ входившаго къ нему Самойленка въ парадной формѣ.

— А я иду мимо и думаю: дай-ка зайду, зоологію провѣдаю,—сказаль Самойленко, садясь у большого стола, сколоченнаго самимъ зоологомъ изъ простыхъ досокъ.—Здравствуй, святой отецъ!—кивнулъ онъ дякону, который сидѣлъ у окна и что-то переписываль.—Посижу минуту и побѣгу домой распорядиться насчетъ обѣда. Уже пора... Я вамъ не помѣшалъ?

— Нисколько,—отвѣтилъ зоологъ, раскладывая по столу мелко исписанныя бумажки.—Мы перепиской занимаемся.

— Такъ... Охъ, Боже мой, Боже мой...—вздохнулъ Са-

мойленко; онъ осторожно потянулъ со стола запыленную книгу, на которой лежала мертвая сухая фаланга, и сказалъ:—Однако! Представь, идетъ по своимъ дѣламъ какой-нибудь зелененькій жутокъ и вдругъ по дорогѣ встрѣчаетъ такую анаѰему. Воображаю, какой ужасъ!

— Да, полагаю.

— Ей ядь данъ, чтобы защищаться отъ враговъ?

— Да, защищаться и самой нападать.

— Такъ, такъ, такъ... И все въ природѣ, голубчики мои, цѣлесообразно и объяснимо,—вдохнулъ Самойленко.—Только вотъ чего я не понимаю. Ты, величайшаго ума человекъ, объясни-ка мнѣ, пожалуйста. Бываютъ, знаешь, звѣрки, не больше крысы, на видъ красивенькіе, но въ высочайшей степени, скажу я тебѣ, подлые и безнравственные. Идетъ такой звѣрекъ, положимъ, по лѣсу; увидалъ птичку, поймалъ и съѣлъ. Идетъ дальше и видитъ въ травѣ гнѣздышко съ яйцами; жрать ему уже не хочется, сытъ, но все-таки раскусываетъ яйцо, а другія вышвыриваетъ изъ гнѣзда ланкой. Потомъ встрѣчаетъ лягушку и давай съ ней играть. Замучилъ лягушку, идетъ и облизывается, а навстрѣчу ему жукъ. Опъ жука ланкой... И все онъ портитъ и разрушаетъ на своемъ пути... Залѣзаетъ и въ чужія норы, разрываетъ зря муравейники, раскусываетъ улитокъ... Встрѣтится крыса — онъ съ ней въ драку; увидитъ змѣйку или мышонка—задушить надо. И такъ цѣлый день. Ну, скажи, для чего такой звѣрь нуженъ? Зачѣмъ онъ созданъ?

— Я не знаю, про какого звѣрка ты говоришь,—сказалъ фонъ-Корень:—вѣроятно, про какого-нибудь изъ насѣкомолдныхъ. Ну, что жъ? Птица попалась ему, потому что неосторожна; онъ разрушилъ гнѣздо съ яйцами, потому что птица не искусна, дурно сдѣлала гнѣздо и не сумѣла замаскировать его. У лягушки, вѣроятно, какой-нибудь изъянъ въ цвѣтовой окраскѣ, иначе бы онъ не увидѣлъ ея, и такъ далѣе. Твой звѣрь сокрушаетъ только слабыхъ, неискусныхъ, неосторожныхъ, однимъ словомъ, имѣющихъ недостатки, которые природа не находитъ нужнымъ передавать въ потомство. Остаются въ живыхъ только болѣе ловкіе, осторожные, сильные и развитые. Такимъ образомъ, твой звѣрекъ, самъ того не подозрѣвая, служитъ великимъ цѣлямъ усовершенствованія.

— Да, да, да... Гетати, братъ,—сказаль Самоиленко развязно:—дай-ка мнѣ займы рублей сто.

— Хорошо. Между насѣкомоядными попадаются очень интересные субъекты. Напримѣръ, кротъ. Про него говорятъ, что онъ полезенъ, такъ какъ истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ. Разсказываютъ, что будто какой-то имѣецъ прислалъ императору Вильгельму I шубу изъ кротовыхъ шкурокъ и будто императоръ приказалъ сдѣлать ему выговоръ за то, что онъ истребилъ такое множество полезныхъ животныхъ. А между тѣмъ кротъ въ жестокости несколько не уступитъ твоему звѣрку и къ тому же очень вреденъ, такъ какъ страшно портитъ луга.

Фонъ-Коренъ отперъ шкатулку и досталъ оттуда сторублевую бумажку.

— У крота сильная грудная клѣтка, какъ у летучей мыши,—продолжалъ онъ, запирая шкатулку:—странно развитыя кости и мышцы, необыкновенное вооруженіе рта. Если бы онъ имѣлъ размѣры слона, то былъ бы всеокрушающимъ, непобѣдимымъ животнымъ. Интересно, когда два крота встрѣчаются подъ землей, то они оба, точно стоворившись, начинаютъ рыть площадку; эта площадка нужна имъ для того, чтобы удобнѣе было сражаться. Сдѣлавъ ее, они вступаютъ въ жестокой бой и дерутся до тѣхъ поръ, пока не падаетъ слабѣйшій. Возьми же сто рублей,—сказаль фонъ-Коренъ, поизивъ тонъ:—но съ условіемъ, что ты берешь не для Лаевского.

— А хоть бы и для Лаевского!—вспыхнулъ Самоиленко.—Тебѣ какое дѣло?

— Для Лаевского я не могу дать. Я знаю, ты любишь давать займы. Ты далъ бы и разбойнику Кериму, если бы онъ попросилъ у тебя, но, извини, помогать тебѣ въ этомъ направленіи я не могу.

— Да, я прошу для Лаевского! —сказаль Самоиленко, вставая и размахивая правой рукой.—Да! Для Лаевского! Ни никакой ни чортъ, ни дьяволъ не имѣетъ права учить меня, какъ я долженъ распорядиться своими деньгами. Вамъ не угодно дать? Нѣтъ?

Дьяконъ захохоталъ.

— Ты не клянитесь, а рассуждай. —сказаль зоологъ.—Благодѣтельствовать г. Лаевскому такъ же не умно, по-моему, какъ поливать сорную траву, или прикармливать саранчу.

— А по-моему, мы обязаны помогать нашимъ ближнимъ!— крикнулъ Самойленко.

— Въ такомъ случаѣ помоги вотъ этому голодному турку, что лежитъ подъ заборомъ! Онъ работникъ и нужиѣе, по-лезеиѣе твоего Лаевского. Отдай ему эти сто рублей! Или пожертвуй мнѣ сто рублей на экспедицію!

— Ты дашь или нѣтъ, я тебя спрашиваю?

— Ты скажи откровенно: на что ему нужны деньги?

— Это не секретъ. Ему нужно въ субботу въ Петербургъ ѣхать.

— Вотъ какъ!—сказалъ протяжно фонъ-Корентъ.—Ага... Понимаемъ. А она съ нимъ поѣдетъ, или какъ?

— Она пока здѣсь остается. Онъ устроитъ въ Петербургъ свои дѣла и пришлетъ ей денегъ, тогда и она поѣдетъ.

— Ловко!..—сказалъ зоологъ и засмѣялся короткимъ тевноровымъ смѣхомъ.—Ловко! Умно придумано.

Онъ быстро подошелъ къ Самойленку и, ставъ лицомъ къ лицу, глядя ему въ глаза, спросилъ:

— Ты говори откровенно: онъ разлюбилъ? Да? Говори: разлюбилъ? Да?

— Да,—выговорилъ Самойленко и вспогѣлъ.

— Какъ это отвратительно!—сказалъ фонъ-Корентъ, и по лицу его видно было, что онъ чувствовалъ отвращеніе.— Что-нибудь изъ двухъ, Александръ Давидычъ: или ты съ нимъ въ заговорѣ, или же, извини, ты простофиля. Неужели ты не понимаешь, что онъ проводитъ тебя, какъ мальчишку, самымъ безсовѣстнымъ образомъ? Вѣдь ясно, какъ день, что онъ хочетъ отдѣлаться отъ нея и бросить ее здѣсь. Она останется на твоей шеѣ, и ясно, какъ день, что тебѣ придется отправлять ее въ Петербургъ на свой счетъ. Неужели твой прекрасный другъ до такой степени ослѣпилъ тебя своими достоинствами, что ты не видишь даже самыхъ простыхъ вещей?

— Это одни только предположенія,—сказалъ Самойленко, садясь.

— Предположенія? Но почему онъ ѣдетъ одинъ, а не вмѣстѣ съ ней? И почему, спроси его, не поѣхать бы ей впередъ, а ему послѣ? Продувная bestія!

Подавленный внезапными сомнѣніями и подозрѣніями насчетъ своего пріятели, Самойленко вдругъ ослабѣлъ и понизилъ тонъ.

— Но это невозможно!—сказалъ онъ, вспоминая ту ночь, когда Лаевскій почевалъ у него.—Онъ такъ страдаетъ!

— Что жъ изъ этого? Воры и поджигатели тоже страдаютъ!

— Положимъ даже, что ты правъ...—сказалъ въ раздумьи Самойленко.—Допустимъ... Но онъ молодой человѣкъ, на чужой сторонѣ... студентъ, мы тоже студенты и кромѣ насъ тутъ некому оказать ему поддержку.

— Помогать ему дѣлать мерзости только потому, что ты и онъ въ разное время были въ университетѣ и оба тамъ ничего не дѣлали! Что за вздоръ!

— Постой, давай хладнокровно разсудимъ. Можно будетъ, полагаю, устроить вотъ какъ...—соображалъ Самойленко, шевеля пальцами.—Я, понимаешь, дамъ ему деньги, но возьму съ него честное, благородное слово, что черезъ недѣлю же онъ пришлетъ Надеждѣ Федоровнѣ на дорогу.

— И онъ дастъ тебѣ честное слово, даже прослезится и самъ себя повѣритъ, но цѣна-то этому слову? Онъ его не сдержитъ, и когда черезъ годъ—два ты встрѣтишь его на Невскомъ подъ ручку съ новой любовью, то онъ будетъ оправдываться тѣмъ, что его искалѣчила цивилизація и что онъ сколокъ съ Рудина. Брось ты его, Бога ради! Уйди отъ грязи и не конайся въ ней обѣими руками!

Самойленко подумалъ минуту и сказалъ рѣшительно:

— Но я все-таки дамъ ему денегъ. Какъ хочешь. Я не въ состояніи отказать человѣку на основаніи однихъ только предположеній.

— И превосходно. Поцѣлуйся съ нимъ.

— Такъ дай же мнѣ сто рублей,—робко попросилъ Самойленко.

— Не дамъ.

Настушило молчаніе. Самойленко совсѣмъ ослабѣлъ; лицо его приняло виноватое, пристыженное и заискивающее выраженіе, и какъ-то странно было видѣть это жалкое, дѣтски-сконфуженное лицо у громаднаго человѣка съ эпюлетами и орденами.

— Здѣшній преосвященный обязываетъ свою епархію не въ каретѣ, а верхомъ на лошади, —сказалъ дьяконъ, кладя перо.—Видь его, сидящаго на лошади, до чрезвычайности трогателенъ. Простота и скромность его превосходятъ библейскаго величія.

— Онъ хорошій человѣкъ?—спросилъ фонъ-Корень, который радъ былъ переменить разговоръ.

— А то какъ же? Если бъ не былъ хорошимъ, то развѣ его посвятили бы въ архіереи?

— Между архіереями встрѣчаются очень хорошіе и даровитые люди,—сказалъ фонъ-Корень. — Жаль только, что у многихъ изъ нихъ есть слабость—воображать себя государственными мужами. Одинъ занимается обрусеніемъ, другой критикуетъ науки. Это не ихъ дѣло. Они бы лучше почаще въ консисторію заглядывали.

— Свѣтскій человѣкъ не можетъ судить архіереевъ.

— Почему же, дьяконъ? Архіерей такой же человѣкъ, какъ и я.

— Такой да не такой,—обидѣлся дьяконъ, принимаясь за перо.—Ежели бы вы были такой, то на васъ почилъ бы благодать и вы сами были бы архіереемъ, а ежели вы не архіерей, то, значить, не такой.

— Не мели, дьяконъ!—сказалъ Самойленко съ тоской.—Послушай, вотъ что я придумалъ,—обратился онъ къ фонъ-Корену.—Ты мнѣ этихъ ста рублей не давай. Ты у меня до зимы будешь столоваться еще три мѣсяца, такъ вотъ дай мнѣ впередъ за три мѣсяца.

— Не дамъ.

Самойленко замигалъ глазами и побагровѣлъ; онъ машинально потянулъ къ себѣ книгу съ фалангой и посмотрѣлъ на нее, потомъ всталъ и взялся за шапку. Фонъ-Корену стало жаль его.

— Вотъ извольте жить и дѣло дѣлать съ такими господами!—сказалъ зоологъ и въ негодованіи швырнулъ ногой въ уголь какую-то бумагу.—Пойми же, что это не доброта, не любовь, а малодушіе, распущенность, ядъ! Что дѣлаетъ разумъ, то разрушаютъ ваши дряблыя, никуда негодныя сердца! Когда я гимназистомъ былъ боленъ брюшнымъ тифомъ, моя тетюшка изъ состраданія обкормила меня маринованными грибами, и я чуть не умеръ. Пойми ты вмѣстѣ съ тетюшкой, что любовь къ человѣку должна находиться не въ сердцѣ, не подъ ложечкой и не въ поясицѣ, а вотъ здѣсь!

Фонъ-Корень хлопнулъ себя по лбу.

— Возьми!—сказалъ онъ и швырнулъ сторублевую бумажку.

— Напрасно ты сердишься, Коля,—кратко сказала Самойленко, складывая бумажку.— Я тебя отлично понимаю, но... войди въ мое положеніе.

— Баба ты старая, вотъ что!

Дьяконъ захохоталъ.

— Послушай, Александръ Давидычъ, послѣдняя просьба!— горячо сказалъ фонъ-Корень. — Когда ты будешь давать тому прохвосту деньги, то предложи ему условіе: пусть уѣзжаетъ вмѣстѣ со своей барыней, или же отошлетъ ее впередъ, а иначе не давай. Церемониться съ нимъ нечего. Такъ ему и скажи, а если не скажешь, то, даю тебѣ честное слово, я пойду къ нему въ присутствіе и сижу его тамъ съ лѣстницы, а съ тобою знаться не буду. Такъ и знай!

— Что жъ? Если онъ уѣдетъ вмѣстѣ съ ней, или впередъ ее отправить, то для него же удобнѣе,—сказала Самойленко.— Онъ даже радъ будетъ. Ну, прощай.

Онъ нѣжно простился и вышелъ, но, прежде чѣмъ затворить за собою дверь, оглянулся на фонъ-Кореня, сдѣлавъ страшное лицо и сказалъ:

— Это тебя, братъ, нѣмцы испортили! Да! Нѣмцы!

XII.

На другой день, въ четвергъ, Марья Константиновна праздновала день рожденія своего Кости. Въ полдень всѣ были приглашены кушать пирогъ, а вечеромъ нить шоколадъ. Когда вечеромъ пришли Лаевскій и Надежда Ѳедоровна, зоологъ, уже сидѣвшій въ гостиной и пившій шоколадъ, сиропилъ у Самойленка:

— Ты говорилъ съ нимъ?

— Нѣтъ еще.

— Смотри же не церемонься. Не понимаю я наглости этихъ господъ! Вѣдь отлично знаютъ взглядъ здѣшней семьи на ихъ сожительство, а между тѣмъ лѣзутъ сюда.

— Если обращать вниманіе на каждый предрасудокъ,—сказалъ Самойленко:— то придется никуда не ходить.

— Развѣ отвращеніе массы къ виѣбрачной любви и распушенности предрасудокъ?

— Конечно. Предрасудокъ и ненавистничество. Солдаты какъ увидятъ дѣвшу легкаго поведенія, то хохочутъ и свищутъ, а спроси-ка ихъ: кто они сами?

— Недаромъ они свицуютъ. То, что дѣвки думать своихъ незаконно-прижитыхъ дѣтей и идти на каторгу, и что Анна Каренина бросилась подъ поѣздъ, и что въ деревняхъ мажутъ ворота дегтемъ, и что намъ съ тобой, неизвѣстно почему, нравится въ Катѣ ея чистота, и то, что каждый смутно чувствуетъ потребность въ чистой любви, хотя знаетъ, что такой любви нѣтъ,—развѣ все это предразсудокъ? Это, братецъ, единственное, что уцѣлѣло отъ естественнаго подбора и, не будь этой темной силы, регулирующей отношенія половъ, господа Лаевскіе показали бы тебѣ, гдѣ раки зимуютъ, и человѣчество выродилось бы въ два года.

Лаевскій вошелъ въ гостиную; со всѣми поздоровался и, пожимая руку фонъ-Корену, заискивающе улыбнулся. Онъ выждалъ удобную минуту и сказалъ Самойленку:

— Извини, Александръ Давидычъ, мнѣ нужно сказать тебѣ два слова.

Самойленко всталъ, обнявъ его за талію, и оба пошли въ кабинетъ Никодима Александрыча.

— Завтра пятница...—сказалъ Лаевскій, грызя ногти.— Ты досталъ, что обѣщалъ?

— Досталъ только двѣсти десять. Остальныя сегодня достану, или завтра. Будь покоенъ.

— Слава Богу!...—вдохнулъ Лаевскій, и руки задрожали у него отъ радости.— Ты меня спасаешь, Александръ Давидычъ, и, клянусь тебѣ Богомъ, своимъ счастьемъ и чѣмъ хочешь, эти деньги я вышлю тебѣ тотчасъ же по пріѣздѣ. И старый долгъ вышлю.

— Вотъ что, Ваня...—сказалъ Самойленко, беря его за плечико и краснѣя.— Ты извини, что я вмѣшиваюсь въ твои семейныя дѣла, но... почему бы тебѣ не уѣхать вмѣстѣ съ Надеждой Федоровной?

— Чудакъ, но развѣ это можно? Одному изъ насъ непременно надо остаться, иначе кредиторы завопиютъ. Вѣдь я долженъ по лавкамъ рублей семьсотъ, если не больше. Погоди, вышлю имъ деньги, заткну зубы, тогда и она выѣдетъ отсюда.

— Такъ... Но почему бы тебѣ не отправить ее впередъ?

— Ахъ, Боже мой, развѣ это возможно? — ужаснулся Лаевскій.— Вѣдь она женщина, чтò она тамъ одна сдѣлаетъ?

Что она понимает? Это только проволочка времени и лишняя трага денег.

«Резонно» — подумалъ Самойленко, но вспомнилъ разговоръ свой съ фонъ-Кореномъ, потупился и сказалъ угрюмо:

— Съ тобою я не могу согласиться. Или поѣзжай вмѣстѣ съ ней, или же отпавь ее впередъ, иначе... иначе я не дамъ тебѣ денегъ. Это мое послѣднее слово...

Онъ понятился назадъ, навалился спиною на дверь и вышелъ въ гостиную красный, въ страшномъ смущеніи.

«Пятница... пятницу, — думалъ Лаевскій, возвращаясь въ гостиную. — Пятница...»

Ему подали чашку шоколаду. Онъ ожегъ губы и языкъ горячимъ шоколадомъ и думалъ:

«Пятница... пятницу...»

Слово «пятница» почему-то не выходило у него изъ головы; онъ ни о чемъ, кромѣ пятницы, не думалъ и для него ясно было только, но не въ головѣ, а гдѣ-то подъ сердцемъ, что въ субботу ему не уѣхать. Передъ нимъ стоялъ Никодимъ Александрычъ, аккуратненькій, съ зачесанными височками и просилъ:

— Кушайте, покоривѣнше прошу-съ...

Марья Константиновна показывала гостямъ отмѣтки Кати и говорила протяжно:

— Теперь ужасно, ужасно трудно учиться! Такъ много требуютъ...

— Мама!—стонала Катя, не зная куда спрятаться отъ стыда и похвалъ.

Лаевскій тоже посмотрѣлъ въ отмѣтки и похвалилъ. Законъ Божій, русскій языкъ, поведеніе, пятерки и четверки запрыгали въ его глазахъ и все это вмѣстѣ съ привязавшейся къ нему пятницей, съ зачесанными височками Никодима Александрыча и съ красными щеками Кати представлялось ему такой необъятной, непобѣдимой скукой, что онъ едва не вскрикнулъ съ отчаянія и сиросилъ себя: — «Неужели, неужели я не уѣду?»

Поставили рядомъ два ломберныхъ стола и сѣли играть въ почту. Лаевскій тоже сѣлъ.

«Пятница... пятницу... — думалъ онъ, улыбаясь и вынимая изъ кармана карандашъ. — Пятница...»

Онъ хотѣлъ обдумать свое положеніе и боялся думать. Ему страшно было сознаться, что докторъ поймалъ его на

обманѣ, который онъ такъ долго и тщательно скрывалъ отъ самого себя. Всякій разъ, думая о своемъ будущемъ, онъ не давалъ своимъ мыслямъ полной свободы. Онъ садеть въ вагонъ и поѣдетъ—этимъ рѣшался вопросъ его жизни, и дальше онъ не пускалъ своихъ мыслей. Какъ далекий тусклый огонекъ въ полѣ, такъ изрѣдка въ головѣ его мелькала мысль, что гдѣ-то въ одномъ изъ переулковъ Петербурга, въ отдаленномъ будущемъ, для того, чтобы разойтись съ Надеждой Федоровной и уплатить долги, ему придется прибѣгнуть къ маленькой лжи; онъ солжетъ только одинъ разъ, и затѣмъ наступитъ полное обновленіе. И это хорошо: цѣною маленькой лжи онъ купитъ большую правду.

Теперь же, когда докторъ своимъ отказомъ грубо наемкнулъ ему на обманъ, ему стало понятно, что ложь понадобится ему не только въ отдаленномъ будущемъ, но и сегодня, и завтра, и черезъ мѣсяць и, быть-можетъ, даже до конца жизни. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы уѣхать, ему нужно будетъ солгать Надеждѣ Федоровнѣ, кредиторамъ и начальству; затѣмъ, чтобы добыть въ Петербургѣ денегъ, придется солгать матери, сказать ей, что онъ уже разошелся съ Надеждой Федоровной; и мать не дастъ ему больше пятисотъ рублей, значить, онъ уже обманулъ доктора, такъ какъ будетъ не въ состояніи въ скоромъ времени прислать ему денегъ. Затѣмъ, когда въ Петербургъ пріѣдетъ Надежда Федоровна, нужно будетъ употребить цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ обмановъ, чтобы разойтись съ ней; и опять слезы, скука, постылая жизнь, раскаяніе и, значить, никакого обповленія не будетъ. Обманъ и больше ничего. Въ воображеніи Лавескаго выросла цѣлая гора лжи. Чтобы пересечь ее въ одинъ разъ, а не лгать по частямъ, нужно было рѣшиться на крутую мѣру, на примѣръ, ни слова не говоря, встать съ мѣста, надѣть шапку и тотчасъ же уѣхать безъ денегъ, не говоря ни слова, но Лавескій чувствовалъ, что для него это невозможно.

«Пятница, пятница... — думалъ онъ. — Пятница...»

Писали записки, складывали ихъ вдвое и клали въ старый цилиндръ Никодима Александрыча и, когда скопилось достаточно записокъ, Костя, изображавшій почтальона, ходилъ вокругъ стола и раздавалъ ихъ. Дьяконъ, Катя и Костя, получавшіе смѣшныя записки и старавшіеся писать посмѣшнѣе, были въ восторгѣ.

«Намъ надо поговоpить»,—прочла Надежда Федоровна на записочкѣ. Она переглянулаcь cъ Марьей Константиновной, и та мндално улыбуналась и закивала ей головой.

«О чемъ же говоpить?—подумала Надежда Федоровна.—Если нельзя pазсказать всего, то и говоpить незначѣмъ».

Передъ тѣмъ, какъ идти въ гости, она завязала Ласвскому галстукъ, и это пустое дѣло наполнило ея душу нѣжностью и печалью. Тревога на его лицѣ, разсѣянные взгляды, блѣдность и неопытная перемѣна, происшедшая cъ нимъ въ послѣднее время, и то, что она имѣла отъ него страшную, отвратительную тайну, и то, что у нея дрожали руки, когда она завязывала галстукъ,—все это почему-то говорило ей, что имъ обоимъ уже недолго осталось жить вмѣстѣ. Она глядѣла на него, какъ на икону, со страхомъ и раскаянiемъ, и думала: — «Прости, прости...» Противъ нея за столомъ сидѣлъ Ачмяновъ и не отрывалъ отъ нея своихъ черныхъ влюбленныхъ глазъ; ее волновали желанiя, она стыдилась себя и боялась, что даже тоска и печаль не помѣшаютъ ей уступить нечистой страсти, не сегодня, такъ завтра,—и что она, какъ запойный пьяница, уже не въ силахъ остановиться.

Чтобы не продолжать этой жизни, позорной для нея и оскорбительной для Ласевского, она рѣшила уѣхать. Она будетъ cъ плачемъ умолять его, чтобы онъ отпустилъ ее, и если онъ будетъ противиться, то она уйдетъ отъ него тайно. Она не pазскажетъ ему о томъ, что произошло. Пусть онъ сохранитъ о ней чистое воспоминанiе.

«Люблю, люблю, люблю»,—прочла она.—Это отъ Ачмянова.

Она будетъ жить гдѣ-нибудь въ глуши, работать и высылать Ласевскому «отъ неизвѣстнаго» деньги, вышитыя сорочки, табакъ, и вернется къ нему только въ старости и въ случаѣ, если онъ опасно заболѣетъ и понадобится ему сидѣлка. Когда въ старости онъ узнаетъ, по какимъ причинамъ она отказалась быть его женой и оставила его, онъ обвинитъ ея жертву и проститъ.

«У васъ длинный носъ». — Это, должно-быть, отъ дьякона, или отъ Кости.

Надежда Федоровна вообразила, какъ, прощаясь cъ Ласевскимъ, она крѣико обниметъ его, поцѣлуетъ ему руку и покажется, что будетъ любить его всю, всю жизнь, а по-

томъ, живя въ глуши, среди чужихъ людей, она будетъ каждый день думать о томъ, что гдѣ-то у нея есть другъ, любимый человѣкъ, чистый, благородный и возвышенный, который хранитъ о ней чистое воспоминаніе.

«Если вы сегодня не назначите мнѣ свиданія, то я прийму мѣры, увѣряю честнымъ словомъ. Такъ съ порядочными людьми не поступаютъ, надо это понять». — Это отъ Кирилина.

XIII.

Лаевскій получилъ двѣ записки; онъ развернулъ одну и прочелъ: «Не уѣзжай, голубчикъ мой».

«Кто бы это могъ написать?—подумалъ онъ.—Конечно, не Самойленко... И не дьяконъ, такъ какъ онъ не знаетъ, что я хочу уѣхать. Фоянъ-Корень развѣ?»

Зоологъ нагнулся къ столу и рисовалъ пирамиду. Лаевскому показалось, что глаза его улыбаются.

«Вѣроятно, Самойленко проболтался...»—подумалъ Лаевскій.

На другой запискѣ тѣмъ же самымъ изломаннымъ почеркомъ съ длинными хвостами и закорючками было написано: «А кто-то въ субботу не уѣдетъ».

«Глуное издѣвательство, — подумалъ Лаевскій. — Пятница, пятница...»

Что-то подступило у него къ горлу. Онъ потрогалъ воротничокъ и кашлянулъ, но вмѣсто кашля изъ горла вырвался смѣхъ.

— Ха-ха-ха! — захохоталъ онъ. — Ха-ха-ха! «Чему это я?»—подумалъ онъ.—Ха-ха-ха!

Онъ попытался удержать себя, закрылъ рукою ротъ, но смѣхъ давилъ ему грудь и шею, и рука не могла закрыть рта.

«Какъ это, однако, глупо!—думалъ онъ, покатываясь со смѣху.—Я съ ума сошелъ, что ли?»

Хохотъ становился все выше и выше и обратился во что-то, похожее на лай болонки. Лаевскій хотѣлъ встать изъ-за стола, но ноги его не слушались и правая рука какъ-то странно, помимо его воли, прыгала по столу, судорожно ловила бумажки и сжимала ихъ. Онъ увидѣлъ удивленные взгляды, серьезное испуганное лицо Самойленка и взглядъ зоолога, полный холодной насмѣшки и гадливости, и понять, что съ нимъ истерика.

«Какое безобразіе, какой стыдъ, — думалъ онъ. чувствуя на лицѣ теплогу отъ слезъ...— Ахъ, ахъ, какой срамъ! Никогда со мною этого не было...»

Вотъ взяли его подъ руки и, поддерживая сзади голову, повели куда-то; вотъ стаканъ блеснулъ передъ глазами и стукнулъ по зубамъ, и вода пролилась на грудь; вотъ маленькая комната, посреди двѣ постели рядомъ, покрытыя чистыми, бѣлыми, какъ снѣгъ, покрывалами. Онъ повалился на одну постель и зарыдалъ.

— Ничего, ничего... — говорилъ Самоиленко. — Это бываетъ... Это бываетъ...

Похолодѣвшая отъ страха, дрожа всѣмъ тѣломъ и чувствуя что-то ужасное, Надежда Ѳедоровна стояла у постели и спрашивала:

— Что съ тобой? Что? Ради Бога говори...

«Не написалъ ли ему чего-нибудь Кирилличъ?» — думала она.

— Ничего... — сказали Лаевскій, смѣясь и плача. — Уйди отсюда... голубка.

Лицо его не выражало ни ненависти, ни отвращенія: значить, онъ ничего не знаетъ; Надежда Ѳедоровна немного успокоилась и пошла въ гостиную.

— Не волнуйтесь, милая! — сказала ей Марья Константиновна, садясь рядомъ и беря ее за руку. — Это пройдетъ. Мужчины такъ же слабы, какъ и мы, грѣшныя. Вы оба теперь переживаете кризисъ... это такъ понятно! Ну, милая, я жду отвѣта. Давайте поговоримъ.

— Нѣтъ, не будемъ говорить... — сказала Надежда Ѳедоровна, прислушиваясь къ рыданіямъ Лаевского. — У меня тоска... Позвольте мнѣ уйти...

— Что вы, что вы, милая! — испугалась Марья Константиновна. — Неужели вы думаете, что я отищу васъ безъ ужина? Закусимъ, тогда и съ Богомъ.

— У меня тоска... — прошептала Надежда Ѳедоровна и, чтобы не упасть, взялась обѣими руками за ручку кресла.

— У него родимчикъ! — сказалъ весело фонъ-Корень, входя въ гостиную, но, увидѣвъ Надежду Ѳедоровну, смутился и вышелъ.

Когда кончилась истерика, Лаевскій сидѣлъ на чужой постели и думалъ:

«Срамъ, разревѣлся, какъ дѣвчонка! Должно-быть, я

смѣшонъ и гадокъ. Уйду чернымъ ходомъ... Впрочемъ, это значило бы, что я придаю своей истерикѣ серьезное значеніе. Слѣдовало бы ее разыграть въ шутку...»

Онъ посмотрѣлся въ зеркало, посидѣлъ немного и вышелъ въ гостиную.

— А вотъ и я!—сказалъ онъ, улыбаясь; ему было мучительно стыдно и онъ чувствовалъ, что и другимъ стыдно въ его присутствіи.— Бываютъ же такія исторіи,—сказалъ онъ, садясь.— Сидѣлъ я и вдругъ, знаете ли, почувствовалъ страшную колющую боль въ боку... невыносимую, первы не выдержали и... и вышла такая глухая штука. Нантъ нервный вѣкъ, ничего не подѣлаешь!

За ужиномъ онъ пилъ вино, разговаривалъ и изрѣдка, судорожно вздыхая, поглаживалъ себѣ бокъ, какъ бы показывая, что боль еще чувствуется. И никто, кромѣ Надежды Ѳедоровны, не вѣрилъ ему, и онъ видѣлъ это.

Въ десятомъ часу пошли гулять на бульваръ. Надежда Ѳедоровна, боясь, чтобы съ нею не заговорилъ Кирилинъ, все время старалась держаться около Маріи Константиновны и дѣтей. Она ослабѣла отъ страха и тоски и, предчувствуя лихорадку, томилась и еле передвигала ноги, но не шла домой, такъ какъ была увѣрена, что за нею пойдетъ Кирилинъ или Алчмановъ, или оба вмѣстѣ. Кирилинъ шелъ сзади, рядомъ съ Никодимомъ Александрычемъ, и напѣвалъ виолголосо:

— Я игра-ать мной не позво-олю! Не позво-олю!

Съ бульвара повернули къ павильону и пошли по берегу и долго смотрѣли, какъ фосфорится море. Фонъ-Корень сталъ рассказывать, отчего оно фосфорится.

XIV.

— Однако, мнѣ пора вѣнтить... Меня ждуть,—сказалъ Лаевскій.— Прощайте, господа.

— И я съ тобой, погоди,—сказала Надежда Ѳедоровна и взяла его подъ руку.

Они простились съ обществомъ и пошли. Кирилинъ тоже простился, сказалъ, что ему по дорогѣ, и пошелъ рядомъ съ ними.

«Что будетъ, то будетъ...—думала Надежда Ѳедоровна.— Пусть...»

Ей казалось, что всѣ нехорошія воспоминанія вышли изъ ея головы и идутъ въ потемкахъ рядомъ съ ней и тя-

жело дышать, а она сама, какъ муха, понавпая въ чернила, ползеть черезъ силу по мостовой и пачкаетъ въ черное бокъ и руку Лаевского.—«Если Кирилинъ,—думала она:—сдѣлаетъ что-нибудь дурное, то въ этомъ будетъ виновать не онъ, а она одна. Вѣдь было время, когда ни одинъ мужчина не разговаривалъ съ нею такъ, какъ Кирилинъ, и сама она порвала это время, какъ нитку, и погубила его безвозвратно—кто же виновать въ этомъ? Одуманная своими желаніями, она стала улыбаться совершенно незнакомому человѣку только потому, вѣроятно, что онъ статенъ и высокъ ростомъ, въ два свиданія онъ наскучилъ ей, и она бросила его, и развѣ поэтому,—думала она теперь:—онъ не имѣетъ права поступить съ нею, какъ ему угодно?»

— Тутъ, голубка, я съ тобой прошусь,—сказалъ Лаевскій, останавливаясь.—Тебя проводитъ Илья Михайлычъ.

Онъ поклонился Кирилину и быстро пошелъ поперекъ бульвара, прошелъ черезъ улицу къ дому Шенковского, гдѣ свѣтились окна, и слышно было затѣмъ, какъ онъ стукнулъ калиткой.

— Позвольте мнѣ объяснить съ вами,—началъ Кирилинъ.—Я не мальчишка, не какой-нибудь Ачкасовъ или Лачкасовъ, Зачкасовъ... Я требую серьезнаго вниманія!

У Надежды Ѳедоровны сильно забилося сердце. Она ничего не отвѣтила.

— Вашу рѣзкую переѣмну въ обращеніи со мной я объяснялъ сначала кокетствомъ,—продолжалъ Кирилинъ:—теперь же вижу, что вы просто не умѣете обращаться съ порядочными людьми. Вамъ просто хотѣлось поиграть мной, какъ съ этимъ мальчишкой армяниномъ, но я порядочный человѣкъ, и требую, чтобы со мной поступали, какъ съ порядочнымъ человѣкомъ. Итакъ, я къ вашимъ услугамъ...

— У меня тоска... — сказала Надежда Ѳедоровна и заплакала и, чтобы скрыть слезы, отвернулась.

— У меня тоже тоска, но что же изъ этого слѣдуетъ?

Кирилинъ помолчалъ немного и сказалъ отчетливо, съ разстановкой:

— Я повторяю, сударыня, что если вы не дадите мнѣ сегодня свиданія, то сегодня же я сдѣлаю скандалъ.

— Отпустите меня сегодня,—сказала Надежда Ѳедоровна и не узнала своего голоса, до такой степени онъ былъ жалобенъ и тонокъ.

— Я долженъ проучить васъ... Извините за грубый тонъ, но мнѣ необходимо проучить васъ. Да-съ, къ сожалѣнію, я долженъ проучить васъ. Я требую два свиданія: сегодня и завтра. Послѣзавтра вы совершенно свободны и можете идти на всѣ четыре стороны съ кѣмъ вамъ угодно. Сегодня и завтра.

Надежда Ѳедоровна подошла къ своей калиткѣ и остановилась.

— Отпустите меня!—шептала она, дрожа всѣмъ тѣломъ и не видя передъ собою въ потемкахъ ничего, кромѣ бѣлаго кителя.—Вы правы, я ужасная женщина... я виновата, но отпустите... Я васъ прошу... — она дотронулась до его холодной руки и вздрогнула.—Я васъ умоляю...

— Увы!—вздыхнулъ Кирилинъ. — Увы! Не въ моихъ планахъ отпустить васъ, я только хочу проучить васъ, дать понять, и къ тому же, мадамъ, я слишкомъ мало вѣрю женщинамъ.

— У меня тоска...

Надежда Ѳедоровна прислушалась къ ровному шуму моря, поглядѣла на небо, усыпанное звѣздами, и ей захотѣлось скорѣе покончить все и отдѣлаться отъ проклятаго ощущенія жизни съ ея моремъ, звѣздами, мужчинами, лихорадкой...

— Только не у меня дома...—сказала она холодно.— Уведите меня куда-нибудь.

— Пойдемте къ Мюридову. Самое лучшее.

— Гдѣ это?

— Около стараго вала.

Она быстро пошла по улицѣ и потомъ повернула въ переулокъ, который велъ къ горамъ. Было темно. Кое-гдѣ на мостовой лежали блѣдныя свѣтловыя полосы отъ освѣщенныхъ оконъ, и ей казалось, что она, какъ муха, то попадаетъ въ чернила, то опять выползаетъ изъ нихъ на свѣтъ. Кирилинъ шелъ за нею. На одномъ мѣстѣ онъ споткнулся, едва не упалъ и засмѣялся.

«Онъ пьянъ... — подумала Надежда Ѳедоровна. — Все равно... все равно... Пусть».

Ачміановъ тоже скоро простился съ компаніей и пошелъ вслѣдъ за Надеждой Ѳедоровной, чтобы пригласить ее покататься на лодкѣ. Онъ подошелъ къ ея дому и посмотрѣлъ черезъ палисадникъ: окна были открыты настежь, огня не было.

— Надежда Федоровна!—позвалъ онъ.

Прошла минута. Онъ опять позвалъ.

— Кто тамъ?—послышался голосъ Ольги.

— Надежда Федоровна дома?

— Нѣту. Еще не приходила.

«Странно... Очень странно,—подумалъ Ачміановъ, начиная чувствовать сильное безпокойство. — Она пошла домой...»

Онъ прошелся по бульвару, потомъ по улицѣ и заглянулъ въ окна къ Шенниковскому. Лаевскій безъ сюртука сидѣлъ у стола и внимательно смотрѣлъ въ карты.

— Странно, странно...—пробормоталъ Ачміановъ, и при воспоминаніи объ истерикѣ, которая была съ Лаевскимъ, ему стало стыдно.—Если она не дома, то гдѣ же?

Онъ опять пошелъ къ квартирѣ Надежды Федоровны и посмотрѣлъ на темныя окна.

«Это обманъ, обманъ...» — думалъ онъ, вспоминая, что она же сама, встрѣтясь съ нимъ сегодня въ полдень у Витюговыхъ, обѣщала вмѣстѣ кататься вечеромъ на лодкѣ.

Окна въ томъ домѣ, гдѣ жилъ Кирилій, были темны, и у воротъ на лавочкѣ сидѣлъ городской и спалъ. Ачміанову, когда онъ посмотрѣлъ на окна и на городского, стало все ясно. Онъ рѣшилъ идти домой и пошелъ, но очутился опять около квартиры Надежды Федоровны. Тутъ онъ сѣлъ на лавочку и снялъ шляпу, чувствуя, что его голова горитъ отъ ревности и обиды.

Въ городской церкви блин часы только два раза въ сутки: въ полдень и въ полночь. Вскорѣ послѣ того, какъ они пробили полночь, послышались торопливые шаги.

— Значитъ, завтра вечеромъ опять у Мюридова!—услышалъ Ачміановъ и узналъ голосъ Кириліина.—Въ восемь часовъ. До свиданья-съ!

Около палисадника показалась Надежда Федоровна. Не замѣчая, что на лавочкѣ сидитъ Ачміановъ, она прошла тѣнью мимо него, отворила калитку и, оставивъ ее отпертою, вошла въ домъ. У себя въ комнатѣ она зажгла свѣчу, быстро раздѣлась, но не легла въ постель, а опустилась передъ стуломъ на колѣни, обняла его и принала къ нему лбомъ.

Лаевскій вернулся домой въ третьемъ часу.

XV.

Рѣшивъ лгать не сразу, а по частямъ, Лаевскій на другой день, во второмъ часу, пошелъ къ Самойленку попросить денегъ, чтобы уѣхать непременно въ субботу. Послѣ вчерашней истерики, которая къ тяжелому состоянію его души прибавила еще острое чувство стыда, оставаться въ городѣ было не мыслимо. Если Самойленко будетъ настаивать на своихъ условіяхъ, думалъ онъ, то можно будетъ согласиться на нихъ и взять деньги, а завтра, въ самый часъ отъѣзда, сказать, что Надежда Ѳедоровна отказалась ѣхать; съ вечера ее можно будетъ уговорить, что все это дѣлается для ея же пользы. Если же Самойленко, находящійся подъ очевиднымъ вліяніемъ фонъ-Корена, совершенно откажетъ въ деньгахъ, или предложитъ какія-нибудь новыя условія, то онъ, Лаевскій, сегодня же уѣдетъ на грузовомъ пароходѣ, или даже на парусникѣ въ Новый Афонъ, или Новороссійскъ, пошлетъ оттуда матери унизительную телеграмму и будетъ жить тамъ до тѣхъ поръ, пока мать не выплететъ ему на дорогу.

Придя къ Самойленку, онъ засталъ въ гостинной фонъ-Корена. Зоологъ только-что пришелъ обѣдать и, по обыкновенію, раскрывъ альбомъ, разсматривалъ мужичицъ въ цилиндрѣхъ и дамъ въ чепцахъ.

«Какъ нестати,—подумалъ Лаевскій, увидѣвъ его.—Онъ можетъ помѣшанъ».—Здравствуйте!

— Здравствуйте,—отвѣтилъ фонъ-Коренъ, не глядя на него.

— Александръ Давидычъ дома?

— Да. Въ кухнѣ.

Лаевскій пошелъ въ кухню, но, увидѣвъ въ дверь, что Самойленко занятъ салатомъ, вернулся въ гостиную и сѣлъ. Въ присутствіи зоолога онъ всегда чувствовалъ неловкость, а теперь боялся, что придется говорить объ истерикѣ. Прошло больше минуты въ молчаніи. Фонъ-Коренъ вдругъ поднялъ глаза на Лаевского и спросилъ:

— Какъ вы себя чувствуете послѣ вчерашняго?

— Превосходно, — отвѣтилъ Лаевскій, краснѣя. — Вь сущности, вѣдь ничего не было особеннаго...

— До вчерашняго дня я полагалъ, что истерика бываетъ только у дамъ, и потому думалъ сначала, что у васъ пляска святого Витта.

Лаевскій заискивающе улыбнулся и подумалъ:

«Какъ это неделикатно съ его стороны. Вѣдь онъ отлично знаетъ, что мнѣ тяжело»... — Да, смѣшная была исторія,—сказалъ онъ, продолжая улыбаться.—Я сегодня все утро смѣялся. Курьезно въ истерическомъ припадкѣ то, что знаешь, что онъ нелѣпъ, и смѣешься надъ нимъ въ душѣ и въ то же время рыдаешь. Въ нашъ нервный вѣкъ мы рабы своихъ нервовъ; они наши хозяева и дѣлаютъ съ нами, что хотятъ. Цивилизація въ этомъ отношеніи оказала намъ медвѣжью услугу...

Лаевскій говорилъ, и ему было неприятно, что фонъ-Корень серьезно и внимательно слушаетъ его и глядитъ на него внимательно, не мигая, точно изучаетъ; и досадно ему было на себя за то, что, несмотря на свою нелюбовь къ фонъ-Корену, онъ никакъ не могъ согнать со своего лица заискивающей улыбки.

— Хотя, надо сознаться,—продолжалъ онъ:—были ближайшія причины для припадка и довольно-таки основательныя. Въ послѣднее время мое здоровье сильно пошатнулось. Прибавьте къ этому скуку, постоянное безденежье... отсутствіе людей и общихъ интересовъ... Положеніе хуже губернаторскаго.

— Да, ваше положеніе безвыходно, — сказалъ фонъ-Корень.

Эти покойныя, холодныя слова, содержавшія въ себѣ не то насмѣшку, не то непрошенное пророчество, оскорбили Лаевского. Онъ вспомнилъ вчерашній взглядъ зоолога, полный насмѣшки и гадливости, помолчалъ немного и сирсилъ, уже не улыбаясь:

— А вамъ откуда извѣстно мое положеніе?

— Вы только-что говорили о немъ сами, да и ваши друзья принимаютъ въ васъ такое горячее участіе, что цѣлый день только и слышишь, что о васъ.

— Какіе друзья? Самойленко, что ли?

— Да, и онъ.

— Я попросилъ бы Александра Давидыча и вообще моихъ друзей поменьше обо мнѣ заботиться.

— Вотъ идетъ Самойленко, попросите его, чтобы онъ о васъ поменьше заботился.

— Я не понимаю вашего тона... — пробормоталъ Лаевскій; его охватило такое чувство, какъ будто онъ сейчасъ

только понялъ, что зоолог ненавидитъ его, презираетъ и издѣвается надъ нимъ и что зоологъ самый злѣйшій и непримиримый врагъ его.—Приберегите этотъ тонъ для кого-нибудь другого.—сказалъ онъ тихо, не имѣя силъ говорить громко отъ ненависти, которая уже тѣснила ему грудь и шею, какъ вчера желаніе смѣяться.

Вошелъ Самойленко безъ сюртука, потный и багровый отъ кухонной духоты.

— А, ты здѣсь?—сказалъ онъ.—Здравствуй, голубчикъ. Ты обѣдалъ? Не церемонься, говори: обѣдалъ?

— Александръ Давидычъ,—сказалъ Лаевскій, вставая:—если я обращался къ тебѣ съ какой-нибудь интимной просьбой, то это не значило, что я освобождалъ тебя отъ обязанности быть скромнымъ и уважать чужія тайны.

— Что такое?—удивился Самойленко.

— Если у тебя нѣтъ денегъ,—продолжалъ Лаевскій, возвышая голосъ и отъ волненія переминаясь съ ноги на ногу:—то не давай, откажи, но зачѣмъ благовѣстить въ каждомъ переулкѣ о томъ, что мое положеніе безвыходно и прочее? Этихъ благодѣяній и дружескихъ услугъ, когда дѣлаютъ на копейку, а говорятъ на рубль, я терпѣть не могу! Можешь хвастать своими благодѣяніями, сколько тебѣ угодно, но никто не давалъ тебѣ права разоблачать мои тайны!

— Какія тайны?—спросилъ Самойленко, недоумѣвая и начиная сердиться.—Если ты пришелъ ругаться, то уходи. Послѣ придеши!

Онъ вспомнилъ правило, что когда гнѣваешься на ближняго, то вачни мысленно считать до ста и успокойсь; и онъ началъ быстро считать.

— Прошу васъ обо мнѣ не заботиться!—продолжалъ Лаевскій.—Не обращайтесь на меня вниманія. И кому какое дѣло до меня и до того, какъ я живу? Да, я хочу уѣхать! Да, я дѣлаю долги, пью, живу съ чужой женой, у меня истерика, я пошлъ, не такъ глубокомысленъ, какъ нѣкоторые, но кому какое дѣло до этого? Уважайте личности!

— Ты, братецъ, извини,—сказалъ Самойленко, сосчитавъ до тридцати пяти:—но...

— Уважайте личность!—перебилъ его Лаевскій.—Эти постоянные разговоры на чужой счетъ, охи да ахи, постоянныя выслѣживанія, подслушванія, эти сочувствія дру-

жескія... къ чорту! Миѣ дають деньги взаймы и предлагают условія, какъ мальчишкѣ! Меня третируютъ, какъ чортъ знаетъ что! Ничего я не желаю! — крикнулъ Лаевскій, шатаясь отъ волненія и боясь, какъ бы съ нимъ опять не приключилась истерика. — «Значить, въ субботу я не уѣду», мелькнуло у него въ мысляхъ. — Ничего я не желаю! Только прошу, пожалуйста, избавить меня отъ опеки. Я не мальчишка и не сумасшедшій и прошу снять съ меня этотъ надзоръ!

Вошелъ дьяконъ и, увидѣвъ Лаевского, блѣднаго, размахивающаго руками и обращающагося со своею странною рѣчью къ портрету князя Воронцова, остановился около двери, какъ вкопанный.

— Постоянныя заглядыванія въ мою душу, — продолжалъ Лаевскій:—оскорбляютъ во миѣ человѣческое достоинство, и я прошу добровольныхъ сыщиковъ прекратить свое шпіонство! Довольно!

— Что ты... что вы сказали? — спросилъ Самойленко, сосчитавъ до ста, багровѣя и подходя къ Лаевскому.

— Довольно! — повторилъ Лаевскій, задыхаясь и беря фуражку.

— Я русскій врачъ, дворянинъ и статскій совѣтникъ!—сказалъ съ разстановкой Самойленко. — Шпіономъ я никогда не былъ и никому не позволю себя оскорблять! — крикнулъ онъ дребезжащимъ голосомъ, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.—Замолчать!

Дьяконъ, никогда не видавшій доктора такимъ величественнымъ, надутымъ, багровымъ и страшнымъ, зажалъ ротъ, выбѣжалъ въ переднюю и покатился тамъ со смѣху. Словно въ туманѣ, Лаевскій видѣлъ, какъ фонъ-Коренъ всталъ и, заложивъ руки въ карманы панталонъ, остановился въ такой позѣ, какъ будто ждалъ, что будетъ дальше; эта покойная поза показалась Лаевскому въ высшей степени дерзкой и оскорбительной.

— Извольте взять ваши слова назадъ! — крикнулъ Самойленко.

Лаевскій, уже не помнившій, какія онъ слова говорилъ, отвѣчалъ:

— Оставьте меня въ покоѣ! Я ничего не хочу! Я хочу только, чтобы вы и нѣмецкіе выходцы изъ жидовъ оставили меня въ покоѣ! Иначе я приму мѣры! Я драться буду!

— Теперь понятно,—сказалъ фонъ-Корень, выходя изъ за стола.—Г. Лаевскому хочется передъ отъѣздомъ поразвлечься дуэлью. Я могу доставить ему это удовольствіе. Г. Лаевскій, я принимаю вашу вызовъ.

— Вызовъ? — проговорилъ тихо Лаевскій, подходя къ зоологу и глядя съ ненавистью на его смуглый лобъ и курчавые волосы. — Вызовъ? Извольте! Я ненавижу васъ! Ненавижу!

— Очень радъ. Завтра утромъ пораньше около Кербала, со всѣми подробностями въ вашемъ вкусѣ. А теперь уберите.

— Ненавижу! — говорилъ Лаевскій тихо, тяжело дыша. — Давно ненавижу! Дуэль! Да!

— Убери его, Александръ Давидычъ, а то я уйду, — сказалъ фонъ-Корень. — Онъ меня укуситъ.

Покойный тонъ фонъ-Корена охладилъ доктора; онъ какъ-то вдругъ пришелъ въ себя, образумился, взялъ обѣими руками Лаевского за талию и, отводя его отъ зоолога, забормоталъ ласковымъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Друзья мои... хорошие, добрые... Погорячились и забудеть... и забудеть... Друзья мои...

Услышавъ мягкій, дружескій голосъ, Лаевскій почувствовалъ, что въ его жизни только-что произошло что-то небывалое, чудовищное, какъ будто его чуть было не раздавилъ козѣдъ; онъ едва не заплакалъ, махнулъ рукой и выбѣжалъ изъ комнаты.

«Испытать на себѣ чужую ненависть, выказать себя передъ ненавидящимъ человѣкомъ въ самомъ жалкомъ, презрѣнномъ, безпомощномъ видѣ, — Боже мой, какъ это тяжело! — думалъ онъ, немного погодя, сидя въ павильонѣ и чувствуя точно ржавчину на тѣлѣ отъ только-что испытанной чужой ненависти. — Какъ это грубо, Боже мой!»

Холодная вода съ коньякомъ подбодрила его. Онъ съ ясностью представилъ себѣ покойное, надменное лицо фонъ-Корена, его вчерашній взглядъ, рубаху, похожую на коверъ, голосъ, бѣлые руки, и тяжелая ненависть, страстная, голодная заворочалась въ его груди и потребовала удовлетворенія. Въ мысляхъ онъ повалилъ фонъ-Корена на землю и сталъ топтать его ногами. Онъ вспоминалъ въ мельчайшихъ подробностяхъ все происшедшее и удивлялся, какъ

это онъ могъ заискивающе улыбаться ничтожному человѣку и вообще дорожить мнѣніемъ мелкихъ, никому неизвѣстныхъ людишекъ, живущихъ въ ничтожнѣйшемъ городѣ, котораго, кажется, нѣтъ даже на картѣ и о которомъ въ Петербургѣ не знаетъ ни одинъ порядочный человѣкъ. Если бы этотъ городишко вдругъ провалился, или сгорѣлъ, то телеграмму объ этомъ прочли бы въ Россіи съ такою же скукой, какъ объявленіе о продажѣ подержанной мебели. Убить завтра фонъ-Корена, или оставить его въ живыхъ— это все равно, одинаково бесполезно и неинтересно. Выстрѣлить въ ногу, или въ руку, ранить, потомъ посмѣяться надъ нимъ, и какъ насѣкомое съ оторванной ножкой теряется въ травѣ, такъ пусть онъ со своимъ глухимъ страданіемъ затеряется послѣ въ толпѣ такихъ же ничтожныхъ людей, какъ онъ самъ.

Лаевскій пошелъ къ Шенковскому, рассказалъ ему обо всемъ и пригласилъ его въ секунданты; потомъ оба они отправились къ начальнику почтово-телеграфной конторы, пригласили и его въ секунданты и остались у него обѣдать. За обѣдомъ много шутили и смѣялись. Лаевскій подтрунивалъ надъ тѣмъ, что онъ почти совсѣмъ не умѣетъ стрѣлять, и называлъ себя королевскимъ стрѣлкомъ и Вильгельмомъ Телемъ.

— Надо этого господина проучить...— говорилъ онъ.

Послѣ обѣда сѣли играть въ карты. Лаевскій игралъ, пилъ вино и думалъ, что дуэль вообще глупа и безтолкова, такъ какъ она не рѣшаетъ вопроса, а только осложняетъ его, но что безъ нея иногда нельзя обойтись. Напримѣръ, въ данномъ случаѣ: вѣдь не поданъ же на фонъ-Корена мировому! И предстоящая дуэль еще тѣмъ хороша, что послѣ нея ему ужъ нельзя будетъ оставаться въ городѣ. Онъ слегка опьянѣлъ, развлекся картами и чувствовалъ себя хорошо.

Но когда зашло солнце и стало темно, имъ овладѣло безпокойство. Это былъ не страхъ передъ смертью, потому что въ немъ, пока онъ обѣдалъ и игралъ въ карты, сидѣла почему-то увѣренность, что дуэль кончится ничѣмъ; это былъ страхъ передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ, что должно случиться завтра утромъ первый разъ въ его жизни, и страхъ передъ наступающею ночью... Онъ зналъ, что ночь будетъ длинная, безсонная и что придется думать не объ

одномъ только фонъ-Коренѣ и его ненависти, но и о той горѣ лжи, которую ему предстояло пройти, и обойти которую у него не было силъ и умѣнья. Похоже было на то, какъ будто онъ заболѣлъ внезапно; онъ потерялъ вдругъ всякій интересъ къ картамъ и людямъ, засуетился и сталъ просить, чтобы его отпустили домой. Ему хотѣлось поскорѣе лечь въ постель, не двигаться и приготовить свои мысли къ ночи. Шешковскій и почтовый чиновникъ проводили его и отправились къ фонъ-Корену, чтобы поговорить насчетъ дуэли.

Около своей квартиры Лаевскій встрѣтилъ Ачміанова. Молодой человекъ запыхался и былъ возбужденъ.

— А я васъ ищу, Иванъ Андренчъ! — сказалъ онъ. — Прощу васъ, пойдите скорѣе...

— Куда?

— Васъ желаетъ видѣть одинъ незнакомый вамъ господинъ, который имѣетъ до васъ очень важное дѣло. Онъ убѣдительно проситъ васъ придти на минутку. Ему нужно о чемъ-то поговорить съ вами... Для него это все равно, какъ жизнь и смерть...

Волнуясь, Ачміановъ проговорилъ это съ сильнымъ армянскимъ акцентомъ, такъ что у него вышло не «жизнь», а «жизень».

— Кто онъ такой?—спросилъ Лаевскій.

— Онъ просилъ не говорить его имени.

— Скажите ему, что я занятъ. Завтра если угодно...

— Какъ можно! — испугался Ачміановъ. — Онъ хочетъ сказать вамъ такое очень важное для васъ... очень важное! Если не пойдете, то случится несчастье.

— Странно...— пробормоталъ Лаевскій, не понимая, почему Ачміановъ такъ возбужденъ и какія это тайны могутъ быть въ скучномъ, никому не нужномъ городишкѣ. — Странно,—повторилъ онъ въ раздумьи.— Впрочемъ пойдете. Все равно.

Ачміановъ быстро пошелъ впередъ, а онъ за нимъ. Прошли по улицѣ, потомъ переулкомъ.

— Какъ это скучно,—сказалъ Лаевскій.

— Сейчасъ, сейчасъ... Близко.

Около стараго вала они прошли узкимъ переулкомъ между двумя огороженными пустырями, затѣмъ вошли въ какой-то большой дворъ и направились къ небольшому домику...

— Это домъ Мюридова, что ли?—спросилъ Лаевскій.

— Да.

— Но зачѣмъ мы идемъ задворками, не понимаю? Могли бы и улицей. Тамъ ближе...

— Ничего, ничего...

Лаевскому показалось также страннымъ, что Ачміановъ повелъ его къ черному ходу и замахалъ ему рукой, какъ бы приглашая его идти потише и молчать.

— Сюда, сюда...—сказалъ Ачміановъ, осторожно отворяя дверь и входя въ сѣни на цыпочкахъ.—Тише, тише, прошу васъ... Могутъ услышать.

Онъ прислушался, тяжело перевелъ духъ и сказалъ шопотомъ:

— Отворите вотъ эту дверь и войдите... Не бойтесь.

Лаевскій, недоумѣвая, отворилъ дверь и вошелъ въ комнату съ низкимъ потолкомъ и занавѣшанными окнами. На столѣ стояла свѣча.

— Кого нужно? — спросилъ кто-то въ сосѣдней комнатѣ.—Ты, Мюридка?

Лаевскій повернулъ въ эту комнату и увидѣлъ Кириллина, а рядомъ съ нимъ Надежду Федоровну.

Онъ не слышалъ, что ему сказали, понялся назадъ и не замѣтилъ, какъ очутился на улицѣ. Ненависть къ фонъ-Корену и безпокойство — все исчезло изъ души. Идя домой, онъ неловко размахивалъ правой рукой и внимательно смотрѣлъ себѣ подъ ноги, стараясь идти по гладкому. Дома, въ кабинетѣ, онъ, потирая руки и угловато поводя плечами и шеей, какъ будто ему было тѣсно въ пиджакѣ и сорочкѣ, прошелся изъ угла въ уголъ, потомъ зажегъ свѣчу и сѣлъ за столъ...

XVI.

— Гуманитарныя науки, о которыхъ вы говорите, тогда только будутъ удовлетворять человѣческую мысль, когда въ движеніи своемъ онѣ встрѣтятся съ точными науками и пойдутъ съ ними рядомъ. Встрѣтятся ли онѣ подъ микроскопомъ, или въ монологахъ новаго Гамлета, или въ новой религіи, я не знаю, но думаю, что земля покроется ледяной корою раньше, чѣмъ это случится. Самое стойкое и живучее изъ всѣхъ гуманитарныхъ знаній, это, конечно, ученіе Христа, но, посмотрите, какъ даже оно различно по-

нимается! Одни учатъ, чтобы мы любили всѣхъ ближнихъ, и дѣлаютъ при этомъ исключеніе для солдатъ, преступниковъ и безумныхъ: первыхъ они разрѣшаютъ убивать на войнѣ, вторыхъ изолировать, или казнить, а третьимъ за-прещаютъ вступленіе въ бракъ. Другіе толкователи учатъ любить всѣхъ ближнихъ безъ исключенія, не различая плюсовъ и минусовъ. По ихъ ученію, если къ вамъ приходитъ бугорчатный, или убійца, или эпилептикъ и сватаетъ вашу дочь—отдавайте; если кретины идутъ войной на физически и умственно здоровыхъ—подставляйте головы. Эта проповѣдь любви ради любви, какъ искусства для искусства, если бы могла имѣть силу, въ концѣ концовъ, привела бы чело-вѣчество къ полному вымиранію и такимъ образомъ со-вершилось бы грандіознѣйшее изъ злодѣйствъ, какія когда-либо бывали на землѣ. Толкованій очень много, а если ихъ много, то серьезная мысль не удовлетворяется ни однимъ изъ нихъ и къ массѣ всѣхъ толкованій снѣшнѣе прибавить свое собственное. Поэтому никогда не ставьте вопроса, какъ вы говорите, на философскую, или такъ-называемую христіанскую почву; этимъ вы только отдаляетесь отъ рѣшенія вопроса.

Дьяконъ внимательно выслушалъ зоолога, подумалъ и спросилъ:

— Нравственный законъ, который свойствененъ каждому изъ людей, философы выдумали, или же его Богъ создалъ вмѣстѣ съ тѣломъ?

— Не знаю. Но этотъ законъ до такой степени общъ для всѣхъ народовъ и эпохъ, что, мнѣ кажется, его слѣдуетъ признать органически связаннымъ съ чело-вѣкомъ. Онъ не выдуманъ, а есть и будетъ. Я не скажу вамъ, что его увидать когда-нибудь подъ микроскопомъ, но органи-ческая связь его уже доказывается очевидностью: серьезное страданіе мозга и всѣ такъ-называемыя душевныя болѣзни выражаются прежде всего въ извращеніи нравственнаго закона, насколько мнѣ извѣстно.

— Хорошо-съ. Значитъ, какъ желудокъ хочетъ ѣсть, такъ нравственное чувство хочетъ, чтобы мы любили своихъ ближнихъ. Такъ? Но естественная природа наша по себя-любію противится голосу совѣсти и разума, и потому воз-никаетъ много головоломныхъ вопросовъ. Къ кому же мы должны обращаться за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, если вы не велите ставить ихъ на философскую почву?

— Обратитесь къ тѣмъ немногимъ точнымъ знаніямъ, какія у насъ есть. Довѣрьтесь очевидности и логикѣ фактовъ. Правда, это скудно, но зато не такъ зыбоко и расплывчато, какъ философія. Нравственный законъ, положимъ, требуетъ, чтобы вы любили людей. Что жъ? Любовь должна заключаться въ устраненіи всего того, что такъ или иначе вредитъ людямъ и угрожаетъ имъ опасностью въ настоящемъ и будущемъ. Наши знанія и очевидность говорятъ вамъ, что человѣчеству грозитъ опасность со стороны нравственно и физически ненормальныхъ. Если такъ, то боритесь съ ненормальными. Если вы не въ силахъ возвысить ихъ до нормы, то у васъ хватитъ силы и умѣнья обезвредить ихъ, то-есть уничтожить.

— Значить, любовь въ томъ, чтобы сильный побѣждалъ слабого?

— Несомнѣнно.

— Но вѣдь сильные распяли Господа нашего Иисуса Христа!—сказалъ горячо дьяконъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что распяли его не сильные, а слабые. Человѣческая культура ослабила и стремится свести къ нулю борьбу за существованіе и подборъ; отсюда быстрое размноженіе слабыхъ и преобладаніе ихъ надъ сильными. Вообразите, что вамъ удалось внушить пчеламъ гуманныя идеи въ ихъ неразработанной, рудиментарной формѣ. Что произойдетъ отъ этого? Трутни, которыхъ нужно убивать, останутся въ живыхъ, будутъ сѣдять медъ, развращать и душиить пчелъ—въ результатѣ преобладаніе слабыхъ надъ сильными и вырожденіе послѣднихъ. То же самое происходитъ теперь и съ человѣчествомъ: слабые гнетутъ сильныхъ. У дикарей, которыхъ еще не коснулась культура, самый сильный мудрый и самый нравственный идетъ впереди; онъ вождь и владыка. А мы, культурные, распяли Христа и продолжаемъ его распинать. Значить, у насъ чего-то недостаетъ... И это «что-то» мы должны возстановить у себя, иначе конца не будетъ этимъ недоразумѣніямъ.

— Но какой у васъ есть критеріумъ для различенія сильныхъ и слабыхъ?

— Знаніе и очевидность. Бугорчатныхъ и золотушныхъ узнаютъ по ихъ болѣзнямъ, а безнравственныхъ и сумасшедшихъ по поступкамъ.

— Но вѣдь возможны ошибки!

— Да, но нечего бояться промочить ноги, когда угрожаетъ потопъ.

— Это философія,—засмѣялся дьяконъ.

— Нисколько. Вы до такой степени испорчены вашей семинарской философіей, что во всемъ хотите видѣть одинъ только туманъ. Отвлеченныя науки, которыми набита ваша молодая голова, потому и называются отвлеченными, что онѣ отвлекаютъ вашу умъ отъ очевидности. Смотрите въ глаза чорту прямо, и если онъ чортъ, то и говорите, что это чортъ, а не лѣзьте къ Канту или къ Гегелю за объясненіями.

Зоологъ помолчалъ и продолжалъ:

— Дважды два есть четыре, а камень есть камень. Завтра вотъ у насъ дуэль. Мы съ вами будемъ говорить, что это глупо и нелѣпо, что дуэль уже отжила свой вѣкъ, что аристократическая дуэль ничѣмъ по существу не отличается отъ пьяной драки въ кабацѣ, а все-таки мы не остановимся, поѣдемъ и будемъ драться. Есть, значить, сила, которая сильнѣе нашихъ разсужденій. Мы кричимъ, что война—это разбой, варварство, ужасъ, братоубійство, мы безъ обморока не можемъ видѣть крови; но стѣнитъ только французамъ или нѣмцамъ оскорбить насъ, какъ мы тотчасъ же почувствуемъ подъемъ духа, самымъ искреннимъ образомъ закричимъ ура и бросимся на врага, вы будете призывать на наше оружіе благословеніе Божіе, и наша доблесть будетъ вызывать всеобщій и притомъ искренній восторгъ. Опять-таки, значить, есть сила, которая если не выше, то сильнѣе насъ и нашей философіи. Мы не можемъ остановить ея такъ же, какъ вотъ этой тучи, которая подвигается изъ-за моря. Не лицемѣрьте же, не показывайте ей кукиша въ карманѣ и не говорите: «ахъ, глупо! ахъ, устарѣло! ахъ, не согласно съ писаніемъ!» а глядите ей прямо въ глаза, признавайте ея разумную законность, и когда она, напримѣръ, хочетъ уничтожить хилое, золотушное, развращенное племя, то не мѣшайте ей вашими пилюлями и цитатами изъ дурно понятаго Евангелія. У Лѣскова есть совѣстливый Данила, который нашелъ за городомъ прокаженнаго и кормить, и грѣбеть его во имя любви и Христа. Если бы этотъ Данила въ самомъ дѣлѣ любилъ людей, то онъ оттащилъ бы прокаженнаго подальше отъ города и бросилъ его въ ровъ, а

самъ пошелъ бы служить здоровымъ. Христось, надѣюсь, заповѣдалъ намъ любовь разумную, осмысленную и полезную.

— Экой вы какой!—засмѣялся дьяконъ.—Въ Христа же вы не вѣруете, зачѣмъ же вы Его такъ часто упоминаете?

— Нѣтъ, вѣрую. Но только, конечно, по-своему, а не по-вашему. Ахъ, дьяконъ, дьяконъ!—засмѣялся зоологъ; онъ взялъ дьякона за талию и сказалъ весело:—Ну, что жъ? Поѣдемъ завтра на дуэль?

— Санъ не позволяетъ, а то бы поѣхалъ.

— А что значить—санъ?

— Я посвященный. На мнѣ благодать.

— Ахъ, дьяконъ, дьяконъ, — повторилъ фонъ-Корень, смѣясь.—Люблю я съ вами разговаривать.

— Вы говорите—у васъ вѣра,—сказалъ дьяконъ.—Какая это вѣра? А вотъ у меня есть дядька попъ, такъ тотъ такъ вѣритъ, что когда въ засуху идетъ въ поле дожда просить, то беретъ съ собою дождевой зонтикъ и кожаное пальто, чтобы его на обратномъ пути дождикъ не промочилъ. Вотъ это вѣра! Когда онъ говоритъ о Христѣ, такъ отъ него сіяніе идетъ и всѣ бабы и мужики навзрыдъ плачутъ. Онъ бы и тучу эту остановилъ и всякую бы вашу силу обратилъ въ бѣгство. Да... Вѣра горами двигаетъ.

Дьяконъ засмѣялся и похлопалъ зоолога по плечу.

— Такъ-то... — продолжалъ онъ. — Вотъ вы все учите, постигаете пучину моря, разбираете слабыхъ да сильныхъ, книжки пишете и на дуэли вызываете—и все остается на своемъ мѣстѣ, а глядите, какой-нибудь слабенькій старецъ святымъ духомъ проленечетъ одно только слово, или изъ Аравіи прискачетъ на конѣ новый Магометъ съ шашкой, и полетитъ у васъ все вверхъ тарамашкой, и въ Европѣ камня на камнѣ не останется.

— Ну, это, дьяконъ, на небѣ вилами писано!

— Вѣра безъ дѣлъ мертва есть, а дѣла безъ вѣры—еще хуже, одна только трата времени и больше ничего.

На набережной показался докторъ. Онъ увидѣлъ дьякона и зоолога и подошелъ къ нимъ.

— Кажется, все готово,—сказалъ онъ, запыхавшись. — Секундантами будутъ Говоровскій и Бойко. Заѣдутъ утромъ въ пять часовъ. Наворотило-то какъ! — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на небо. — Ничего не видать. Сейчасъ дождикъ будетъ.

— Ты, надѣюсь, поѣдешь съ нами? — спросилъ фонтъ-Корентъ.

— Нѣтъ, Боже меня сохрани, я и такъ замучился. Вмѣсто меня Устимовичъ поѣдетъ. Я уже говорилъ съ нимъ.

Далеко надъ моремъ блеснула молнія и слышались глухіе раскаты грома.

— Какъ душно передъ грозой! — сказалъ фонтъ-Корентъ. — Бьюсь объ закладъ, что ты уже былъ у Лаевского и плакалъ у него на груди.

— Зачѣмъ я къ нему пойду? — отвѣтилъ докторъ, смутившись. — Вотъ еще!

До захода солнца онъ нѣсколько разъ прошелся по бульвару и по улицѣ, въ надеждѣ встрѣтиться съ Лаевскимъ. Ему было стыдно за свою вспышку и за внезапный порывъ доброты, который послѣдовалъ за этой вспышкой. Онъ хотѣлъ извиниться передъ Лаевскимъ въ шуточномъ тонѣ, пожурить его, успокоить и сказать ему, что дуэль — остатки средневѣкового варварства, но что само Провидѣніе указало имъ на дуэль, какъ на средство примиренія: завтра оба они, прекраснѣйшіе, величайшаго ума люди, обмѣнявшись выстрѣлами, оцѣнятъ благородство другъ друга и сдѣлаются друзьями. Но Лаевскій ни разу не встрѣтился.

— Зачѣмъ я къ нему пойду? — повторилъ Самоѣленко. — Не я его оскорбилъ, а онъ меня. Скажи на милость, за что онъ на меня набросился? Что я ему дурного сдѣлалъ? Вхожу въ гостиную и вдругъ, здорово живешь: шпіонъ! Вотъ те на! Ты скажи: съ чего у васъ началось? Что ты ему сказалъ?

— Я ему сказалъ, что его положеніе безвыходно. И я былъ правъ. Только честные и мошенники могутъ найти выходъ изъ всякаго положенія, а тотъ, кто хочетъ въ одно и то же время быть честнымъ и мошенникомъ, не имѣетъ выхода. Однако, господа, ужъ 11 часовъ, а завтра намъ рано вставать.

Внезапно налетѣлъ вѣтеръ; онъ поднялъ на набережной пыль, закружилъ ее вихремъ, заревѣлъ и заглушилъ шумъ моря.

— Шкваль! — сказалъ дьяконъ. — Надо идти, а то глаза заporошило.

Когда пошли, Самоѣленко вздохнулъ и сказалъ, придерживая фуражку:

— Должно-быть, я не буду нынче спать.

— А ты не волнуйся, — засмѣялся зоологъ. — Можешь быть покоенъ, дуэль ничѣмъ не кончится. Лаевскій великодушно въ воздухъ выстрѣлитъ, онъ иначе не можетъ, а я, должно-быть, и совѣмъ стрѣлять не буду. Попадать подъ судъ изъ-за Лаевского, терять время—не стоить игра свѣчъ. Кстати, какая отвѣтственность полагается за дуэль?

— Арестъ, а въ случаѣ смерти противника, заключеніе въ крѣпости до трехъ лѣтъ.

— Въ Петропавловской?

— Нѣтъ, въ военной, кажется.

— Хотя слѣдовало бы проучить этого молодца!

Позади на морѣ сверкнула молнія и на мгновеніе освѣтила крыши домовъ и горы. Около бульвара пріятели разошлись. Когда докторъ исчезъ въ потемкахъ и уже стихали его шаги, фонъ-Коренъ крикнулъ ему:

— Какъ бы погода не помѣняла намъ завтра!

— Чего добраго! А даль бы Богъ!

— Спокойной ночи!

— Что—ночь? Что ты говоришь?

За шумомъ вѣтра и моря и за раскатами грома трудно было слышать.

— Ничего!—крикнулъ зоологъ и послѣшилъ домой.

XVII.

... въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ.
И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я тремещу и проклипаю,
И горько жаждуясь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

Пушкинъ.

Убьютъ ли его завтра утромъ, или посмѣются надъ нимъ, то-есть оставятъ ему эту жизнь, онъ все равно погибъ. Убьетъ ли себя съ отчаянія и стыда эта опозоренная женщина, или будетъ влачить свое жалкое существованіе, она все равно погибла...

Такъ думалъ Лаевскій, сидя за столомъ поздно вечеромъ и все еще продолжая потирать руки. Окно вдругъ открылось и хлопнуло, въ комнату ворвался сильный вѣтеръ и бумаги полетѣли со стола. Лаевскій заперъ окно и нагнулся, чтобы собрать съ полу бумаги. Онъ чувствовалъ въ своемъ

тѣлъ что-то новое, какую-то неловкость, которой раньше не было, и не узнавалъ своихъ движеній; ходилъ онъ не смѣло, тыча въ стороны локтями и подергивая плечами, а когда сѣлъ за столъ, то опять сталъ потирать руки. Тѣло его потеряло гибкость.

Наканунѣ смерти надо писать къ близкимъ людямъ. Лаевскій помнилъ объ этомъ. Онъ взялъ перо и написалъ дрожащимъ почеркомъ:

«Матушка!»

Онъ хотѣлъ написать матери, чтобы она во имя милосерднаго Бога, въ Котораго она вѣруетъ, дала бы пріютъ и согрѣла лаской несчастную, обезчещенную имъ женщину, одинокую, нищую и слабую, чтобы она забыла и простила все, все, все и жертвою хотя отчасти искупила страшный грѣхъ сына; но онъ вспомнилъ, какъ его мать, полная, грузная старуха, въ кружевномъ чепцѣ, выходитъ утромъ изъ дома въ садъ, а за нею идетъ приживалка съ болонкой, какъ мать кричитъ повелительнымъ голосомъ на садовника и на прислугу, и какъ гордо, надменно ея лицо,—онъ вспоминалъ объ этомъ и зачеркнулъ написанное слово.

Во всѣхъ трехъ окнахъ ярко блеснула молнія, и вслѣдъ за этимъ раздался оглушительный, раскатистый ударъ грома, сначала глухой, а потомъ грохочущій и съ трескомъ, и такой сильный, что зазвенѣли въ окнахъ стекла. Лаевскій всталъ, подошелъ къ окну и припалъ лбомъ къ стеклу. На дворѣ была сильная, красивая гроза. На горизонтѣ молніи бѣлыми лентами непрерывно бросались изъ тучъ въ море и освѣщали на далекое пространство высокія черныя волны. И сирава, и слѣва, и, вѣроятно, также надъ домомъ сверкали молніи.

— Гроза!—прошепталъ Лаевскій; онъ чувствовалъ желаніе молиться кому-нибудь, или чему-нибудь, хотя бы молніи или тучамъ.—Милая гроза!

Онъ вспомнилъ, какъ въ дѣтствѣ во время грозы онъ съ непокрытой головой выбѣгалъ въ садъ, а за нимъ гнались двѣ бѣловолосыя дѣвочки съ голубыми глазами, и ихъ мочилъ дождь; онъ хохоталъ отъ восторга, но когда раздавался сильный ударъ грома, дѣвочки доврчиво прижимались къ мальчику, онъ крестился и сѣшилъ читать: «Святъ, святъ, святъ...» О, куда вы ушли, въ какомъ вы морѣ утонули, зачатки прекрасной чистой жизни? Грозы ужъ онъ

не боится и природы не любитъ, Бога у него нѣтъ, все довѣрчивыя дѣвочки, какихъ онъ зналъ когда-либо, уже сгублены имъ и его сверстниками, въ родномъ саду онъ за всю свою жизнь не посадилъ ни одного деревца и не выростилъ ни одной травки, а живя среди живыхъ, не спасъ ни одной мухи, а только разрушалъ, губилъ и лгалъ, лгалъ...

«Что въ моемъ прошломъ не порокъ?»—спрашивалъ онъ себя, стараясь уцѣпиться за какое-нибудь свѣтлое воспоминаніе, какъ падающій въ пропасть цѣпляется за кусты.

Гимназія? Университетъ? Но это обманъ. Онъ учился дурно и забылъ то, чему его учили. Служеніе обществу? Это тоже обманъ, потому что на службѣ онъ ничего не дѣлалъ, жалованье получалъ даромъ и служба его—это гнусное казнокрадство, за которое не отдають подъ судъ.

Истина не нужна была ему и онъ не искалъ ея, его совъѣсть, околдованная порокомъ и ложью, спала, или молчала; онъ, какъ чужой, или нанятый съ другой планеты, не участвовалъ въ общей жизни людей, былъ равнодушенъ къ ихъ страданіямъ, идеямъ, религіямъ, знаніямъ, исканіямъ, борьбѣ, онъ не сказалъ людямъ ни одного добраго слова, не написалъ ни одной полезной, не пошлой строчки, не сдѣлалъ людямъ ни на одинъ грошъ, а только ѣлъ ихъ хлѣбъ, пилъ ихъ вино, увозилъ ихъ женъ, жилъ ихъ мыслями и, чтобы оправдать свою презрѣнную, паразитную жизнь передъ ними и самимъ собой, всегда старался придавать себѣ такой видъ, какъ будто онъ выше и лучше ихъ. Ложь, ложь и ложь...

Онъ ясно вспомнилъ то, что видѣлъ вечеромъ въ домѣ Мюридова, и ему было невыносимо жутко отъ омерзѣнія и тоски. Кирилинъ и Ачмѣановъ отвратительны, но вѣдь они продолжали то, что онъ началъ; они его сообщники и ученики. У молодой, слабой женщины, которая довѣряла ему больше, чѣмъ брату, онъ отнялъ мужа, кругъ знакомыхъ и родину, и завезъ ее сюда—въ зной, въ лихорадку и въ скуку; изо дня въ день она, какъ зеркало, должна была отражать въ себѣ его праздность, порочность и ложь—и этимъ, только этимъ наполнялась ея жизнь, слабая, вялая, жалкая; потомъ онъ пресытился ею, возненавидѣлъ, но не хватило мужества бросить, и онъ старался все крѣпче опутать ее лганьемъ, какъ паутиной... Остальное додѣлали эти люди.

Лаевскій то садился у стола, то опять отходилъ къ окну; онъ то тушилъ свѣчу, то опять зажигалъ ее. Онъ вслухъ

проклиналъ себя, плакалъ, жаловался, просилъ прощенія; нѣсколько разъ въ отчаяніи подбѣгалъ онъ къ столу и писалъ:

«Матушка!»

Кромѣ матери, у него не было никого родныхъ и близкихъ; но какъ могла помочь ему мать? И гдѣ она? Онъ хотѣлъ бѣжать къ Надеждѣ Федоровнѣ, чтобы пасть къ ея ногамъ, цѣловать ея руки и ноги, умолять о прощеніи, но она была его жертвой и онъ боялся ея, точно она умерла.

— Погибла жизнь!—бормоталъ онъ, потирая руки.—Зачѣмъ же я еще живъ, Боже мой!..

Онъ столкнулъ съ неба свою тусклую звѣзду, она закатилась и слѣдъ ея смѣшался съ ночною тьмой; она уже не вернется на небо, потому что жизнь дается только одинъ разъ и не повторяется. Если бы можно было вернуть прошлые дни и годы, онъ ложь въ нихъ замѣнилъ бы правдой, праздность—трудомъ, скуку — радостью, онъ вернулъ бы чистоту тѣмъ, у кого взялъ ее, нашелъ бы Бога и справедливость, но это такъ же невозможно, какъ закатившуюся звѣзду вернуть опять на небо. И оттого, что это невозможно, онъ приходилъ въ отчаяніе.

Когда прошла гроза, онъ сидѣлъ у открытаго окна и покойно думалъ о томъ, что будетъ съ нимъ. Фонъ-Коренъ, вѣроятно, убьетъ его. Ясное, холодное міросозерцаніе этого человѣка допускаетъ уничтоженіе хилыхъ и негодныхъ; если же оно намѣнитъ въ рѣшительную минуту, то помогутъ ему ненависть и чувство гадливости, какія возбуждаетъ въ немъ Лаевскій. Если же онъ промахнется, или для того, чтобы посмѣяться надъ ненавистнымъ противникомъ, только ранитъ его, или выстрѣлитъ въ воздухъ, то что тогда дѣлать? Куда идти?

— Ъхать въ Петербургъ?—спрашивалъ себя Лаевскій.— Но это значило бы снова начать старую жизнь, которую я проклинаяю. И кто ищетъ спасенія въ переменѣ мѣста, какъ перелетная птица, тотъ ничего не найдетъ, такъ какъ для него земля вездѣ одинакова. Искать спасенія въ людяхъ? Въ комъ искать и какъ? Доброта и великодушіе Самойленка такъ же мало спасительны, какъ смѣшливость дьякона или ненависть фонъ-Корева. Спасенія надо искать только въ себѣ самомъ, а если не найдешь, то къ чему терять время, надо убить себя, вотъ и все...

Послышался шумъ экипажа. Уже свѣтало. Коляска про-

ѣхала мимо, повернула и, скрипя колесами по мокрому песку, остановилась около дома. Въ коляскѣ сидѣли двое.

— Погодите, я сейчасъ! — сказалъ имъ Лаевскій въ окно. — Я не сплю. Развѣ уже пора?

— Да. Четыре часа. Пока дождемъ...

Лаевскій надѣлъ пальто и фуражку, взялъ въ карманъ палирость и остановился въ раздумьи; ему казалось, что нужно было сдѣлать еще что-то. На улицѣ тихо разговаривали секунданты и фыркали лошади, и эти звуки въ раннее сырое утро, когда все спитъ и чуть брезжитъ небо, наполнили душу Лаевского уныніемъ, похожимъ на дурное предчувствіе. Онъ постоялъ немного въ раздумьи и пошелъ въ спальню.

Надежда Ѳедоровна лежала въ своей постели, вытянувшись, окутанная съ головою въ пледъ; она не двигалась и напоминала, особенно головою, египетскую мумію. Глядя на нее молча, Лаевскій мысленно попросилъ у нея прощенія и подумалъ, что если небо не пусто и въ самомъ дѣлѣ тамъ есть Богъ, то Онъ сохранитъ ее; если же Бога нѣтъ, то пусть она погибнетъ, жить ей не зачѣмъ.

Она вдругъ вскочила и сѣла въ постели. Поднявъ свое блѣдное лицо и глядя съ ужасомъ на Лаевского, она спросила:

— Это ты? Гроза прошла?

— Прошла.

Она вспомнила, положила обѣ руки на голову и вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Какъ мнѣ тяжело! — проговорила она. — Если бъ ты зналъ, какъ мнѣ тяжело! Я ждала, — продолжала она, жмурясь: — что ты убьешь меня, или прогонишь изъ дому подъ дождь и грозу, а ты медлишь... медлишь...

Онъ порывисто и крѣпко обнялъ ее, осыпалъ поцѣлуями ея колѣни и руки, потомъ, когда она что-то бормотала ему и вздрагивала отъ воспоминаній, онъ пригладилъ ея волосы и, всматриваясь ей въ лицо, понялъ, что эта несчастная, порочная женщина для него единственный близкій, родной и незамѣнимый человекъ.

Когда онъ, выйдя изъ дому, сѣлся въ коляску, ему хотѣлось вернуться домой живымъ.

XVIII.

Дьяконъ всталъ, одѣлся, взявъ свою толстую суковатую палку и тихо вышелъ изъ дому. Было темно, и дьяконъ въ первыя минуты, когда пошелъ по улицѣ, не видѣлъ даже своей бѣлой палки; на небѣ не было ни одной звѣзды, и походило на то, что опять будетъ дождь. Пахло мокрымъ пескомъ и моремъ.

«Пожалуй, не напали бы чеченцы»,—думалъ дьяконъ, слушая, какъ его палка стучала о мостовую и какъ звонко и одиноко раздавался въ ночной тишинѣ этотъ стукъ.

Выйдя за городъ, онъ сталъ видѣть и дорогу, и свою палку; на черномъ небѣ кое-гдѣ показались мутныя пятна и скоро выглянула одна звѣзда и робко заморгала своимъ однимъ глазомъ. Дьяконъ шелъ по высокому каменистому берегу и не видѣлъ моря; оно засыпало внизу, и невидимыя волны его лѣниво и тяжело ударялись о берегъ и точно вздыхали: уфы! И какъ медленно! Ударилась одна волна, дьяконъ успѣлъ сосчитать восемь шаговъ, тогда ударилась другая, черезъ шесть шаговъ третья. Такъ же точно не было ничего видно, и въ потемкахъ слышался лѣнивый, сонный шумъ моря, слышалось безконечно далекое, невообразимое время, когда Богъ носился надъ хаосомъ.

Дьякону стало жутко. Онъ подумалъ о томъ, какъ бы Богъ не наказалъ его за то, что онъ водить компанію съ невѣрующими и даже идетъ смотрѣть на ихъ дуэль. Дуэль будетъ пустяковая, безкровная, смѣшная, но, какъ бы то ни было, она—зрѣлище язвическое и присутствовать на ней духовному лицу совсѣмъ неприлично. Онъ остановился и подумалъ: не вернуться ли? Но сильное, безпокойное любопытство взяло верхъ надъ сомнѣніями, и онъ пошелъ дальше.

«Они хотя невѣрующіе, но добрые люди и спасутся», успокаивалъ онъ себя.—Обязательно спасутся! — сказалъ онъ вслухъ, закуривая папиросу.

Какою мѣрою нужно измѣрять достоинства людей, чтобы судить о нихъ справедливо? Дьяконъ вспомнилъ своего врага, инспектора духовнаго училища, который и въ Бога вѣровалъ, и на дуэляхъ не дрался, и жилъ въ цѣломудріи, но когда-то кормилъ дьякона хлѣбомъ съ пескомъ и однажды едва не оторвалъ ему уха. Если человѣческая жизнь сло-

жилаь такъ немудро, что этого жестокаго и нечестнаго инспектора, кравшаго казенную муку, всѣ уважали и молились въ училищѣ о здравіи его и спасеніи, то справедливо ли сторониться такихъ людей, какъ фонъ-Корень и Лаевскій только потому, что они невѣрующіе? Дьяконъ сталъ рѣшать этотъ вопросъ, но ему вспомнилось, какая смѣшная фигура была сегодня у Самойленка, и это прервало теченіе его мыслей. Сколько завтра будетъ смѣху! Дьяконъ воображалъ, какъ онъ засядетъ подъ кустъ и будетъ подсматривать, а когда завтра за обѣдомъ фонъ-Корень начнетъ хвастать, то онъ, дьяконъ, со смѣхомъ станетъ рассказывать ему всѣ подробности дуэли.

«Откуда вы все знаете?» спросить зоолога.— «То-то вотъ и есть. Дома сидѣль, а знаю».

Хорошо бы описать дуэль въ смѣшномъ видѣ. Тестъ будетъ читать и смѣяться, тестя же кашей не корми, а только расскажи или напиши ему что-нибудь смѣшное.

Открылась долина Желтой рѣчки. Отъ дождя рѣчка стала шире и злѣе, и ужъ она не ворчала, какъ прежде, а ревѣла. Начинался разсвѣтъ. Сѣрое тусклое утро, и облака, бѣжавшія на западъ, чтобы догнать грозовую тучу, и горы, опоясанныя туманомъ, и мокрая деревья—все показалось дьякону некрасивымъ и сердитымъ. Онъ умылся изъ ручья, прочелъ утреннія молитвы, и захотѣлось ему чаю и горячихъ пышекъ со сметаной, которыя каждое утро подаютъ у тестя къ столу. Вспомнилась ему дьяконица и «Невозвратное», которое она играетъ на фортепіано. Чтò она за жепщина? Дьякона познакомили, сосватали и женили на ней въ одну недѣлю; пожилъ онъ съ нею меньше мѣсяца и его командировали сюда, такъ что онъ и нѣ разобралъ до сихъ поръ, чтò она за человекъ. А все-таки безъ нея скучновато.

«Надо ей письмишко написать»...—думалъ онъ.

Флагъ на духанѣ размокъ отъ дождя и повисъ, и самъ духанъ съ мокрой крышей казался темнѣе и ниже, чѣмъ онъ былъ раньше. Около дверей стояла арба; Кербалай, какихъ-то два абхаца и молодая татарка въ шароварахъ, должно-быть, жена или дочь Кербалая, выносили изъ духана мѣшки съ чѣмъ-то и клали ихъ въ арбу на кукурузовую солому. Около арбы, опустивъ головы, стояла пара ословъ. Уложивъ мѣшки, абхацы и татарка стали накры-

вать ихъ сверху соломой, а Кербалай принялся посиѣшню запрягать ословъ.

«Контрабанда, пожалуй»,—подумалъ дьяконъ.

Вотъ поваленное дерево съ высохшими иглами, вотъ черное пятно отъ костра. Припомнился пикникъ со всѣми его подробностями, огонь, пѣніе абхазцевъ, сладкія мечты объ архіерействѣ и крестномъ ходѣ... Черная рѣчка отъ дождя стала чернѣе и шире. Дьяконъ осторожно прошелъ по жидкому мостику, до котораго уже дохватывали грязныя волны своими гривами, и взобрался по лѣсенкѣ въ сушильню.

«Славная голова!—думалъ онъ, растягиваясь на соломѣ и вспоминая о фонъ-Коренѣ.—Хорошая голова, дай Богъ здоровья. Только въ немъ жестокость есть»...

За что онъ ненавидитъ Лаевского, а тотъ его? За что они будутъ драться на дуэли? Если бы они съ дѣтства знали такую нужду, какъ дьяконъ, если бы они воспитывались въ средѣ невѣжественныхъ, черствыхъ сердцемъ, алчныхъ до наживы, попрекающихъ кускомъ хлѣба, грубыхъ и неотесанныхъ въ обращеніи, плюющихъ на полъ и отпрыгивающихъ за обѣдомъ и во время молитвы, если бы они съ дѣтства не были избалованы хорошей обстановкой жизни и избраннымъ кругомъ людей, то какъ бы они ухватились другъ за друга, какъ бы охотно прощали взаимно недостатки и цѣнили бы то, что есть въ каждомъ изъ нихъ. Вѣдь даже виѣшние порядочныхъ людей такъ мало на свѣтѣ! Правда, Лаевскій шалый, распущенный, странный, но вѣдь онъ не украдетъ, не плюнетъ громко на полъ, не попрекнетъ жену: «лопаешь, а работать не хочешь», не станетъ бить ребенка вожжами, или кормить своихъ слугъ вонючей солониной—неужели этого недостаточно, чтобы относиться къ нему снисходительно? Къ тому же, вѣдь онъ первый страдаетъ отъ своихъ недостатковъ, какъ больной отъ своихъ ранъ. вмѣсто того, чтобы, отъ скуки и по какому-то недоразумѣнію, искать другъ въ другѣ вырожденія, вымиранія, наслѣдственности и прочаго, что мало понятно, не лучше ли имъ спуститься пониже и направить ненависть и гнѣвъ туда, гдѣ стономъ гудятъ цѣлыя улицы отъ грубаго невѣжества, алчности, попрековъ, нечистоты, ругани, женскаго визга...

Послышался стукъ экипажа и прервалъ мысли дьякона. Онъ выглянулъ въ дверь и увидѣлъ коляску, а въ ней

троихъ: Лаевского, Шешковского и начальника почтово-телеграфной конторы.

— Стопъ!—сказаль Шешковскій.

Всѣ трое выльзали изъ коляски и посмотрѣли другъ на друга.

— Ихъ еще нѣтъ,—сказаль Шешковскій, стряхивая съ себя грязь.—Что жь? Пока судъ да дѣло, пойдемъ поищемъ удобнаго мѣста. Здѣсь повернутся негдѣ.

Они пошли дальше вверхъ по рѣкѣ и скоро скрылись изъ виду. Кучерь-татаринъ сѣлъ въ коляску, склонилъ голову на плечо и заснулъ. Подождавъ минутъ десять, дьяконъ вышелъ изъ сушильни и, снявши черную шляпу, чтобы его не замѣтили, присѣдая и оглядываясь, сталъ пробираться по берегу между кустами и полосами кукурузы; съ деревьевъ и съ кустовъ сыпались на него крупныя капли, трава и кукуруза были мокры.

— Срамота!—бормоталь онъ, подбирая свои мокрыя и грязныя фалды.—Зналь бы, не пошелъ.

Скоро онъ услышалъ голоса и увидѣлъ людей. Лаевскій, засунувъ руки въ рукава и согнувшись, быстро ходилъ взадъ и впередъ по небольшой полянѣ; его секунданты стояли у самого берега и крутили папирсы.

«Странно... — подумаль дьяконъ, не узнавая походки Лаевского.—Вудто старикъ».

— Какъ это невѣжливо съ ихъ стороны!—сказаль почтовый чиновникъ, глядя на часы.—Можеть-быть, по-ученому, и хорошо олаздывать, но, по-моему, это свинство.

Шешковскій, толстый человекъ съ черной бородой, прислушался и сказалъ:

— Ъдутъ!

XIX.

— Первый разъ въ жизни вижу! Какъ славно!—сказаль фонъ-Корень, показываясь на полянѣ и протягивая обѣ руки къ востоку.—Посмотрите: зеленые лучи!

На востокѣ изъ-за горъ вытянулись два зеленыхъ луча, и это, въ самомъ дѣлѣ, было красиво. Восходило солнце.

— Здравствуйте!—продолжалъ зоологъ, кивнувъ головой секундантамъ Лаевского.—Я не опоздалъ?

За нимъ шли его секунданты, два очень молодыхъ офицера одинаковаго роста, Бойко и Говоровскій, въ бѣлыхъ чителяхъ, и тощій, нелюдимый докторъ Устимовичъ, кото-

рый въ одной рукѣ несъ узелъ съ кѣмъ-то, а другую заложилъ назадъ; по обыкновенію, вдоль спины у него была вытянута трость. Положивъ узелъ на землю и ли съ кѣмъ не здороваясь, онъ отправилъ и другую руку за спину и зашагалъ по полянѣ.

Лаевскій чувствовалъ утомленіе и неловкость человѣка, который, быть-можетъ, скоро умретъ и поэтому обращаетъ на себя общее вниманіе. Ему хотѣлось, чтобы его поскорѣе убили, или же отвезли домой. Восходъ солнца онъ видѣлъ теперь первый разъ въ жизни; это раннее утро, зеленые лучи, сырость и люди въ мокрыхъ сапогахъ казались ему лишними въ его жизни, ненужными и стѣсняли его; все это не имѣло никакой связи съ пережитою ночью, съ его мыслями и съ чувствомъ вины, и потому онъ охотно бы ушелъ, не дожидаясь дуэли.

Фонъ-Корень былъ замѣтно возбужденъ и старался скрыть это, дѣлая видъ, что его больше всего интересуютъ зеленые лучи. Секунданты были смущены и переглядывались другъ съ другомъ, какъ бы спрашивая, зачѣмъ они тутъ и что имъ дѣлать.

— Я полагаю, господа, что идти дальше намъ не зачѣмъ,—сказалъ Шешковскій.—И здѣсь ладно.

— Да, конечно,—согласился фонъ-Корень.

Наступило молчаніе. Устимовичъ, шагая, вдругъ круго повернулъ къ Лаевскому и сказалъ вполголоса, дыша ему въ лицо:

— Вамъ, вѣроятно, еще не успѣли сообщить моихъ условій. Каждая сторона платитъ мнѣ по 15 рублей, а въ случаѣ смерти одного изъ противниковъ оставшійся въ живыхъ платитъ всѣ 30.

Лаевскій былъ раньше знакомъ съ этимъ человѣкомъ, но только теперь въ первый разъ отчетливо увидѣлъ его тусклые глаза, жесткіе усы и тощую, чахоточную шею: ростовщикъ, а не докторъ! Дыханіе его имѣло непріятный, говяжий запахъ.

«Какихъ только людей не бываетъ на свѣтѣ»,—подумалъ Лаевскій и отвѣтилъ:

— Хорошо.

Докторъ кивнулъ головой и опять зашагалъ, и видно было, что ему вовсе не нужны были деньги, а спрашивалъ онъ ихъ просто изъ ненависти. Всѣ чувствовали, что пора уже

начинать, или кончать то, что уже начато, но не начинали и не кончали, а ходили, стояли и курили. Молодые офицеры, которые первый разъ въ жизни присутствовали на дуэли, и теперь плохо вѣрили въ эту штатскую, по ихъ мнѣнью, не нужную дуэль, внимательно осматривали своп кителя и поглаживали рукава. Шешковскій подошелъ къ нимъ и сказалъ тихо:

— Господа, мы должны употребить всѣ усилія, чтобы эта дуэль не состоялась. Нужно помирить ихъ.

Онъ покраснѣлъ и продолжалъ:

— Вчера у меня былъ Кирилинъ и жаловался, что Лаевскій засталъ его вчера съ Надеждой Ѳедоровной и всякая штука.

— Да, намъ тоже это извѣстно,—сказалъ Бойко.

— Ну, вотъ видите ли... У Лаевского дрожать руки и всякая штука... Онъ и пистолета теперь не подниметъ. Драться съ нимъ такъ же не-человѣчно, какъ съ пьянымъ или съ тифознымъ. Если примиреніе не состоится, то надо, господа, хоть отложить дуэль, что ли... Такая чертовщина, что не глядѣлъ бы.

— Вы поговорите съ фонъ-Кореномъ.

— Я правилъ дуэли не знаю, чортъ ихъ подери совсѣмъ, и знать не желаю; можетъ-быть, онъ подумаетъ, что Лаевскій струсилъ и меня подослалъ къ нему. А, впрочемъ, какъ ему угодно, я поговорю.

Шешковскій нерѣшительно, слегка прихрамывая, точно отсидѣлъ ногу, направился къ фонъ-Корену и, пока онъ шелъ и побрякивалъ, вся его фигура дышала лѣнью.

— Вотъ что я долженъ вамъ сказать, сударь мой,—началъ онъ, внимательно разсматривая цвѣты на рубахѣ зоолога.—Это конфиденціально... Я правилъ дуэли не знаю, чортъ ихъ побери совсѣмъ, и знать не желаю и разсуждаю не какъ секундантъ и всякая штука, а какъ человѣкъ и все.

— Да. Ну?

— Когда секунданты предлагаютъ мириться, то ихъ обыкновенно не слушаютъ, смотрятъ, какъ на формальность. Самолюбіе и все. Но я прошу васъ покорнѣйше обратить вниманіе на Ивана Андуренча. Онъ сегодня не въ формальности состояніи, такъ сказать, не въ своемъ умѣ и жалокъ. У него произошло несчастіе. Терпѣть я не могу силтень,—

Шешковскій покраснѣлъ и оглянулся: — но въ виду дуэли я нахожу нужнымъ сообщить вамъ. Вчера вечеромъ онъ въ домѣ Мюридова засталъ свою мадамъ съ... однимъ господиномъ.

— Какая гадость! — пробормоталъ зоологъ; онъ поблѣднѣлъ, поморщился и громко сплюнулъ:—Тьфу!

Нижняя губа у него задрожала; онъ отошелъ отъ Шешковского, не желая дальше слушать, и, какъ будто нечаянно попробовалъ чего-то горькаго, опять громко сплюнулъ и съ ненавистью первый разъ за все утро взглянулъ на Лаевского. Его возбужденіе и неловкость прошли, онъ встряхнулъ головой и сказалъ громко:

— Господа, что же это мы ждемъ, спрашивается? Почему не начинаемъ?

Шешковскій переглянулся съ офицерами и пожалъ плечами.

— Господа!—сказалъ онъ громко, ни къ кому не обращаясь.—Господа! Мы предлагаемъ вамъ помириться!

— Покончимъ скорѣе съ формальностями,—сказалъ фонъ-Корень. — О примиреніи уже говорили. Теперь еще какая слѣдующая формальность? Поскорѣе бы, господа, а то время не ждетъ.

— Но мы все-таки настаиваемъ на примиреніи, — сказалъ Шешковскій виноватымъ голосомъ, какъ человѣкъ, который вынужденъ вмѣшиваться въ чужія дѣла; онъ покраснѣлъ, приложилъ руку къ сердцу и продолжалъ: — Господа, мы не видимъ причинной связи между оскорбленіемъ и дуэлью. У обиды, какую мы иногда по слабости человѣческой наносимъ другъ другу, и у дуэли нѣтъ ничего общаго. Вы люди университетскіе и образованные и, конечно, сами видите въ дуэли одну только устарѣлую, пустую формальность и всякая штука. Мы такъ на нее и смотримъ, иначе бы не поѣхали, такъ какъ не можемъ допустить, чтобы въ нашемъ присутствіи люди стрѣляли другъ въ друга и все.—Шешковскій вытеръ съ лица потъ и продолжалъ: — Покончите же, господа, ваше недоразумѣніе, подайте другъ другу руки и поѣдемъ домой пить мировую. Честное слово, господа!

Фонъ-Корень молчалъ. Лаевскій, замѣтивъ, что на него смотрятъ, сказалъ:

— Я ничего не имѣю противъ Николая Васильича.

Если онъ находить, что я виноватъ, то я готовъ извиниться передъ нимъ.

Фонъ-Коренъ обидѣлся.

— Очевидно, господа,—сказалъ онъ:—вамъ угодно, чтобы г. Лаевскій вернулся домой великодушнымъ и рыцаремъ, но я не могу доставить вамъ и ему этого удовольствія. И не было надобности вставать рано и ѣхать изъ города за десять верстъ для того только, чтобы пить мировую, закусывать и объяснять мнѣ, что дуэль устарѣлая формальность. Дуэль есть дуэль, и не слѣдуетъ дѣлать ее глупѣе и фальшивѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Я желаю драться!

Наступило молчаніе. Офицеръ Бойко досталъ изъ ящика два пистолета: одинъ подали фонъ-Корену, другой Лаевскому, и затѣмъ произошло замѣшательство, которое ненадолго развеселило зоолога и секундантовъ. Оказалось, что изъ всѣхъ присутствовавшихъ ни одинъ не былъ на дуэли ни разу въ жизни и никто не зналъ точно, какъ нужно становиться и что должны говорить и дѣлать секунданты. Но потомъ Бойко вспомнилъ и, улыбаясь, сталъ объяснять.

— Господа, кто помнить, какъ описано у Лермонтова?—спросилъ фонъ-Коренъ, смѣясь.—У Тургенева также Базаровъ стрѣлялся съ кѣмъ-то тамъ...

— Къ чему тутъ помнить?—сказалъ нетерпѣливо Устимовичъ, останавливаясь.—Отмѣрьте разстояніе—вотъ и все.

И онъ раза три шагнулъ, какъ бы показывая, какъ надо отмѣривать. Бойко отсчиталъ шаги, а его товарищъ обнажилъ шашку и поцарапалъ землю на крайнихъ пунктахъ, чтобы обозначить барьеръ.

Противники, при всеобщемъ молчаніи, заняли свои мѣста.

«Кроты», вспомнилъ дьяконъ, сидѣвшій въ кустахъ.

Что-то говорилъ Шешковскій, что-то объяснялъ опять Бойко, но Лаевскій не слышалъ, или, вѣришь, слышалъ, но не понималъ. Онъ, когда настало для этого время, взвелъ курокъ и поднялъ тяжелый, холодный пистолетъ дуломъ вверхъ. Онъ забылъ разстегнуть пальто, и у него сильно сжимало въ плечѣ и подъ мышкой, и рука поднималась съ такою неловкостью, какъ будто рукавъ былъ сшитъ изъ жести. Онъ вспомнилъ свою вчерашнюю ненависть къ смуглому лбу и курчавымъ волосамъ и подумалъ, что даже вчера, въ минуту сильной ненависти и гнѣва, онъ

не смог бы выстрѣлить въ человѣка. Боясь, чтобы пуля какъ-нибудь невзначай не попала въ фонъ-Корена, онъ поднималъ пистолеть все выше и выше, и чувствовалъ, что это слишкомъ показное великодушiе не деликатно и не великодушно, но иначе не умѣлъ и не могъ. Глядя на блѣдное, насмѣшливо улыбавшееся лицо фонъ-Корена, который, очевидно, съ самаго начала былъ увѣренъ, что его противникъ выстрѣлитъ въ воздухъ, Лаевскiй думалъ, что сейчасъ, слава Богу, все кончится и что вотъ только нужно надавить покрѣпче собачку...

Сильно отдало въ плечо, раздался выстрѣлъ и въ горахъ отвѣтило эхо: пахъ-тахъ!

И фонъ-Коренъ взвелъ курокъ и посмотрѣлъ въ сторону Устимовича, который попрежнему шагаль, заложивъ руки назадъ и не обращая ни на что вниманiя.

— Докторъ, — сказалъ зоологъ: — будьте добры, не ходите, какъ маятникъ. У меня отъ васъ мелькаетъ въ глазахъ.

Докторъ остановился. Фонъ-Коренъ сталъ прицѣливаться въ Лаевского.

«Кончено!» — подумалъ Лаевскiй.

Дуло пистолета, направленное прямо въ лицо, выраженiе ненависти и презрѣнiя въ позѣ и во всей фигурѣ фонъ-Корена и это убiйство, которое сейчасъ совершить порядочный человѣкъ среди бѣла дня въ присутствii порядочныхъ людей, и эта тишина, и неизвѣстная сила, заставляющая Лаевского стоять, а не бѣжать — какъ все это таинственно, и непонятно, и страшно! Время, пока фонъ-Коренъ прицѣливался, показалось Лаевскому длиннѣе ночи. Онъ умоляюще взглянулъ на секундантавъ; они не шевелились и были блѣдны.

«Скорѣе же стрѣляй!» — думалъ Лаевскiй и чувствовалъ, что его блѣдное, дрожащее, жалкое лицо должно возбуждать въ фонъ-Коренѣ еще большую ненависть.

«Я его сейчасъ убью, — думалъ фонъ-Коренъ, прицѣливаясь въ лобъ и уже ощущая пальцемъ собачку. — Да, конечно, убью...»

— Онъ убьетъ его! — слышался вдругъ отчаянный крикъ гдѣ-то очень близко.

Тотчасъ же раздался выстрѣлъ. Увидѣвъ, что Лаевскiй стоитъ на мѣстѣ, а не упалъ, всѣ посмотрѣли въ ту сторону, откуда слышался крикъ, и увидѣли дьякона. Онъ,

блѣдный, съ мокрыми, прилипшими ко лбу и къ щекамъ волосами, весь мокрый и грязный, стоялъ на томъ берегу въ кукурузѣ, какъ-то странно улыбался и махалъ мокрой шляпой. Шенковскій засмѣялся отъ радости, заплакалъ и отошелъ въ сторону...

XX.

Немного погодя, фонъ-Корень и дьяконъ сошлись около мостика. Дьяконъ былъ взволнованъ, тяжело дышалъ и избѣгалъ смотрѣть въ глаза. Ему было стыдно и за свой страхъ, и за свою грязную, мокрую одежду.

— Миѣ показалось, что вы хотѣли его убить...—бормоталъ онъ.—Какъ это противно природѣ человѣческой! До какой степени это противоестественно!

— Какъ вы сюда попали, однако?—спросилъ зоологъ.

— Не спрашивайте,—махнулъ рукой дьяконъ. — Нечистый попуталъ: иди да иди... Вотъ и пошелъ, и чуть въ кукурузѣ не померъ отъ страха. Но теперь, слава Богу, слава Богу... Я весьма вами доволенъ, — бормоталъ дьяконъ.—И нашъ дѣдка-тарантулъ будетъ доволенъ... Смѣху-то, смѣху! А только я прошу васъ убѣдительно, никому не говорите, что я былъ тутъ, а то миѣ, пожалуй, влетитъ въ загривокъ отъ начальства. Скажутъ: дьяконъ секундантомъ былъ.

— Господа!—сказалъ фонъ-Корень. — Дьяконъ проситъ васъ никому не говорить, что вы видѣли его здѣсь. Могутъ выйти непріятности.

— Какъ это противно природѣ человѣческой!—вздыхнулъ дьяконъ. — Извините меня великодушно, но у васъ такое было лицо, что я думалъ, что вы непременно его убьете.

— У меня было сильное искушеніе прикончить этого мерзавца, — сказалъ фонъ-Корень: — но вы крикнули миѣ подъ руку, и я промахнулся. Вся эта процедура, однако, противна съ непривычки и втомила меня, дьяконъ. Я ужасно ослабѣлъ. Поѣдьте...

— Нѣтъ, ужъ дозвоьте миѣ пѣшкомъ идти. Миѣ просохнуть надо, а то я измокъ и прозябъ.

— Ну, какъ знаете, — сказалъ томнымъ голосомъ ослабѣвшій зоологъ, садясь въ коляску и закрывая глаза.— Какъ знаете...

Пока ходили около экипажей и усаживались, Кербалай

стоялъ у дороги и, взявшись обѣими руками за животъ, низко кланялся и показывалъ зубы; онъ думалъ, что господа прѣхали наслаждаться природой и пить чай, и не понималъ, почему это они садятся въ экипажи. При общемъ безмолвіи поѣздъ тронулся, и около духана остался одинъ только дьяконъ.

— Ходилъ духанъ, пилъ чай,—сказалъ онъ Кербалаю.— Мой хочетъ кушать.

Кербалай хорошо говорилъ по-русски, но дьяконъ думалъ, что татаринъ скорѣе пойметъ его, если онъ будетъ говорить съ нимъ на ломаномъ русскомъ языкѣ.

— Яичницу жарилъ, сыръ давалъ...

— Иди, иди, попъ,—сказалъ Кербалай, кланяясь.— Все дамъ... И сыръ есть, и вино есть... Кунай, чего хочешь.

— Какъ по-татарски — Богъ? — спрашивалъ дьяконъ, входя въ духанъ.

— Твой Богъ и мой Богъ все равно, — сказалъ Кербалай, не понявъ его.— Богъ у всѣхъ одинъ, а только люди разные. Которые русскіе, которые турки, или которые англійски — всякихъ людей много, а Богъ одинъ.

— Хорошо-съ. Если всѣ народы поклоняются единому Богу, то почему же вы, мусульмане, смотрите на христіанъ какъ на вѣковѣчныхъ враговъ своихъ?

— Зачѣмъ серднишься? — сказалъ Кербалай, хватаясь обѣими руками за животъ. — Ты попъ, я мусульманъ, ты говоришь — кушать хочу, я даю... Только богатый разбираетъ, какой Богъ твой, какой мой, а для бѣднаго все равно. Кунай, пожалуста.

Пока въ духанѣ происходилъ богословскій разговоръ, Лаевскій ѣхалъ домой и вспоминалъ, какъ жутко ему было ѣхать на разсвѣтѣ, когда дорога, скалы и горы были мокры и темны и неизвѣстное будущее представлялось страшнымъ, какъ пропасть, у которой не видно дна, а теперь дождевыя капли, висѣвшія на травѣ и на камняхъ, сверкали отъ солнца, какъ алмазы, природа радостно улыбалась, и страшное будущее оставалось позади. Онъ посматривалъ на угрюмое, заплаканное лицо Шешковскаго и впередъ на двѣ коляски, въ которыхъ сидѣли фонъ-Коренъ, его секунданты и докторъ, и ему казалось, какъ будто они всѣ возвращались изъ кладбища, гдѣ только-что похоронили тяжелаго, невыносимаго человѣка, который мѣшалъ всѣмъ жить.

«Все кончено»,—думалъ онъ о своемъ прошломъ, осторожно поглаживая пальцами шею.

У него въ правой сторонѣ шеи, около воротничка, вздулась небольшая опухоль, длиною и толщиною съ мизинецъ, и чувствовалась боль, какъ будто кто провелъ по шеѣ утюгомъ. Это контузила пуля.

Затѣмъ, когда онъ пріѣхалъ домой, для него потянулся длинный, странный, сладкій и туманный, какъ забытые, день. Онъ, какъ выпущенный изъ тюрьмы или больницы, всматривался въ давно знакомые предметы и удивлялся, что столы, окна, стулья, свѣтъ и море возбуждаютъ въ немъ живую, дѣтскую радость, какой онъ давно-давно уже не испытывалъ. Блѣдная и сильно похудѣвшая Надежда Федоровна не понимала его кроткаго голоса и странной походки; она торопилась рассказать ему все, что съ нею было... Ей казалось, что онъ, вѣроятно, плохо слышитъ и не понимаетъ ее, и что если онъ все узнаетъ, то проклянетъ ее и убьетъ, а онъ слушалъ ее, гладилъ ей лицо и волосы, смотрѣлъ ей въ глаза и говорилъ:

— У меня нѣтъ никого, кромѣ тебя...

Потомъ они долго сидѣли въ палисадникѣ, прижавшись другъ къ другу, и молчали, или же, мечтая вслухъ о своей будущей счастливой жизни, говорили короткія, отрывистыя фразы, и ему казалось, что онъ никогда раньше не говорилъ такъ длинно и красиво.

XXI.

Прошло три мѣсяца съ лишнимъ.

Наступилъ день, назначенный фонъ-Кореномъ для отъѣзда. Съ ранняго утра шелъ крупный, холодный дождь, дулъ нордъ-остовый вѣтеръ и на морѣ развело сильную волну. Говорили, что въ такую погоду пароходъ едва ли зайдетъ на рейдъ. По росписанію онъ долженъ былъ придти въ десятомъ часу утра, но фонъ-Коренъ, выходявшій на набережную въ полдень и послѣ обѣда, не увидѣлъ въ бинокль ничего, кромѣ сѣрыхъ волнъ и дождя, застилавшаго горизонтъ.

Къ концу дня дождь пересталъ и вѣтеръ началъ замѣтно стихать. Фонъ-Коренъ уже помирился съ мыслью, что ему сегодня не уѣхать, и сѣлъ играть съ Самойленкомъ въ шах-

маты; но когда стемнѣло, денщикъ доложилъ, что на морѣ показались огни и что видѣли ракету.

Фонъ-Корень заторопился. Онъ надѣлъ сумочку черезъ плечо, поцѣловался съ Самойленкомъ и съ дьякономъ, безъ всякой надобности обошелъ всѣ комнаты, простился съ денщикомъ и съ кухаркой и вышелъ на улицу съ такимъ чувствомъ, какъ будто забылъ что-то у доктора или у себя на квартирѣ. На улицѣ шелъ онъ рядомъ съ Самойленкомъ, за нимъ дьяконъ съ ящикомъ, а позади всѣхъ денщикъ съ двумя чемоданами. Только Самойленко и денщикъ различали тусклые огоньки на морѣ, остальные же смотрѣли въ потемки и ничего не видѣли. Пароходъ остановился далеко отъ берега.

— Скорѣе, скорѣе,—торопился фонъ-Корень.—Я боюсь, что онъ уйдетъ!

Проходя мимо трехъ-оконнаго домика, въ который перенесся Лавскій вскорѣ послѣ дуэли, фонъ-Корень не удержался и заглянулъ въ окно. Лавскій, согнувшись, сидѣлъ за столомъ, спиною къ окну и писалъ.

— Я удивляюсь,—тихо сказалъ зоологъ.—Какъ онъ скрутилъ себя!

— Да, удивленія достойно,—вздохнулъ Самойленко.—Такъ съ утра до вечера сидитъ, все сидитъ и работаетъ. Долги хочетъ выплатить. А живетъ, братъ, хуже нищаго!

Прошло полминуты въ молчаніи. Зоологъ, докторъ и дьяконъ стояли у окна и все смотрѣли на Лавскаго.

— Такъ и не уѣхалъ отсюда, бѣдняга,—сказалъ Самойленко.—А помнишь, какъ онъ хлопоталъ?

— Да, сильно онъ скрутилъ себя,—повторилъ фонъ-Корень.—Его свадьба, эта цѣлодневная работа изъ-за куска хлѣба, какое-то новое выраженіе на его лицѣ и даже его походка—все это до такой степени необыкновенно, что я и не знаю, какъ назвать это,—зоологъ взялъ Самойленко за рукавъ и продолжалъ съ волненіемъ въ голосъ:—Ты передай ему и его женѣ, что когда я уѣзжалъ, я удивился имъ, желалъ всего хорошаго... и попросилъ его, чтобы онъ, если это можно, не поминалъ меня лихомъ. Онъ меня знаетъ. Онъ знаетъ, что если бы я могъ тогда предвидѣть эту неремѣну, то я могъ бы стать его лучшимъ другомъ.

— Ты зайди къ нему, простись.

— Нѣтъ. Это неудобно.

— Отчего? Богъ знаетъ, можетъ, больше ужъ никогда не увидишься съ нимъ.

Зоологъ подумалъ и сказалъ:

— Это правда.

Самойленко тихо постучалъ пальцемъ въ окно. Лаевскій вздрогнулъ и оглянулся.

— Ваня, Николай Васильичъ желаетъ съ тобой проститься,—сказалъ Самойленко.—Онъ сейчасъ уѣзжаетъ.

Лаевскій всталъ изъ-за стола и пошелъ въ сѣни, чтобы отворить дверь. Самойленко, фонтъ-Коренъ и дьяконъ вошли въ домъ.

— Я на одну минутку,—началъ зоологъ, снимая въ сѣняхъ калоши и уже жалѣя, что онъ уступилъ чувству и вошелъ сюда безъ приглашенія. «Я какъ будто навязываюсь,—подумалъ онъ:—а это глупо». — Простите, что я безпокою васъ,—сказалъ онъ, входя за Лаевскимъ въ его комнату:—но я сейчасъ уѣзжаю, и меня потянуло къ вамъ. Богъ знаетъ, увидимся ли когда еще.

— Очень радъ... Покорнѣйше прошу,—сказалъ Лаевскій и неловко подставилъ гостямъ стулья, точно желая загородить имъ дорогу, и остановился посреди комнаты, потирая руки.

«Напрасно я не оставилъ свидѣтелей на улицѣ»,—подумалъ фонтъ-Коренъ и сказалъ твердо: — Не поминайте меня лихомъ, Иванъ Андреичъ. Забыть прошлаго, конечно, нельзя, оно слишкомъ грустно, и я не затѣмъ пришелъ сюда, чтобы извиняться или увѣрять, что я не виноватъ. Я дѣйствовалъ искренно и не измѣнилъ своихъ убѣжденій съ тѣхъ поръ... Правда, какъ вижу теперь къ великой моей радости, я ошибся относительно васъ, но вѣдь спотыкаются и на ровной дорогѣ, и такова ужъ человѣческая судьба: если не ошибаешься въ главномъ, то будешь ошибаться въ частностяхъ. Никто не знаетъ настоящей правды.

— Да, никто не знаетъ правды...—сказалъ Лаевскій.

— Ну, прощайте... Дай Богъ намъ всего хорошаго.

Фонтъ-Коренъ подалъ Лаевскому руку; тотъ пожалъ ее и поклонился.

— Не поминайте же лихомъ,—сказалъ фонтъ-Коренъ.— Поклонитесь вашей женѣ и скажите ей, что я очень жалѣю, что не могъ проститься съ ней.

— Она дома.

Лаевскій подошелъ къ двери и сказалъ въ другую комнату:

— Надя, Николай Васильевичъ желаетъ съ тобой проститься.

Вошла Надежда Федоровна; она остановилась около двери и робко взглянула на гостей. Лицо у нея было виноватое и испуганное, и руки она держала, какъ гимназистка, которой дѣлають выговоръ.

— Я сейчасъ уѣзжаю, Надежда Федоровна, — сказалъ фонъ-Корень: — и пришелъ проститься.

Она нерѣшительно протянула ему руку, а Лаевскій поклонился.

«Какъ они, однако, оба жалки! — подумалъ фонъ-Корень. — Не дешево достается имъ эта жизнь». — Я буду въ Москвѣ и въ Петербургѣ, — спросилъ онъ: — не нужно ли вамъ что-нибудь прислать оттуда?

— Что же? — сказала Надежда Федоровна и встревоженно переглянулась съ мужемъ. — Кажется, ничего...

— Да, ничего... — сказалъ Лаевскій, потирая руки. — Кланяйтесь.

Фонъ-Корень не зналъ, что еще можно и нужно сказать, а раньше, когда входилъ, то думалъ, что скажетъ очень много хорошаго, теплаго и значительнаго. Онъ молча пожалъ руки Лаевскому и его женѣ и вышелъ отъ нихъ съ тяжелымъ чувствомъ.

— Какіе люди! — говорилъ дьяконъ вполголоса, идя съади. — Боже мой, какіе люди! Воистину десница Божія насадила виноградъ сей! Господи, Господи! Одинъ побѣдилъ тысячи, а другой тьмы. Николай Васильичъ. — сказалъ онъ восторженно: — знайте, что сегодня вы побѣдили величайшаго изъ враговъ человѣческихъ — гордость!

— Полно, дьяконъ! Какіе мы съ нимъ побѣдители? Побѣдители орлами смотрять, а онъ жалокъ, робокъ, забить, кланяется, какъ китайскій болванчикъ, а мнѣ... мнѣ грустно.

Съади слышались шаги. Это догонялъ Лаевскій, чтобы проводить. На пристани стоялъ денщикъ съ двумя чемоданами, а нѣсколько поодаль — четыре гребца.

— Однако, подуваетъ... бррр! — сказалъ Самойленко. — Въ морѣ, должно-быть, теперъ штормяга — ой, ой! Не въ пору ты ѣдешь. Коля.

— Я не боюсь морской болѣзни.

— Не въ томъ... Не опрокинули бы тебя эти дураки. Слѣдовало бы на агентской шлюнкѣ доѣхать. Гдѣ агентская шлюпка?—крикнулъ онъ гребцамъ

— Ушла, ваше превосходительство.

— А таможенная?

— Тоже ушла.

— Отчего же не доложили?—разсердился Самойленко.—
Остолопы!

— Все равно, не волнуйся... — сказалъ фонтъ-Корень.—
Ну, прощай. Храни васъ Богъ.

Самойленко обнялъ фонтъ-Кореня и перекрестилъ его три раза.

— Не забывай же, Коля... Пиши... Будущей весной ждать будемъ.

— Прощайте, дьяконъ,—сказалъ фонтъ-Корень, пожимая дьякону руку.— Спасибо вамъ за компанію и за хорошіе разговоры. Насчетъ экспедиціи подумайте.

— Да, Господи, хоть на край свѣта!—засмѣялся дьяконъ.— Развѣ я противъ?

Фонтъ-Корень узналъ въ потемкахъ Лаевского и молча протянулъ ему руку. Гребцы уже стояли внизу и придерживали лодку, которая билась о сваи, хотя молъ загоразивалъ ее отъ большой зыби. Фонтъ-Корень спустился по трапу, прыгнувъ въ лодку и сѣлъ у руля.

— Пиши!—крикнулъ ему Самойленко.— Здоровье береги!

«Никто не знаетъ настоящей правды»,—думалъ Лаевскій, поднимая воротникъ своего пальто и засовывая руки въ рукава.

Лодка бойко обогнула пристань и вышла на просторъ. Она исчезла въ волнахъ, но тотчасъ же изъ глубокой ямы скользнула на высокій холмъ, такъ что можно было различить и людей, и даже весла. Лодка прошла сажени три, и ее отбросило назадъ сажени на двѣ.

— Пиши!—крикнулъ Самойленко.— Понесла тебя нелегкая въ такую погоду!

«Да, никто не знаетъ настоящей правды...»—думалъ Лаевскій, съ тоскою глядя на безпокойное темное море.

«Лодку бросаетъ назадъ,—думалъ онъ:—дѣлаетъ она два шага впередъ и шагъ назадъ, но гребцы упрямы, машутъ неутомимо веслами и не боятся высокихъ волнъ. Лодка

идеть все вперед и вперед, вотъ ужъ ея и не видно, а пройдетъ съ полчаса и гребцы ясно увидятъ парходные огни, а черезъ часъ будутъ уже у парходнаго трана. Такъ и въ жизни... Въ поискахъ за правдой люди дѣлаютъ два шага впередъ, шагъ назадъ. Странанія, ошибки и скука жизни бросаютъ ихъ назадъ, но жажда правды и упрямая воля гонять впередъ и впередъ. И кто знаетъ? Быть-можетъ, доплывутъ до настоящей правды...»

— Проща-а-ай! — крикнулъ Самойленко.

— Не видать и не слышать, — сказалъ дьяконъ. — Счастливой дороги!

Сталъ накрапывать дождь.

ПАЛАТА № 6.

I.

Въ больничномъ дворѣ стоитъ небольшой флигель, окруженный цѣлымъ лѣсомъ ренейника, крапивы и дикой конопли. Крыша на немъ ржавая, труба наполовину обвалилась, ступеньки у крыльца сгнили и поросли травой, а отъ штукатурки остались одни только слѣды. Переднимъ фасадомъ обращенъ онъ къ больницѣ, заднимъ—глядитъ въ поле, отъ котораго отдѣляетъ его сѣрый больничный заборъ съ гвоздями. Эти гвозди, обращенные остріями кверху, и заборъ, и самый флигель имѣютъ тотъ особый унылый, окаянный видъ, какой у насъ бываетъ только у больничныхъ и тюремныхъ построекъ.

Если вы не боятесь ожечься о крапиву, то пойдите по узкой тропинкѣ, ведущей къ флигелю, и посмотримъ, что дѣлается внутри. Отворивъ первую дверь, мы входимъ въ сѣни. Здѣсь у стѣнъ и около печки навалены цѣлыя горы больничнаго хлама. Матрацы, старые изодранные халаты, панталоны, рубахи съ синими полосками, викауда негодная, истасканная обувь,—вся эта рвань свалена въ кучи, перемята, спуталась, гніетъ и издаетъ удушливый запахъ.

На хламѣ всегда съ трубкой въ зубахъ лежитъ сторожъ Пикита, старый отставной солдатъ съ порыжѣлыми паншиками. У него суровое, испитое лицо, нависшія брови, придающія лицу выраженіе степной овчарки, и красный носъ; онъ невысокъ ростомъ, на видъ сухощавъ и жилистъ, но осанка у него внушительная и кулаки здоровенные. При-

надлежитъ онъ къ числу тѣхъ простодушныхъ, положительныхъ, исполнительныхъ и тупыхъ людей, которые больше всего на свѣтѣ любятъ порядокъ и потому убѣждены, что ихъ надо бить. Онъ бьетъ по лицу, по груди, по спинѣ, по чемъ попало, и увѣренъ, что безъ этого не было бы здѣсь порядка.

Далѣе вы входите въ большую, просторную комнату, занимающую весь флигель, если не считать сѣней. Стѣны здѣсь вымазаны грязно-голубой краской, потолокъ закопченъ, какъ въ курной избѣ,—ясно, что здѣсь зимой дымятъ печи и бываетъ угарно. Окна изнутри обезображены желѣзными рѣшетками. Полъ сѣръ и занозистъ. Возиеть кислою канустой, фитильною гарью, клопами и амміакомъ, и эта вонь въ первую минуту производитъ на васъ такое впечатлѣніе, какъ будто вы входите въ зѣфирнецъ.

Въ комнатѣ стоятъ кровати, привинченныя къ полу. На нихъ сидятъ и лежатъ люди въ синихъ больничныхъ халатахъ и по-старинному въ колпакахъ. Это—сумасшедшіе.

Всѣхъ ихъ здѣсь пять человѣкъ. Только одинъ благороднаго званія, остальные же всѣ мѣщане. Первый отъ двери, высокій, худощавый мѣщанинъ съ рыжими, блестящими усами и съ заплаканными глазами, сидитъ, подперевъ голову, и глядитъ въ одну точку. День и ночь онъ груститъ, покачивая головой, выдыхая и горько улыбаясь; въ разговорахъ онъ рѣдко принимаетъ участіе и на вопросы обыкновенно не отвѣчаетъ. Встать и пить онъ машинально, когда даютъ. Судя по мучительному, бьющему кашлю, худобѣ и румянцу на щекахъ, у него начинается чахотка.

За нимъ слѣдуетъ маленькій, живой, очень подвижной старикъ съ острою бородкой и съ черными, кудрявыми, какъ у негра, волосами. Днем онъ прогуливается по палатѣ отъ окна къ окну или сидитъ на своей постели, поджавъ по-турецки ноги, и неутомимо, какъ снегирь, насвистываетъ, тихо поетъ и хихикаетъ. Дѣтская веселость и живой характеръ проявляетъ онъ и ночью, когда встаетъ за тѣмъ, чтобы помолиться Богу, то-есть постучать себя кулаками по груди и поковырять пальцемъ въ дверяхъ. Это жидъ Мойсейка, дурачокъ, помѣшавшійся лѣтъ двадцать назадъ, когда у него сторѣла шаночная мастерская.

Изъ всѣхъ обитателей палаты № 6 только ему одному позволяется выходить изъ флигеля и даже изъ больничнаго

двора на улицу. Такой привилегией онъ пользуется издавна, вѣроятно, какъ больничный старожилъ и какъ тихій, безвредный дурачокъ, городской шутъ, котораго давно уже привыкли видѣть на улицахъ, окруженнымъ мальчишками и собаками. Въ халатишкѣ, въ смѣшномъ колпакѣ и въ туфляхъ, иногда босикомъ и даже безъ панталонъ, онъ ходитъ по улицамъ, останавливаясь у воротъ и лавочекъ, и проситъ копейку. Въ одномъ мѣстѣ дадутъ ему квасу, въ другомъ—хлѣба, въ третьемъ—копейку, такъ что возвращается онъ во флигель обыкновенно сытымъ и богатымъ. Все, что онъ приноситъ съ собою, отбираетъ у него Никита въ свою пользу. Дѣлаетъ это солдатъ грубо, съ сердцемъ, выворачивая карманы и призывая Бога въ свидѣтели, что онъ никогда уже больше не станетъ пускать жидка на улицу и что безпорядки для него хуже всего на свѣтѣ.

Моисейка любитъ услуживать. Онъ подаетъ товарищамъ воду, укрываетъ ихъ, когда они спятъ, обѣщаетъ каждому принести съ улицы по копейкѣ и шить по новой шапкѣ; онъ же кормитъ съ ложки своего сосѣда съ лѣвой стороны, паралитика. Поступаетъ онъ такъ не изъ состраданія и не изъ какихъ-либо соображеній гуманнаго свойства, а подражая и невольно подчиняясь своему сосѣду съ правой стороны, Грому.

Иванъ Дмитричъ Громовъ, мужчина лѣтъ тридцати трехъ, изъ благородныхъ, бывший судебный приставъ и губернский секретарь, страдаетъ маніей преслѣдованія. Онъ или лежитъ на постели, свернувшись калачикомъ, или же ходитъ изъ угла въ уголь, какъ бы для моціона, сидитъ же очень рѣдко. Онъ всегда возбужденъ, взволнованъ и напряженъ какимъ-то смутнымъ, неопредѣленнымъ ожиданіемъ. Достаточно малѣйшаго шороха въ сѣняхъ или крика на дворѣ, чтобы онъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться: не за нимъ ли это идутъ? Не его ли ищутъ? И лицо его при этомъ выражаетъ крайнее безпокойство и отвращеніе.

Миѣ нравится его широкое, скуластое лицо, всегда блѣдное и несчастное, отражающее въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, замученную борьбой и продолжительнымъ страхомъ душу. Grimасы его странны и болѣзненны, но тонкія черты, положенныя на его лицо глубокимъ искреннимъ страданіемъ, разумны и интеллигентны, и въ глазахъ теплый, здоровый

блескъ. Правится мнѣ онъ самъ, вѣжливый, услужливый и необыкновенно деликатный въ обращеніи со всѣми, кромѣ Никиты. Когда кто-нибудь роняетъ пуговку или ложку, онъ быстро вскакиваетъ съ постели и поднимаетъ. Каждое утро онъ поздравляетъ своихъ товарищей съ добрымъ утромъ, ложась спать—желаетъ имъ спокойной ночи.

Кромѣ постоянно напряженнаго состоянія и гримасничанья, сумасшествіе его выражается еще въ слѣдующемъ. Иногда по вечерамъ онъ запахивается въ свой халатикъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, стуча зубами, начинаетъ быстро ходить изъ угла въ уголъ и между кроватей. Похоже на то, какъ будто у него сильная лихорадка. По тому, какъ онъ внезапно останавливается и выглядываетъ на товарищей, видно, что ему хочется сказать что-то очень важное, но, повидимому, соображая, что его не будутъ слушать или не поймутъ, онъ нетерпѣливо встряхиваетъ головой и продолжаетъ шагать. Но скоро желаніе говорить беретъ верхъ надъ всякими соображеніями, и онъ даетъ себѣ волю и говоритъ горячо и страстно. Рѣчь его безпорядочна, лихорадочна, какъ бредъ, порывиста и не всегда понятна, но зато въ ней слышится, и въ словахъ, и въ голосѣ, что-то чрезвычайно хорошее. Когда онъ говоритъ, вы узнаете въ немъ сумасшедшаго и человѣка. Трудно передать на бумагѣ его безумную рѣчь. Говоритъ онъ о человѣческой подлости, о насиліи, попирающемъ правду, о прекрасной жизни, какал со временемъ будетъ на землѣ, объ оконныхъ рѣшеткахъ, напоминающихъ ему каждую минуту о тупости и жестокости насильниковъ. Получается безпорядочное, нескладное попури изъ старыхъ, но еще недопѣтыхъ пѣсень.

II.

Лѣтъ 12—15 тому назадъ, въ городѣ, на самой главной улицѣ, въ собственномъ домѣ проживалъ чиновникъ Громовъ, человѣкъ солидный и зажиточный. У него было два сына: Сергѣй и Иванъ. Будучи уже студентомъ четвертаго курса, Сергѣй заболѣлъ скоротечною чахоткой и умеръ, и эта смерть какъ бы послужила началомъ цѣлаго ряда несчастій, которыя вдругъ посыпались на семью Громовыхъ. Черезъ недѣлю послѣ похоронъ Сергѣя старикъ-отецъ былъ отданъ подъ судъ за подлоги и растраты и вскорѣ умеръ въ тюремной больницѣ отъ тифа. Домъ и вся движимость

были проданы съ молотка, и Иванъ Дмитричь съ матерью остались безъ всякихъ средствъ.

Прежде, при отцѣ, Иванъ Дмитричь, проживая въ Петербургѣ, гдѣ онъ учился въ университетѣ, получалъ 60—70 рублей въ мѣсяць и не имѣлъ никакого понятія о нуждѣ, теперь же ему пришлось рѣзко измѣнить свою жизнь. Онъ долженъ былъ отъ утра до ночи давать грошевые уроки, заниматься перепиской и все-таки голодать, такъ какъ весь заработокъ посылался матери на пропитаніе. Такой жизни не выдержалъ Иванъ Дмитричь; онъ палъ духомъ, захирѣлъ и, бросивъ университетъ, уѣхалъ домой. Здѣсь, въ городкѣ, онъ по протекціи получилъ мѣсто учителя въ уѣздномъ училищѣ, но не сошелся съ товарищами, не понравился ученикамъ и скоро бросилъ мѣсто. Умерла мать. Онъ съ полгода ходилъ безъ мѣста, питаясь только хлѣбомъ и водой, затѣмъ поступилъ въ судебныя пристава. Эту должность занималъ онъ до тѣхъ поръ, пока не былъ уволенъ по болѣзни.

Онъ никогда, даже въ молодые студенческіе годы, не производилъ впечатлѣнія здороваго. Всегда онъ былъ блѣденъ, худъ, подверженъ простудѣ, мало ѣлъ, дурно спалъ. Отъ одной рюмки вина у него кружилась голова и дѣлалась истерика. Его всегда тянуло къ людямъ, но, благодаря своему раздражительному характеру и мнительности, онъ ни съ кѣмъ близко не сходился и друзей не имѣлъ. О горожанамъ онъ всегда отзывался съ презрѣніемъ, говоря, что ихъ грубое невѣжество и сонная животная жизнь кажутся ему мерзкими и отвратительными. Говорилъ онъ теноромъ, громко, горячо и не иначе, какъ негодуя и возмущаясь, или съ восторгомъ и удивленіемъ, и всегда искренно. О чемъ, бывало, ни заговоришь съ нимъ, онъ все сводитъ къ одному: въ городѣ душно и скучно жить, у общества нѣтъ высшихъ интересовъ, оно ведетъ тусклую, безмысленную жизнь, разнообразя ее насиліемъ, грубымъ развратомъ и лицемеріемъ; подлецы сыты и одѣты, а честные питаются крохами; нужны школы, мѣстная газета съ честнымъ направленіемъ, театръ, публичныя чтенія, сплоченность интеллигентныхъ силъ; нужно, чтобъ общество сознало себя и ужаснулось. Въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ онъ клалъ густыя краски, только бѣлую и черную, не признавая никакихъ оттѣнковъ; челоуѣчество дѣлалось у него на чест-

ныхъ и подлецовъ; середины же не было. О женщинахъ и любви онъ всегда говорилъ страстно, съ восторгомъ, но ни разу не былъ влюбленъ.

Въ городѣ, несмотря на рѣзкость его суждений и нервно-сть, его любили и за глаза ласково называли Ваней. Его врожденная деликатность, услужливость, порядочность, нравственная чистота и его поношенный сюртучокъ, болѣзненный видъ и семейныя несчастія внушали хорошее, теплое и грустное чувство; къ тому же, онъ былъ хорошо образованъ и начитанъ, зналъ, по мнѣнiю горожанъ, все и былъ въ городѣ чѣмъ-то въ родѣ ходячаго справочнаго словаря.

Читалъ онъ очень много. Бывало, все сидитъ въ клубѣ, нервно теревитъ бородку и перелистываетъ журналы и книги; и по лицу его видно, что онъ не читаетъ, а глотаетъ, едва успѣвъ разжевать. Надо думать, что чтенiе было одною изъ его болѣзненныхъ привычекъ, такъ какъ онъ съ одинаковою жадностью набрасывался на все, что попадало ему подъ руки, даже на прошлогодніе газеты и календари. Дома у себя читалъ онъ всегда лежа.

III.

Однажды осеннимъ утромъ, поднявъ воротникъ своего пальто и шлепая по грязи, по переулкамъ и задворкамъ пробирался Иванъ Дмитричъ къ какому-то мѣщанину, чтобы получить по исполнительному листу. Настроенiе у него было мрачное, какъ всегда по утрамъ. Въ одномъ изъ переулковъ встрѣтились ему два арестанта въ кандалахъ и съ ними четыре конвойныхъ съ ружьями. Раньше Иванъ Дмитричъ очень часто встрѣчалъ арестантовъ, и всякій разъ они возбуждали въ немъ чувства состраданiя и неловкости, теперь же эта встрѣча произвела на него какое-то особенное, странное впечатлѣнiе. Ему вдругъ почему-то показалось, что его тоже могутъ заковать въ кандалы и такимъ же образомъ вести по грязи въ тюрьму. Побывавъ у мѣщанина и возвращаясь къ себѣ домой, онъ встрѣтилъ около почты знакомаго полицейскаго надзирателя, который поздоровался и прошелъ съ нимъ по улицѣ нѣсколько шаговъ, и почему-то это показалось ему подозрительнымъ. Дома цѣлый день у него не выходили изъ головы арестанты и солдаты съ ружьями, и непонятная душевная тревога мѣшала ему

читать и сосредоточиться. Вечеромъ онъ не зажигалъ у себя огня, а ночью не спалъ и все думалъ о томъ, что его могутъ арестовать, заковать и посадить въ тюрьму. Онъ не зналъ за собой никакой вины и могъ поручиться, что и въ будущемъ никогда не убьетъ, не подожжетъ и не украдетъ; но развѣ трудно совершить преступленіе нечаянно, невольно, и развѣ не возможна клевета, наконецъ, судебная ошибка? Въд недаромъ же вѣковой народный опытъ учитъ отъ сумы да тюрьмы не зарекаться. А судебная ошибка при теперешнемъ судопроизводствѣ очень возможна, и ничего въ ней нѣтъ мудренаго. Люди, имѣющіе служебное, дѣловое отношеніе къ чужому страданію, напримѣръ, судьи, полицейскіе, врачи, съ теченіемъ времени, въ силу привычки, закаляются до такой степени, что хотѣли бы, да не могутъ относиться къ своимъ клиентамъ иначе, какъ формально; съ этой стороны они ничѣмъ не отличаются отъ мужика, который на задворкахъ рѣжетъ барановъ и телятъ и не замѣчаетъ крови. При формальномъ же, бездушномъ отношеніи къ личности, для того, чтобы невиннаго человѣка лишитъ всѣхъ правъ состоянія и присудитъ къ каторгѣ, судѣ нужно только одно: время. Только время на соблюденіе кое-какихъ формальностей, за которыя судѣ платятъ жалованье, а затѣмъ—все кончено. Ищи потомъ справедливости и защиты въ этомъ маленькомъ, грязномъ городишкѣ, за двѣсти верстъ отъ желѣзной дороги! Да и не смѣшно ли помышлять о справедливости, когда всякое насиліе встрѣчается обществомъ, какъ разумная и цѣлесообразная необходимостъ, и всякій актъ милосердія, напримѣръ, оправдательный приговоръ, вызываетъ цѣлый взрывъ неудовлетвореннаго, мстительнаго чувства?

Утромъ Иванъ Дмитричъ поднялся съ постели въ ужасѣ, съ холоднымъ потомъ на лбу, совсѣмъ уже увѣренный, что его могутъ арестовать каждую минуту. Если вчерашнія тяжелыя мысли такъ долго не оставляютъ его, — думалъ онъ,—то, значитъ, въ нихъ есть доля правды. Не могли же онъ въ самомъ дѣлѣ придти въ голову безо всякаго повода.

Городовой, не спѣша, прошелъ мимо оконъ: это недаромъ. Вотъ два человѣка остановились около дома и молчатъ. Почему они молчатъ?

И для Ивана Дмитрича наступили мучительные дни и

ночи. Все проходившіе мимо оконъ и входившіе во дворъ казались шпионами и сыщиками. Въ полдень обыкновенно исправникъ проѣзжалъ на карѣ по улицѣ; это онъ фхаль изъ своего подгороднаго имѣнія въ полицейское правленіе, но Ивану Дмитричу казалось каждыи разъ, что онъ ѣдетъ слишкомъ быстро и съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, очевидно, снѣшить объявить, что въ городѣ проявился очень важный преступникъ. Иванъ Дмитричъ вздрагивалъ при всякомъ звонкѣ и стукѣ въ ворота, томился, когда встрѣчалъ у хозяйки новаго человѣка; при встрѣчѣ съ полицейскими и жандармами улыбался и насмѣивался, чтобы казаться равнодушнымъ. Онъ не спалъ все ночи напролетъ, ожидая ареста, но громко храпѣлъ и выдыхалъ, какъ сонный, чтобы хозяйкѣ казалось, что онъ спитъ; вѣдь если не спитъ, то, значить, его мучаютъ угрызенія совѣсти—какая улика! Факты и здравая логика убѣждали его, что все эти страхи — вздоръ и психонатія, что въ арестѣ и тюрьмѣ; если взглянуть на дѣло пошире, въ сущности, нѣтъ ничего страшнаго, — была бы совѣсть спокойна; но чѣмъ умнѣе и логичнѣе онъ разсуждалъ, тѣмъ сильнѣе и мучительнѣе становилась душевная тревога. Это было похоже на то, какъ одинъ пустыинникъ хотѣлъ вырубить себѣ мѣстечко въ дѣвственномъ лѣсу; чѣмъ усерднѣе онъ работалъ топоромъ, тѣмъ гуще и сильнѣе разрастался лѣсъ. Иванъ Дмитричъ, въ концѣ концовъ, видя, что это бесполезно, совсѣмъ бросилъ разсуждать и весь отдался отчаянію и страху.

Онъ сталъ уединяться и избѣгать людей. Служба и раньше была ему противна, теперь же она стала для него невыносима. Онъ боялся, что его какъ-нибудь подведутъ, положить ему незамѣтно въ карманъ взятку и потомъ уличать, или онъ самъ нечаянно сдѣлаетъ въ казенныхъ бумагахъ ошибку, равносильную подлогу, или потеряетъ чужія деньги. Странно, что никогда въ другое время мысль его не была такъ гбока и изобрѣтательна, какъ теперь, когда онъ каждыи день выдумывалъ тысячи разнообразныхъ поводовъ къ тому, чтобы серьезно опасаться за свою свободу и честь. Но зато значительно ослабѣлъ интересъ къ виѣшнему міру, въ частности къ книгамъ, и стала сильно измѣнять память.

Весной, когда сошелъ снѣгъ, въ оврагѣ около кладбища

нашли два полустгнившіе трупа — старухи и мальчика, съ признаками насильственной смерти. Въ городѣ только и разговора было, что объ этихъ трупахъ и неизвѣстныхъ убійцахъ. Иванъ Дмитричъ, чтобы не подумали, что это онъ убилъ, ходилъ по улицамъ и улыбался, а при встрѣчѣ со знакомыми блѣднѣлъ, краснѣлъ и начиналъ увѣрять, что нѣтъ подлѣе преступленія, какъ убійство слабыхъ и беззащитныхъ. Но эта ложь скоро утомила его и, послѣ нѣкотораго размышленія, онъ рѣшилъ, что въ его положеніи самое лучшее—это спрятаться въ хозяйкинъ погребъ. Въ погребѣ просидѣлъ онъ день, потомъ ночь и другой день, сильно озябъ и, дождавшись потемокъ, тайкомъ, какъ воръ, пробрался къ себѣ въ комнату. До разсвѣта простоялъ онъ среди комнаты, не шевелясь и прислушиваясь. Рано утромъ до восхода солнца къ хозяйкѣ пришли печники. Иванъ Дмитричъ хорошо зналъ, что они пришли затѣмъ, чтобы переключивать въ кухнѣ печь, но страхъ подсказалъ ему, что это полицейскіе, переодѣтые печниками. Онъ потихоньку вышелъ изъ квартиры и, охваченный ужасомъ, безъ шапки и сюртука, побѣжалъ по улицѣ. За нимъ съ лаемъ гнались собаки, кричалъ гдѣ-то позади мужикъ, въ ушахъ свистѣлъ воздухъ, и Ивану Дмитричу казалось, что насиліе всего міра скопилось за его спиной и гонится за нимъ.

Его задержали, привели домой и послали хозяйку за докторомъ. Докторъ Андрей Ефимычъ, о которомъ рѣчь впереди, прописалъ холодныя прямочки на голову и лавровишневья капли, грустно покачалъ головой и ушелъ, сказавъ хозяйкѣ, что ужъ больше онъ не придетъ, потому что не слѣдуетъ мѣшать людямъ сходить съ ума. Такъ какъ дома не на что было жить и лѣчиться, то скоро Ивана Дмитрича отравили въ больницу и положили его тамъ въ палатѣ для венерическихъ больныхъ. Онъ не спалъ по ночамъ, капризничалъ и беспокоилъ больныхъ, и скоро, по распоряженію Андрея Ефимыча, былъ переведенъ въ палату № 6.

Черезъ годъ въ городѣ уже совершенно забыли про Ивана Дмитрича, и книги его, сваленныя хозяйкой въ сани подъ навѣсомъ, были растасканы мальчишками.

IV.

Сосѣдь съ лѣвой стороны у Ивана Дмитрича, какъ я уже сказалъ, жидъ Мойсейка, сосѣдь же съ правой — оплывшій жиромъ, почти круглый мужикъ съ тупымъ, совершенно безмысленнымъ лицомъ. Это — неподвижное, обжорливое и нечистоплотное животное, давно уже потерявшее способность мыслить и чувствовать. Отъ него постоянно идетъ острый, удушливый смрадъ.

Никита, убирающій за нимъ, бьетъ его страшно, со всего размаха, не щадя своихъ кулаковъ; и страшно тутъ не то, что его бьютъ, — къ этому можно привыкнуть, — а то, что это отупѣвшее животное не отвѣчаетъ на побои ни звукомъ, ни движеніемъ, ни выраженіемъ глазъ, а только слегка покачивается, какъ тяжелая бочка.

Пятый и послѣдній обитатель палаты № 6 — мѣщанинъ, служившій когда-то сортировщикомъ на почтѣ, маленький, худощавый блондинъ съ добрымъ, но нѣсколько лукавымъ лицомъ. Судя по умнымъ, покойнымъ глазамъ, смотрящимъ ясно и весело, онъ себѣ на умѣ и имѣетъ какую-то очень важную и пріятную тайну. У него есть подъ подушкой и подъ матрацомъ что-то такое, чего онъ никому не показываетъ, но не изъ страха, что могутъ отнять, или украсть, а изъ стыдливости. Иногда онъ подходитъ къ окну и обернувшись къ товарищамъ спиной, надѣваетъ себѣ что-то на грудь и смотритъ, нагнувъ голову; если въ это время подойти къ нему, то онъ сконфузится и сорветъ что-то съ груди. Но тайну его угадать не трудно.

— Поздравьте меня, — говоритъ онъ часто Ивану Дмитричу: — я представленъ къ Станиславу второй степени со звѣздой. Вторую степень со звѣздой даютъ только иностранцамъ, но для меня почему-то хотятъ сдѣлать исключеніе, — улыбается онъ, въ недоумѣніи пожимая плечами. — Вотъ ужъ, признаться, не ожидалъ!

— Я въ этомъ ничего не понимаю, — угрюмо заявляетъ Иванъ Дмитричъ.

— Но знаете, чего я рано или поздно добыюсь? — продолжаетъ бывшій сортировщикъ, лукаво щура глаза. — Я непременно получу шведскую «Полярную Звѣзду». Орденъ такой, что стѣдуетъ похлопотать. Бѣлый крестъ и черная лента. Это очень красиво.

Вѣроятно, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ такъ жизнь не однообразна, какъ во флигелѣ. Утромъ больные, кромѣ паралитика и толстаго мужика, умываются въ сѣняхъ изъ большого ушата и утираются фалдами халатовъ; послѣ этого пьютъ изъ оловянныхъ кружекъ чай, который приноситъ изъ главнаго корпуса Никита. Каждому полагается по одной кружкѣ. Въ полдень ѣдятъ щи изъ кислой капусты и кашу, вечеромъ ужинаютъ кашей, оставшеюся отъ обѣда. Въ промежуткахъ лежать, спать, глядятъ въ окна и ходятъ изъ угла въ уголъ. И такъ каждый день. Даже бывшій сортировщикъ говоритъ все объ однихъ и тѣхъ же орденахъ.

Свѣжихъ людей рѣдко видятъ въ палатѣ № 6. Новыхъ помѣшанныхъ докторъ давно уже не принимаетъ, а любителей посѣщать сумасшедшіе дома немного на этомъ свѣтѣ. Разъ въ два мѣсяца бываетъ во флигелѣ Семенъ Лазаричъ, цырюльникъ. Какъ онъ стрижетъ сумасшедшихъ и какъ Никита помогаетъ ему дѣлать это, и въ какое смятеніе приходятъ больные всякій разъ при появленіи пьянаго улыбающагося цырюльника, мы говорить не будемъ.

Кромѣ цырюльника никто не заглядываетъ во флигель. Больные осуждены видѣть изо дня въ день одного только Никиту.

Впрочемъ, недавно по больничному корпусу разнесся довольно странный слухъ.

Распустили слухъ, что палату № 6 будто бы сталъ посѣщать докторъ.

V.

Странный слухъ!

Докторъ Андрей Ефимычъ Рагинъ—замѣчательный человекъ въ своемъ родѣ. Говорятъ, что въ ранней молодости онъ былъ очень набоженъ и готовилъ себя къ духовной карьерѣ, и что, кончивъ въ 1863 году курсъ въ гимназін, онъ намѣревался поступить въ духовную академію, но будто бы его отецъ, докторъ медицины и хирургъ, ѣдко посмѣялся надъ нимъ и заявилъ категорически, что не будетъ считать его своимъ сыномъ, если онъ пойдетъ въ попы. Насколько это вѣрно—не знаю, но самъ Андрей Ефимычъ не разъ признавался, что онъ никогда не чувствовалъ призванія къ медицинѣ и вообще къ спеціальнымъ наукамъ.

Какъ бы то ни было, кончивъ курсъ по медицинскому факультету, онъ въ священники не постригся. Набожности онъ не проявлялъ и на духовную особу въ началѣ своей врачебной карьеры походилъ такъ же мало, какъ теперь.

Наружность у него тяжелая, грубая, мужицкая; своимъ лицомъ, бородой, плоскими волосами и крѣпкимъ, неуклюжимъ сложеніемъ напоминаетъ онъ трактирщика на большой дорогѣ, разѣвшагося, невоздержнаго и крутого. Лицо суровое, покрыто синими жилками, глаза маленькіе, носъ красный. При высокомъ ростѣ и широкихъ плечахъ у него громадныя руки и ноги; кажется, хватить кулакомъ— духъ вонъ. Но поступь у него тихая и походка осторожная, вкрадчивая; при встрѣчѣ въ узкомъ коридорѣ онъ всегда первый останавливается, чтобы дать дорогу, и не басомъ, какъ ждешь, а тонкимъ, мягкимъ теноркомъ говорить: «виновать!» У него на шеѣ небольшая опухоль, которая мѣшаетъ ему носить жесткіе крахмальные воротнички, и потому онъ всегда ходитъ въ мягкой полотняной или ситцевой сорочкѣ. Вообще, одѣвается онъ не по-докторски. Одну и ту же пару онъ таскаетъ лѣтъ по десяти, а новая одежда, которую онъ обыкновенно покупаетъ въ жидовской лавкѣ, кажется на немъ такою же поношеною и помятою, какъ старая; въ одномъ и томъ же сюртукѣ онъ и больныхъ принимаетъ, и обѣдаетъ, и въ гости ходитъ; но это не изъ скудости, а отъ полного невниманія къ своей наружности.

Когда Андрей Ефимычъ пріѣхалъ въ городъ, чтобы принять должность, «богоугодное заведеніе» находилось въ ужасномъ состояніи. Въ палатахъ, коридорахъ и въ больничномъ дворѣ тяжело было дышать отъ смрада. Больничные мужики, сидѣлки и ихъ дѣти спали въ палатахъ вмѣстѣ съ больными. Жаловались, что житья нѣтъ отъ таракановъ, клоповъ и мышей. Въ хирургическомъ отдѣленіи не переводилась рожь. На всю больницу было только два скальпеля и ни одного термометра, въ ваннахъ держали картофель. Смотритель, кастелянша и фельдшеръ грабили больныхъ, а про стараго доктора, предшественника Андрея Ефимыча, рассказывали, будто онъ занимался тайною продажей больничнаго спирта и завелъ себѣ изъ сидѣлокъ и больныхъ женщинъ цѣлый гаремъ. Въ городѣ отлично знали про эти безпорядки и даже преувеличивали ихъ, но

относились къ нимъ спокойно; одни оправдывали ихъ тѣмъ, что въ больницу ложатся только мѣщане и мужики, которые не могутъ быть недовольны, такъ какъ дома живутъ гораздо хуже, чѣмъ въ больницѣ; не рябчиками же ихъ кормить! Другіе же въ оправданіе говорили, что одному городу безъ помощи земства не годъ силу содержать хорошую больницу; слава Богу, что хоть плохая да есть. А молодое земство не открывало лѣчебницы ни въ городѣ, ни возлѣ, ссылаясь на то, что городъ уже имѣетъ свою больницу.

Осмотрѣвъ больницу, Андрей Ефимычъ пришелъ къ заключенію, что это учрежденіе безнравственное и въ высшей степени вредное для здоровья жителей. Но его мнѣнію, самое умное, что можно было сдѣлать, это — выпустить больныхъ на волю, а больницу закрыть. Но онъ разсудилъ, что для этого недостаточно одной только его воли и что это было бы бесполезно; если физическую и нравственную нечистоту прогнать съ одного мѣста, то она перейдетъ на другое; надо ждать, когда она сама вывѣтрится. Къ тому же, если люди открывали больницу и терпятъ ее у себя, то, значитъ, она имъ нужна; предрасудки и всѣ эти житейскія гадости и мерзости нужны, такъ какъ они съ теченіемъ времени перерабатываются во что-нибудь путное, какъ навозъ въ черноземъ. На землѣ нѣтъ ничего такого хорошаго, что въ своемъ первоисточникѣ не имѣло бы гадости.

Принявъ должность, Андрей Ефимычъ отнесся къ безпорядкамъ, повидимому, довольно равнодушно. Онъ попросилъ только больничныхъ мужиковъ и сидѣлокъ не почевать въ палатахъ и поставилъ два шкапа съ инструментами; смотритель же, кастелянша, фельдшеръ и хирургическая рожь остались на своихъ мѣстахъ.

Андрей Ефимычъ чрезвычайно любитъ умъ и честность, но чтобы устроить около себя жизнь умную и честную, у него не хватаетъ характера и вѣры въ свое право. Приказывать, запрещать и настаивать онъ положительно не умѣетъ. Похоже на то, какъ будто онъ далъ обѣтъ никогда не повышать голоса и не употреблять повелительнаго наклоненія. Сказать «дай» или «принеси» ему трудно; когда ему хочется ѣсть, онъ нерѣшительно покашливаетъ и говоритъ кухаркѣ: «Какъ бы мнѣ чаю»... или: «Какъ бы мнѣ

пообѣдать». Сказать же смотрителю, чтобъ онъ пересталъ красть, или прогнать его, или совѣтъ упразднить эту ненужную паразитную должность — для него совершенно не подь силу. Когда обманываютъ Андрея Ефимыча или льстятъ ему, или подносятъ для подписи завѣдомо подлый счетъ, то онъ краснѣетъ, какъ ракъ, и чувствуетъ себя виноватымъ, но счетъ все-таки подписываетъ; когда больные жалуются ему на голодь или на грубыхъ сидѣлокъ, онъ конфузится и виновато бормочетъ:

— Хорошо, хорошо, я разберу послѣ... Вѣроятно, тутъ недоразумѣнїе...

Въ первое время Андрей Ефимычъ работалъ очень усердно. Онъ принималъ ежедневно съ утра до обѣда, дѣлалъ операціи и даже занимался акушерской практикой. Дамы говорили про него, что онъ внимателенъ и отлично угадываетъ болѣзни, особенно дѣтскія и женскія. Но съ теченіемъ времени дѣло замѣтно прискучило ему своимъ однообразиемъ и очевидною бесполезностью. Сегодня примешь 30 больныхъ, а завтра, глядишь, привалило ихъ 35, послѣзавтра 40, и такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ, а смертность въ городѣ не уменьшается, и больные не перестаютъ ходить. Оказать серьезную помощь 40 приходящимъ больнымъ отъ утра до обѣда нѣтъ физической возможности, значить, поневолѣ выходитъ одинъ обманъ. Принято въ отчетномъ году 12.000 приходящихъ больныхъ, значить, попросту разсуждая, обмануто 12.000 человекъ. Класть же серьезныхъ больныхъ въ палаты и заниматься ими по правиламъ науки тоже нельзя, потому что правила есть, а науки нѣтъ; если же оставить философію и педантически слѣдовать правиламъ, какъ прочіе врачи, то для этого, прежде всего, нужны чистота и вентиляція, а не грязь, здоровая пища, а не щи изъ вонючей кислой капусты, и хорошіе помощники, а не воры.

Да и къ чему мѣшать людямъ умирать, если смерть есть нормальный и законный конецъ каждому? Что изъ того, если какой-нибудь торгошъ или чиновникъ проживетъ лишнихъ пять, десять лѣтъ? Если же видѣть цѣль медицины въ томъ, что лѣкарства облегчаютъ страданія, то невольно напрашивается вопросъ: зачѣмъ ихъ облегчать? Во-первыхъ, говорить, что страданія ведутъ человека къ совершенству, и, во-вторыхъ, если человечество въ самомъ дѣлѣ научится

облегчать свои страданія пилюлями и каплями, то оно совершенно забросить религію и философію, въ которыхъ до сихъ поръ находило не только защиту отъ всякихъ бѣдъ, но даже счастье. Пушкинъ передъ смертію испытывалъ страшныя мученія, бѣдняжка Гейне нѣсколько лѣтъ лежалъ въ параличѣ; почему же не поболѣтъ какому-нибудь Андрею Ефимычу или Матренѣ Савиной, жизнь которыхъ безсодержательна и была бы совершенно пуста и похожа на жизнь амѣбы, если бы не страданія?

Подавляемый такими разсужденіями, Андрей Ефимычъ опустилъ руки и сталъ ходить въ больницу не каждый день.

VI.

Жизнь его проходитъ такъ. Обыкновенно онъ встаетъ утромъ часовъ въ восемь, одѣвается и пьетъ чай. Потомъ садится у себя въ кабинетъ читать или идетъ въ больницу. Здѣсь, въ больницѣ, въ узкомъ темномъ коридорчикѣ сидятъ амбулаторныя больныя, ожидающіе пріемки. Мимо нихъ, стуча саногамъ по кирпичному полу, бѣгаютъ мужики и сидѣлки, проходятъ тощія больныя въ халатахъ, проносятъ мертвецомъ и посуду съ нечистотами, плачутъ дѣти, дуетъ сквозной вѣтеръ. Андрей Ефимычъ знаетъ, что для лихорадящихъ, чахоточныхъ и вообще впечатлительныхъ больныхъ такая обстановка мучительна, но что подѣлаешь? Въ пріемной встрѣчаетъ его фельдшеръ Сергѣй Сергѣичъ, маленькій, толстый человекъ съ бритымъ, чисто вымытымъ, пухлымъ лицомъ, съ мягкими плавными манерами и въ новомъ просторномъ костюмѣ, похожій больше на сенатора, чѣмъ на фельдшера. Въ городѣ онъ имѣетъ громадную практику, носитъ бѣлый галстукъ и считаетъ себя болѣе свѣдущимъ, чѣмъ докторъ, который совсѣмъ не имѣетъ практики. Въ углу, въ пріемной, стоитъ большой образъ въ кіотѣ, съ тяжелою лампадой, возлѣ — ставникъ въ бѣломъ чехлѣ; на стѣнахъ висятъ портреты архіереевъ, видъ Святогорскаго монастыря и вѣнки изъ сухихъ васильковъ. Сергѣй Сергѣичъ религіозенъ и любитъ благолѣпіе. Образъ поставленъ его иждивеніемъ; по воскресеньямъ въ пріемной кто-нибудь изъ больныхъ, по его приказанію, читаетъ вслухъ акаанствъ, а послѣ чтенія самъ Сергѣй Сергѣичъ обходитъ всѣ палаты съ кадилницей и кадитъ въ нихъ ладаномъ.

Больныхъ много, а времени мало, и потому дѣло ограничивается однимъ только короткимъ опросомъ и выдачей какого-нибудь лѣкарства, въ родѣ летучей мази или касторки. Андрей Ефимычъ сидитъ, подперевъ щеку кулакомъ, задумавшись и машинально задаетъ вопросы. Сергѣй Сергѣичъ тоже сидитъ, потираетъ свои ручки и изрѣдка вмѣшивается.

— Болѣемъ и нужду терпимъ оттого,— говоритъ онъ: — что Господу милосердному плохо молимся. Да!

Во время пріемки Андрей Ефимычъ не дѣлаетъ никакихъ операций; онъ давно уже отвыкъ отъ нихъ и видъ крови его непріятно волнуетъ. Когда ему приходится раскрывать ребенку ротъ, чтобы заглянуть въ горло, а ребенокъ кричитъ и защищается ручонками, то отъ шума въ ушахъ у него кружится голова и выступаютъ слезы на глазахъ. Онъ торопится прописать лѣкарство и машетъ руками, чтобы баба поскорѣе унесла ребенка.

На пріемкѣ скоро ему прискучаютъ робость больныхъ и ихъ безтолковость, близость благолѣпнаго Сергѣя Сергѣича, портреты на стѣнахъ и свои собственные вопросы, которые онъ задаетъ неизмѣнно уже болѣе двадцати лѣтъ. И онъ уходитъ, принявъ пять-шесть больныхъ. Остальныхъ безъ него принимаетъ фельдшеръ.

Съ пріятною мыслью, что, слава Богу, частной практики у него давно уже нѣтъ и что ему никто не помѣшаетъ, Андрей Ефимычъ, придя домой, немедленно садится въ кабинетъ за столъ и начинаетъ читать. Читаетъ онъ очень много и всегда съ большимъ удовольствіемъ. Половина жалованья уходитъ у него на покупку книгъ, и изъ шести комнатъ его квартиры три завалены книгами и старыми журналами. Больше всего онъ любитъ сочиненія по исторіи и философіи; по медицинѣ же выписываетъ одного только «Врача», котораго всегда начинаетъ читать съ конца. Чтеніе всякій разъ продолжается безъ перерыва по нѣскольکو часовъ и его не утомляетъ. Читаетъ онъ не такъ быстро и порывисто, какъ когда-то читалъ Иванъ Дмитричъ, а медленно, съ проникновеніемъ, часто останавливаясь на мѣстахъ, которыя ему нравятся или непонятны. Около книги всегда стоитъ графинчикъ съ водкой и лежитъ соленый огурецъ или моченое яблоко прямо на сукнѣ, безъ тарелки. Черезъ каждыя полчаса онъ, не отрывая глазъ отъ книги, нали-

ваетъ себѣ рюмку водки и выпиваетъ, потомъ, не глядя, нащупываетъ огурецъ и откусываетъ кусочекъ.

Въ три часа онъ осторожно подходитъ къ кухонной двери, кашляетъ и говоритъ:

— Дарьюшка, какъ бы мнѣ пообѣдать...

Послѣ обѣда, довольно плохого и неопрятнаго, Андрей Ефимычъ ходитъ по своимъ комнатамъ, скрестивъ на груди руки, и думаетъ. Бьетъ четыре часа, потомъ пять, а онъ все ходитъ и думаетъ. Изрѣдка поскрипываетъ кухонная дверь и показывается изъ нея красное, заспанное лицо Дарьюшки.

— Андрей Ефимычъ, вамъ не пора пиво пить?—спрашиваетъ она озабоченно.

— Нѣтъ, еще не время...—отвѣчаетъ онъ.—Я погожу... погожу...

Къ вечеру обыкновенно приходитъ почтмейстеръ, Михаилъ Аверьянычъ, единственный во всемъ городѣ чело-вѣкъ, общество котораго для Андрея Ефимыча не тягостно. Михаилъ Аверьянычъ когда-то былъ очень богатымъ помѣщикомъ и служилъ въ кавалеріи, но разорился и изъ нужды поступилъ подъ старость въ почтовое вѣдомство. У него бодрый, здоровый видъ, роскошные сѣдые бакены, благовоспитанныя манеры и громкій пріятный голосъ. Онъ добръ и чувствителенъ, но вспыльчивъ. Когда на почтѣ кто-нибудь изъ посѣтителей протестуетъ, не соглашается или просто начинается разсуждать, то Михаилъ Аверьянычъ багровѣетъ, трясется всемъ тѣломъ и кричитъ громовымъ голосомъ: «Замолчать!» такъ что за почтовымъ отдѣленіемъ давно уже установилась репутація учрежденія, въ которомъ страшно бывать. Михаилъ Аверьянычъ уважаетъ и любитъ Андрея Ефимыча за образованность и благородство души, къ прочимъ же обывателямъ относится свысока, какъ къ своимъ подчиненнымъ.

— А вотъ и я!—говоритъ онъ, входя къ Андрею Ефимычу.—Здравствуйте, мой дорогой! Небось я уже надоѣлъ вамъ, а?

— Напротивъ, очень радъ,—отвѣчаетъ ему докторъ.—Я всегда радъ вамъ.

Пріятели садятся въ кабинетъ на диванъ и нѣкоторое время молча курятъ.

— Дарьюшка, какъ бы намъ пива! — говоритъ Андрей Ефимычъ.

Первую бутылку выпиваютъ тоже молча: докторъ—задумавшись, а Михаилъ Аверьянычъ—съ веселымъ, оживленнымъ видомъ, какъ человекъ, который имѣетъ рассказать что-то очень интересное. Разговоръ всегда начинается докторъ.

— Какъ жаль. — говоритъ онъ медленно и тихо, покачивая головой и не глядя въ глаза собесѣднику (онъ никогда не смотритъ въ глаза):— какъ глубоко жаль, уважаемый Михаилъ Аверьянычъ, что въ нашемъ городѣ совершенно нѣтъ людей, которые бы умѣли и любили вести умную и интересную бесѣду. Это громадное для насъ лишеніе. Даже интеллигенція не возвышается надъ пошлостью; уровень ея развитія, увѣряю васъ, нисколько не выше, чѣмъ у низшаго сословія.

— Совершенно вѣрно. Согласенъ.

— Вы сами изволите знать, — продолжаетъ докторъ тихо и съ разстановкой:— что на этомъ свѣтѣ все незначительно и неинтересно, кромѣ высшихъ духовныхъ проявленій человеческого ума. Умъ проводитъ рѣзкую грань между животнымъ и человекомъ, намекаетъ на божественность послѣдняго и въ нѣкоторой степени даже замѣняетъ ему безсмертіе, котораго нѣтъ. Исходя изъ этого, умъ служитъ единственно возможнымъ источникомъ наслажденія. Мы же не видимъ и не слышимъ около себя ума, — значитъ, мы лишены наслажденія. Правда, у насъ есть книги, но это совсѣмъ не то, что живая бесѣда и общеніе. Если позволите сдѣлать не совсѣмъ удачное сравненіе, то книги—это ноты, а бесѣда—пѣніе.

— Совершенно вѣрно.

Наступаетъ молчаніе. Изъ кухни выходитъ Дарьюшка и съ выраженіемъ тупой скорби, подперевъ кулачкомъ лицо, останавливается въ дверяхъ, чтобы послушать.

— Эхъ! — вздыхаетъ Михаилъ Аверьянычъ. — Захотѣли отъ насъ ума!

И онъ рассказываетъ, какъ жилось прежде здорово, весело и интересно, какая была въ Россіи умная интеллигенція и какъ высоко она ставила понятія о чести и дружбѣ. Давали деньги взаймы безъ векселя, и считалось позоромъ не протянуть руку помощи нуждающемуся товарищу. А какіе

были походы, приключенія, стычки, какіе товарищи, какія женщины! А Кавказъ— какой удивительный край! А жена одного батальоннаго командира, странная женщина, надѣвала офицерское платье и уѣзжала по вечерамъ въ горы, одна безъ проводника. Говорятъ, что въ аулахъ у нея былъ романъ съ какимъ-то князькомъ.

— Царица небесная, матушка...—вздыхаетъ Дарьюшка.

— А какъ шло! Какъ фли! А какіе были отчаянные либералы!

Андрей Ефимычъ слушаетъ и не слышитъ; онъ о чемъ-то думаетъ и прихлебываетъ пиво.

— Миѣ часто снятся умные люди и бесѣды съ ними,— говоритъ онъ неожиданно, перебивая Михаила Аверьяныча.— Мой отецъ далъ миѣ прекрасное образованіе, но подъ вліяніемъ идей шестидесятыхъ годовъ заставилъ меня сдѣлаться врачомъ. Миѣ кажется, что если бъ я тогда не послушался его, то теперь я находился бы въ самомъ центрѣ умственнаго движенія. Вѣроятно, былъ бы членомъ какого-нибудь факультета. Конечно, умъ тоже не вѣченъ и преходящъ, но вы уже знаете, почему я питаю къ нему склонность. Жизнь есть досадная ловушка. Когда мыслящій человекъ достигаетъ возмужалости и приходитъ въ зрѣлое сознаніе, то онъ невольно чувствуетъ себя какъ бы въ ловушкѣ, изъ которой нѣтъ выхода. Въ самомъ дѣлѣ, противъ его воли вызванъ онъ какими-то случайностями изъ небытія къ жизни... Зачѣмъ? Хочетъ онъ узнать смыслъ и цѣль своего существованія, ему не говорятъ или же говорятъ нелѣпости; онъ стучится—ему не отворяютъ; къ нему приходитъ смерть—тоже противъ его воли. И вогь, какъ въ тюрьмѣ люди, связанные общимъ несчастіемъ, чувствуютъ себя легче, когда сходятся вмѣстѣ, такъ и въ жизни не замѣчаешь ловушки, когда люди, склонные къ анализу и обобщеніямъ, сходятся вмѣстѣ и проводятъ время въ обмѣнѣ гордыхъ, свободныхъ идей. Въ этомъ смыслѣ умъ есть наслажденіе незамѣнимое.

— Совершенно вѣрно.

Не глядя собесѣднику въ глаза, тихо и съ паузами. Андрей Ефимычъ продолжаетъ говорить объ умныхъ людяхъ и бесѣдахъ съ ними, а Михаилъ Аверьянычъ внимательно слушаетъ его и соглашается: «Совершенно вѣрно».

— А вы не вѣрите въ безсмертіе души?—вдругъ спрашиваетъ почтмейстеръ.

— Нѣтъ, уважаемый Михаилъ Аверьянычъ, не вѣрю и не имѣю основанія вѣрить.

— Признаться, и я сомнѣваюсь. А хотя, впрочемъ, у меня такое чувство, какъ будто я никогда не умру. Ой, думаю себѣ, старый хрѣнь, умирать пора! А въ душѣ какой-то голосочекъ: не вѣрь, не умрешь!..

Въ началѣ десятаго часа Михаилъ Аверьянычъ уходитъ. Надѣвая въ передней шубу, онъ говоритъ со вздохомъ:

— Однако, въ какую глушь занесла насъ судьба! До-садиѣ всего, что здѣсь и умирать придется. Охъ!..

VII.

Проводивъ пріятеля, Андрей Ефимычъ садится за столъ и опять начинаетъ читать. Тишина вечера и потомъ ночи не нарушается ни однимъ звукомъ и время, кажется, останавливается и замираетъ вмѣстѣ съ докторомъ надъ книгой, и кажется, что ничего не существуетъ, кромѣ этой книги и лампы съ зеленымъ колпакомъ. Грубое, мужицкое лицо доктора мало-по-малу озаряется улыбкой умленія и восторга передъ движеніями человѣческаго ума. О, зачѣмъ человѣкъ не безсмертенъ?—думаетъ онъ.—Зачѣмъ мозговые центры и извилины, зачѣмъ зрѣніе, рѣчь, самочувствіе, гений, если всему этому суждено уйти въ почву и въ концѣ концовъ, охладѣть вмѣстѣ съ земною корою, а потомъ миллионы лѣтъ безъ смысла и безъ цѣли носиться съ землею вокругъ солнца? Для того, чтобы охладѣть и потомъ носиться, совсѣмъ не нужно извлекать изъ небытія человѣка съ его высокимъ, почти божескимъ умомъ, и потомъ, словно въ насмѣшку, превращать его въ глину.

Обмѣняй веществъ! Но какая трусость утѣшать себя этимъ суррогатомъ безсмертія! Безсознательные процессы, происходящіе въ природѣ, ниже даже человѣческой глупости, такъ какъ въ глупости есть все-таки сознаніе и воля, въ процессахъ же ровно ничего. Только трусь, у котораго больше страха передъ смертью, чѣмъ достоинства, можетъ утѣшать себя тѣмъ, что тѣло его будетъ со временемъ жить въ травѣ, въ камнѣ, въ жабѣ... Видѣть свое безсмертіе въ обмѣнѣ веществъ такъ же странно, какъ пророчить бле-

стящую будущность футляру послѣ того, какъ разбилась п стала негодною дорогая скрипка.

Когда бьютъ часы, Андрей Ефимычъ откидывается на спинку кресла и закрываетъ глаза, чтобы немножко подумать. И невзначай, подъ влияніемъ хорошихъ мыслей, вычитанныхъ изъ книги, онъ бросаетъ взгляды на свое прошлое и на настоящее. Прошлое противно, лучше не вспоминать о немъ. А въ настоящемъ то же, что въ прошломъ. Онъ знаетъ, что въ то время, когда его мысли носятся вмѣстѣ съ охлажденною землею вокругъ солнца, рядомъ съ докторской квартирою, въ большомъ корпусѣ томятся люди въ болѣзняхъ и физической нечистотѣ; быть-можетъ, кто-нибудь не спитъ и воюетъ съ насѣкомыми, кто-нибудь заражается рожей или стонетъ отъ туги положенной повязки; быть-можетъ, больные играютъ въ карты съ сидѣлками и пьютъ водку. Въ отчетномъ году было обмануто 12.000 человѣкъ; все больничное дѣло, какъ и 20 лѣтъ назадъ, построено на воровствѣ, дразгахъ, сплетняхъ, кумовствѣ, на грубомъ шарлатанствѣ, и больница попрежнему представляетъ изъ себя учрежденіе безнравственное и въ высшей степени вредное для здоровья жителей. Онъ знаетъ, что въ палатѣ № 6 за рѣшетками Никита колотитъ больныхъ и что Мойсейка каждый день ходитъ по городу и собираетъ милостыню.

Съ другой же стороны, ему отлично извѣстно, что за послѣднія 25 лѣтъ съ медициной произошла сказочная перемѣна. Когда онъ учился въ университетѣ, ему казалось, что медицину скоро постигнетъ участь алхиміи и метафизики, теперь же, когда онъ читаетъ по почамъ, медицина трогаетъ его и возбуждаетъ въ немъ удивленіе и даже восторгъ. Въ самомъ дѣлѣ, какой неожиданный блескъ, какая революція! Благодаря антисептикѣ, дѣлаютъ операции, какія великій Пироговъ считалъ невозможными даже *in spe*. Обыкновенные земскіе врачи рѣшаются производить резекцію колѣннаго сустава, на сто чревосѣченій одинъ только смертный случай, а каменная болѣзнь считается такимъ пустякомъ, что о ней даже не пишутъ. Радикально излѣчивается сифилисъ. А теорія наследственности, гипнотизмъ, открытія Пастера и Коха, гигиена со статистикой, а наша русская земская медицина? Психіатрія съ ея теперешнею классификаціей болѣзней, мето-

дами распознаванія и лѣченія—это въ сравненіи съ тѣмъ, что было, цѣлый Эльборусъ. Теперь помѣшаннымъ не льютъ на голову холодную воду и не надѣваютъ на нихъ горячечныхъ рубашъ; ихъ содержатъ по-человѣчески и даже, какъ пишутъ въ газетахъ, устраиваютъ для нихъ спектакли и балы. Андрей Ефимычъ знаетъ, что при теперешнихъ взглядахъ и вкусахъ такая мерзость, какъ палата № 6, возможна развѣ только въ двухстахъ верстахъ отъ желѣзной дороги, въ городкѣ, гдѣ городской голова и всѣ гласные—полуграмотные мѣщане видящіе во врачѣ жреца, которому нужно вѣрить безъ всякой критики, хотя бы онъ вливалъ въ ротъ расплавленное олово; въ другомъ же мѣстѣ публика и газеты давно бы уже расхватали въ ключья эту маленькую Бастилю.

«Но что же? — спрашиваетъ себя Андрей Ефимычъ, открывая глаза.—Что же изъ этого? И антисептика, и Кохъ, и Пастеръ, а сущность дѣла нисколько не измѣнилась. Болѣзненность и смертность все тѣ же. Сумасшедшимъ устраиваютъ балы и спектакли, а на волю ихъ все-таки не выпускаютъ. Значитъ, все вздоръ и суета, и разницы между лучшей вѣнской клинкой и моею больницей, въ сущности, нѣтъ никакой».

Но скорбь и чувство, похожее на зависть, мѣшаютъ ему быть равнодушнымъ. Это, должно-быть, отъ утомленія. Тяжелая голова склоняется къ книгѣ, онъ кладетъ подъ лицо руки, чтобы мягче было, и думаетъ:

«Я служу вредному дѣлу и получаю жалованье отъ людей, которыхъ обманываю; я не честенъ. Но вѣдь самъ по себѣ я ничто, я только частица необходимаго социального зла: всѣ уѣздные чиновники вредны и даромъ получаютъ жалованье... Значитъ, въ своей нечестности виноватъ не я, а время... Родись я двумя стами лѣтъ позже, я былъ бы другимъ».

Когда бьетъ 3 часа, онъ тушитъ лампу и уходитъ въ спальню. Спать ему не хочется.

VIII.

Года два тому назадъ земство расщедрилось и постановило выдавать триста рублей ежегодно въ качествѣ пособія на усиленіе медицинскаго персонала въ городской больницѣ впредь до открытія земской больницы, и на помощь Андрею Ефимычу

былъ приглашенъ городомъ уѣздный врачъ Евгеній Федоричъ Хоботовъ. Это еще очень молодой человекъ — ему пять и тридцати, — высокій брюнетъ съ широкими скулами и маленькими глазками; вѣроятно, предки его были инородцами. Приѣхалъ онъ въ городъ безъ гроша денегъ, съ небольшимъ чемоданчикомъ и съ молодою некрасивою женщиной, которую онъ называетъ своею кухаркой. У этой женщины грудной младенецъ. Ходитъ Евгеній Федоричъ въ фуражкѣ съ козырькомъ и въ высокихъ сапогахъ, а зимой въ полушубкѣ. Онъ близко сошелся съ фельдшеромъ Сергѣемъ Сергѣичемъ и съ казначеемъ, а остальныхъ чиновниковъ называетъ почему-то аристократами и сторонится ихъ. Во всей квартирѣ у него есть только одна книга — «Новѣйшіе рецепты вѣнской клиники за 1881 г.». Идя къ больному, онъ всегда беретъ съ собою и эту книжку. Въ клубѣ по вечерамъ играетъ онъ въ биллиардъ, карты же не любитъ. Большой охотникъ употреблять въ разговорѣ такія слова, какъ «канитель», «мантифолія съ укусомъ», «будеть тебѣ тѣль наводить» и т. п.

Въ больницу онъ бываетъ два раза въ недѣлю, обходитъ палаты и дѣлаетъ приемку больныхъ. Совершенное отсутствіе антисептики и кровососныя банки возмущаютъ его, но новыхъ порядковъ онъ не вводитъ, боясь оскорбить этимъ Андрея Ефимыча. Своего коллегу Андрея Ефимыча онъ считаетъ старымъ плутомъ, подозреваетъ у него большія средства и тайнѣ завидуетъ ему. Онъ охотно бы занялъ его мѣсто.

IX.

Въ одинъ изъ весеннихъ вечеровъ, въ концѣ марта, когда уже на землѣ не было снѣга и въ большичномъ саду гбли скворцы, докторъ вышелъ проводить до воротъ своего пріятеля почтмейстера. Какъ разъ въ это время во дворъ входилъ жидъ Мойсейка, возвращавшійся съ добычи. Онъ былъ безъ шапки и въ мелкихъ калошахъ на босую ногу и въ рукахъ держалъ небольшой мѣшочекъ съ милостыней.

— Дай конечку! — обратился онъ къ доктору, дрожа отъ холода и улыбаясь.

Андрей Ефимычъ, который никогда не умѣлъ отказывать, педажъ ему гривенникъ.

«Какъ это не хорошо, — подумалъ онъ, глядя на его

босыя ноги съ красными тощими щиколками. — Вѣдь, мокро».

И, побуждаемый чувствомъ, похожимъ и на жалость, и на брезгливость, онъ пошелъ во флигель вслѣдъ за евреемъ, поглядывая то на его лысину, то на щиколки. При входѣ доктора, съ кучи хлама вскочилъ Никита и вытянулся.

— Здравствуй, Никита, — сказалъ мягко Андрей Ефимычъ. — Какъ бы этому еврею выдать сапоги, что ли, а то простудится.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе. Я доложу смотрителю.

— Пожалуйста. Ты попроси его отъ моего имени. Скажи, что я просилъ.

Дверь изъ сѣней въ палату была отворена. Иванъ Дмитричъ, лежа на кровати и приподнявшись на локоть, съ тревогой прислушивался къ чужому голосу и вдругъ узналъ доктора. Онъ весь затрясся отъ гнѣва, вскочилъ и съ краснымъ, злымъ лицомъ, съ глазами на выкатѣ, выбѣжалъ на середину палаты.

— Докторъ пришелъ! — крикнулъ онъ и захохоталъ. — Наконецъ-то! Господа, поздравляю, докторъ удостоиваетъ насъ своимъ визитомъ! Проклятая гадина! — взвизгнулъ онъ и въ изступленіи, какого никогда еще не видѣли въ палатѣ, топнулъ ногой. — Убить эту гадину! Нѣтъ, мало убить! Утопить въ отхожемъ мѣстѣ!

Андрей Ефимычъ, слышавшій это, выглянулъ изъ сѣней въ палату и спросилъ мягко:

— За что?

— За что? — крикнулъ Иванъ Дмитричъ, подходя къ нему съ угрожающимъ видомъ и судорожно запахиваясь въ халатъ. — За что? Воръ! — проговорилъ онъ съ отвращеніемъ и дѣлая губы такъ, какъ будто желая плюнуть. — Шарлатанъ! Палачъ!

— Успокойтесь, — сказалъ Андрей Ефимычъ, виновато улыбаясь. — Увѣряю васъ, я никогда ничего не краду, въ остальномъ же, вѣроятно, вы сильно преувеличиваете. Я вижу, что вы на меня сердиты. Успокойтесь, прошу васъ, если можете, и скажите хладнокровно: за что вы сердиты?

— А за что вы меня здѣсь держите?

— За то, что вы больны.

— Да, боленъ. Но вѣдь десятки, сотни сумасшедшихъ гуляютъ на свободѣ, потому что вамъ невѣжество неспо-

соблю отличить ихъ отъ здоровыхъ. Почему же я и вотъ эти несчастные должны сидѣть тутъ за всѣхъ, какъ козлы отпущенія? Вы, фельдшеръ, смотритель и вся ваша больничная сволочь въ нравственномъ отношеніи неизмѣримо ниже каждаго изъ насъ, почему же мы сидимъ, а вы нѣтъ? Гдѣ логика?

— Нравственное отношеніе и логика тутъ ни при чемъ. Все зависитъ отъ случая. Кого посадили, тотъ сидитъ, а кого не посадили, тотъ гуляетъ, вотъ и все. Въ томъ, что я докторъ, а вы душевно-больной, нѣтъ ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность.

— Этой ерунды я не понимаю... — глухо проговорилъ Иванъ Дмитричъ и сѣлъ на свою кровать.

Моисейка, котораго Никита постѣснился обыскивать въ присутствіи доктора, разложилъ у себя на постели кусочки хлѣба, бумажки и косточки и, все еще дрожа отъ холода, что-то быстро и пѣвуче заговорилъ по-еврейски. Вѣроятно, онъ вообразилъ, что открылъ лавочку.

— Отпустите меня,—сказалъ Иванъ Дмитричъ, и голосъ его дрогнулъ.

— Не могу.

— Но почему же? Почему?

— Потому что это не въ моей власти. Посудите, какая польза вамъ отъ того, если я отпущу васъ? Идите. Васъ задержатъ горожане или полиція и вернуть назадъ.

— Да, да, это правда...—проговорилъ Иванъ Дмитричъ и потеръ себѣ лобъ.—Это ужасно! Но что же мнѣ дѣлать? Что?

Голосъ Ивана Дмитрича и его молодое умное лицо съ гримасами понравились Андрею Ефимычу. Ему захотѣлось приласкать молодого человѣка и успокоить его. Онъ сѣлъ рядомъ съ нимъ на постель, подумалъ и сказалъ:

— Вы спрашиваете, что дѣлать? Самое лучшее въ нашемъ положеніи — бѣжать отсюда. Но, къ сожалѣнію, это бесполезно. Васъ задержатъ. Когда общество ограждаетъ себя отъ преступниковъ, психическихъ больныхъ и вообще неудобныхъ людей, то оно необходимо. Вамъ остается одно: успокоиться на мысли, что ваше пребываніе здѣсь необходимо.

— Никому оно не нужно.

— Разъ существуютъ тюрьмы и сумасшедшіе дома, то долженъ же кто-нибудь сидѣть въ нихъ. Не вы — такъ я,

не я—такъ кто-нибудь третій. Погодите, когда въ далекомъ будущемъ закончатъ свое существованіе тюрьмы и сумасшедшіе дома, то не будетъ ни рѣшетокъ на окнахъ, ни халатовъ. Конечно, такое время рано или поздно настанетъ.

Иванъ Дмитричъ насмѣшливо улыбнулся.

— Вы шутите, — сказалъ онъ, щуря глаза. — Такимъ господамъ, какъ вы и вашъ помощникъ Никита, нѣтъ никакого дѣла до будущаго. но можете быть увѣрены, милостивый государь, настанутъ лучшія времена! Пусть я выражаюсь пошло, смѣйтесь, но возсіяетъ заря новой жизни, восторжествуетъ правда, и — на нашей улицѣ будетъ праздненье! Я не дождусь, издохну, но зато чьи-нибудь правнуки дождутся. Привѣтствую ихъ отъ всей души и радуюсь, радуюсь за нихъ! Впередъ! Помогай вамъ Богъ, друзья!

Иванъ Дмитричъ съ блестящими глазами поднялся и, протягивая руки къ окну, продолжалъ съ волненіемъ въ голосъ:

— Изъ-за этихъ рѣшетокъ благословляю васъ! Да здравствуетъ правда! Радуюсь!

— Я не нахожу особенной причины радоваться, — сказалъ Андрей Ефимычъ, которому движеніе Ивана Дмитрича показалось театральнымъ и въ то же время очень понравилось. — Тюремъ и сумасшедшихъ домовъ не будетъ, и правда, какъ вы изволили выразиться, восторжествуетъ, но въдь сущность вещей не измѣнится, законы природы останутся все тѣ же. Люди будутъ болѣть, стариться и умирать такъ же, какъ и теперь. Какая бы великолѣпная заря ни освѣщала вашу жизнь, все же въ концѣ концовъ васъ заколотятъ въ гробъ и бросятъ въ яму.

— А безсмертіе?

— Э, полноте!

— Вы не вѣрите, ну, а я вѣрю. У Достоевскаго или у Вольтера кто-то говорить, что если бы не было Бога, то его выдумали бы люди. А я глубоко вѣрю, что если нѣтъ безсмертія, то его рано или поздно изобрѣтеть великій человѣческій умъ.

— Хорошо сказано, — проговорилъ Андрей Ефимычъ, улыбаясь отъ удовольствія. — Это хорошо, что вы вѣруете. Съ такою вѣрой можно жить припѣвая даже замуравленному въ стѣнѣ. Вы изволили гдѣ-нибудь получить образованіе?

— Да, я былъ въ университетѣ, но не кончилъ.

— Вы мыслящій и вдумчивый человѣкъ. При всякой обстановкѣ вы можете находить успокоеніе въ самомъ себѣ. Свободное и глубокое мышленіе, которое стремится къ уразумѣнію жизни, и полное презрѣніе къ глупой суетѣ міра,— вотъ два блага, выше которыхъ никогда не зналъ человѣкъ. И вы можете обладать ими, хотя бы вы жили за тремя рѣшетками. Діогенъ жилъ въ бочкѣ, однако же былъ счастливѣе всѣхъ царей земныхъ.

— Вашъ Діогенъ былъ болванъ, — угрюмо проговорилъ Иванъ Дмитричъ. — Что вы мнѣ говорите про Діогена, да про какое-то уразумѣніе? — разсердился онъ вдругъ и вскопчилъ. — Я люблю жизнь, люблю страстно! У меня манія преслѣдованія, постоянный мучительный страхъ, но бываютъ минуты, когда меня охватываетъ жажда жизни, и тогда я боюсь сойти съ ума. Ужасно хочу жить, ужасно!

Онъ въ волненіи прошелся по палатѣ и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Когда я мечтаю, меня посѣщаютъ призраки. Ко мнѣ ходятъ какіе-то люди, я слышу голоса, музыку, и кажется мнѣ, что я гуляю по какимъ-то лѣсамъ, по берегу моря, и мнѣ такъ страстно хочется суеты, заботы... Скажите мнѣ, ну, что тамъ новаго? — спросилъ Иванъ Дмитричъ. — Что тамъ?

— Вы про городъ желаете знать или вообще?

— Ну, сначала расскажите мнѣ про городъ, а потомъ вообще.

— Что жъ? Въ городѣ томительно скучно... Не съ кѣмъ слова сказать, не кого послушать. Новыхъ людей нѣтъ. Впрочемъ, пріѣхалъ недавно молодой врачъ Хоботовъ.

— Онъ еще при мнѣ пріѣхалъ. Что, хамъ?

— Да, некультурный человѣкъ. Странно, знаете ли... Судя по всему, въ нашихъ столицахъ нѣтъ уметвеннаго застоя, есть движеніе, — значитъ, должны быть тамъ и настоящіе люди, но почему-то всякій разъ оттуда присылаютъ къ намъ такихъ людей, что не глядѣль бы. Несчастный городъ!

— Да, несчастный городъ! — вздохнулъ Иванъ Дмитричъ и засмѣялся. — А вообще какъ? Что пишутъ въ газетахъ и журналахъ?

Въ палатѣ было уже темно. Докторъ поднялся и,

стоя, началъ разсказывать, что́ пинутъ за границей и въ Россіи, и какос замѣчается теперь направленіе мысли. Иванъ Дмитричъ внимательно слушалъ и задавалъ вопросы, но вдругъ, точно вспомнивъ что-то ужасное, хватилъ себя за голову и легъ на постель, спиной къ доктору.

— Что съ вами?—спросилъ Андрей Ефимычъ.

— Вы отъ меня не услышите больше ни одного слова! — грубо проговорилъ Иванъ Дмитричъ.—Оставьте меня!

— Отчего же?

— Говорю вамъ: оставьте! Какого дьявола?

Андрей Ефимычъ пожалъ плечами, вздохнулъ и вышелъ. Проходя черезъ сѣни, онъ сказалъ:

— Какъ бы здѣсь убраться, Никита... Ужасно тяжелый запахъ!

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

«Какой приятный молодой человекъ! — думалъ Андрей Ефимычъ, идя къ себѣ на квартиру.—За все время, пока я тутъ живу, это, кажется, первый, съ которымъ можно поговорить. Онъ умѣетъ разсуждать и интересуется именно тѣмъ, чѣмъ нужно».

Читая и потомъ ложась спать, онъ все время думалъ объ Иванѣ Дмитричѣ, а проснувшись на другой день утромъ, вспомнилъ, что вчера познакомился съ умнымъ и интереснымъ человекомъ, и рѣшилъ сходить къ нему еще разъ при первой возможности.

X.

Иванъ Дмитричъ лежалъ въ такой же позѣ, какъ вчера, обхвативъ голову руками и поджавъ ноги. Лица его не было видно.

— Здравствуйте, мой другъ, — сказала Андрей Ефимычъ.—Вы не спите?

— Во-первыхъ, я вамъ не другъ,—проговорилъ Иванъ Дмитричъ въ подушку:—а во-вторыхъ, вы напрасно хлопочете: вы не добьетесь отъ меня ни одного слова.

— Странно... — пробормоталъ Андрей Ефимычъ въ смущеніи.— Вчера мы бесѣдовали такъ мирно, но вдругъ вы почему-то обидѣлись и сразу оборвали... Вѣроятно, я выразился какъ-нибудь неловко или, быть-можетъ, высказалъ мысль, несогласную съ вашими убѣжденіями...

— Да, такъ я вамъ и новѣрю! — сказала Иванъ Дмитричъ, приподнимаясь и глядя на доктора насмѣшливо и

съ тревогой; глаза у него были красны. — Можете идти шпионить и пытаться въ другое мѣсто, а тутъ вамъ нечего дѣлать. Я еще вчера понялъ, зачѣмъ вы приходили.

— Странная фантазія! — усмѣхнулся докторъ. — Значить, вы полагаете, что я шпионъ?

— Да, полагаю... Шпионъ или докторъ, къ которому положили меня на испытаніе, — это все равно.

— Ахъ, какой вы, право, извините... чудакъ!

Докторъ сѣлъ на табуретъ возлѣ постели и укоризненно покачалъ головой.

— Но допустимъ, что вы правы, — сказалъ онъ. — Допустимъ, что я предательски ловлю васъ на словѣ, чтобы выдать полиціи. Васъ арестуютъ и потомъ судятъ. Но развѣ въ судѣ и въ тюрьмѣ вамъ будетъ хуже, чѣмъ здѣсь? А если соплютъ на поселеніе и даже на каторгу, то развѣ это хуже, чѣмъ сидѣть въ атомъ флигелѣ? Полагаю, не хуже... Чего же бояться?

Видимо, эти слова подѣйствовали на Ивана Дмитрича. Онъ покойно сѣлъ.

Быль пятый часъ вечера, — время, когда обыкновенно Андрей Ефимычъ ходитъ у себя по комнатамъ и Дарьюшка спрашиваетъ его, не пора ли ему пиво пить. На дворѣ была тихая, ясная погода.

— А я послѣ обѣда вышелъ прогуляться, да вотъ и зашелъ, какъ видите, — сказалъ докторъ. — Совсѣмъ весна.

— Теперь какой мѣсяць? Мартъ? — спросилъ Иванъ Дмитричъ.

— Да, конецъ марта.

— Грязно на дворѣ?

— Нѣтъ, не очень. Въ саду уже тропинки.

— Теперь бы хорошо проѣхать въ коляскѣ куда-нибудь за городъ, — сказалъ Иванъ Дмитричъ, потирая свои красные глаза, точно съ просонокъ: — потомъ вернуться бы домой въ теплый, уютный кабинетъ и... и полѣниться у порядочнаго доктора отъ головной боли... Давно уже я не жилъ по-человѣчески. А здѣсь гадко! Нестерпимо гадко!

Послѣ вчерашняго возбужденія онъ былъ утомленъ и вялъ и говорилъ неохотно. Пальцы у него дрожали и по лицу видно было, что у него сильно болѣла голова.

— Между теплымъ, уютнымъ кабинетомъ и этою палатой

нѣтъ никакой разницы,—сказалъ Андрей Ефимычъ.—Покой и довольство человѣка не въ его, а въ немъ самомъ.

— То-есть какъ?

— Обыкновенный человѣкъ ждетъ хорошаго или дурного извѣстїя, то-есть отъ коляски и кабинета, а мыслящїй—отъ самого себя.

— Идите, проповѣдуйте эту философію въ Греціи, гдѣ тепло и пахнетъ померанцемъ, а здѣсь она не по климату. Съ кѣмъ это я говорилъ о Діогенѣ? Съ вами, что ли?

— Да, вчера со мной.

— Діогенъ не нуждался въ кабинетѣ и въ тепломъ помѣщенїи; тамъ и безъ того жарко. Лежи себѣ въ бочкѣ, да кушай апельсины и оливки. А доведись ему въ Россїи жить, такъ онъ не то что въ декабрѣ, а въ маѣ запросился бы въ комнату. Небось, скрючило бы отъ холода.

— Нѣтъ. Холодъ, какъ и вообще всякую боль, можно не чувствовать. Маркъ Аврелїй сказалъ: «Боль есть живое представленіе о боли: сдѣлай усиліе воли, чтобъ измѣнить это представленіе, откинь его, перестань жаловаться, и боль исчезнетъ». Это справедливо. Мудрецъ, или, попросту, мыслящїй, вдумчивый человѣкъ отличается именно тѣмъ, что презираетъ страданіе; онъ всегда доволенъ и ничему не удивляется.

— Значить, я идиотъ, такъ какъ я страдаю, недоволенъ и удивляюсь человѣческой подлости.

— Это вы напрасно. Если вы почаще будете вдумываться, то вы поймете, какъ ничтожно все то виѣшнее, что волнуетъ насъ. Нужно стремиться къ уразумѣнію жизни, а въ немъ—истинное благо.

— Уразумѣніе...—поморщился Иванъ Дмитріичъ.—Виѣшнее, внутреннее... Извините, я этого не понимаю. Я знаю только,—сказалъ онъ, вставая и сердито глядя на доктора:—я знаю, что Богъ создалъ меня изъ теплой крови и нервовъ, да-съ! А органическая ткань, если она жизнеспособна, должна реагировать на всякое раздраженіе. И я реагирую! На боль я отвѣчаю крикомъ и слезами, на подлость—негодованіемъ, на мерзость—отвращеніемъ. Помоему, это собственно и называется жизнью. Чѣмъ ниже организмъ, тѣмъ онъ менѣе чувствителенъ и тѣмъ слабѣе отвѣчаетъ на раздраженіе, и чѣмъ выше, тѣмъ онъ воспрїимчивѣе и энергичнѣе реагируетъ на дѣйствительность.

Какъ не зпать этого? Докторъ, а не знаетъ такихъ пустяковъ! Чтобы презирать страданіе, быть всегда довольнымъ и ничему не удивляться, нужно дойти вотъ до такого состоянія, — и Иванъ Дмитричъ указалъ на толстаго, заплывашаго жиромъ мужика: — или же закалить себя страданіями до такой степени, чтобы потерять всякую чувствительность къ нимъ, то-есть, другими словами, перестать жить. Извините, я не мудрецъ и не философъ, — продолжалъ Иванъ Дмитричъ съ раздраженіемъ: — и ничего я въ этомъ не понимаю. Я не въ состояніи разсуждать.

— Напротивъ, вы прекрасно разсуждаете.

— Стопки, которыхъ вы пародируете, были замѣчательные люди, но ученіе ихъ застыло еще двѣ тысячи лѣтъ назадъ и ни капли не подвижилось впередъ и не будетъ двигаться, такъ какъ оно не практично и не жизненно. Оно имѣло успѣхъ только у меньшинства, которое проводитъ свою жизнь въ штудированіи и смакованіи всякихъ ученій, большинство же не понимало его. Ученіе, проповѣдующее равнодушіе къ богатству, къ удобствамъ жизни, презрѣніе къ страданіямъ и смерти, совсѣмъ непонятно для громаднаго большинства, такъ какъ это большинство никогда не знало ни богатства, ни удобствъ въ жизни; а презирать страданія значило бы для него презирать самую жизнь, такъ какъ все существо человѣка состоитъ изъ ощущеній голода, холода, обидъ, потерь и гамлетовскаго страха передъ смертью. Въ этихъ ощущеніяхъ вся жизнь: ею можно яготиться, ненавидѣть ее, но не презирать. Да, такъ, повторяю, ученіе стоекковъ никогда не можетъ имѣть будущности, прогрессируютъ же, какъ видите, отъ начала вѣка до сегодня борьба, чуткость къ боли, способность отвѣчать на раздраженіе...

Иванъ Дмитричъ вдругъ потерялъ нить мыслей, остано-вился и досадливо потеръ лобъ.

— Хотѣлъ сказать что-то важное, да сбился, — сказалъ въѣвъ. — О чемъ я? Да! Такъ вотъ я и говорю: кто-то изъ стоекковъ продалъ себя въ рабство затѣмъ, чтобы выкупить своего ближняго. Вотъ видите, значить, и стоикъ реагировалъ на раздраженіе, такъ какъ для такого великодушнаго акта, какъ уничтоженіе себя ради ближняго, нужна возмущенная, сострадающая душа. Я забылъ тутъ въ тюрьмѣ все, что училъ, а то бы еще что-нибудь вспомнилъ. А

Христа взять? Христосъ отвѣчалъ на дѣйствительность тѣмъ, что плакалъ, улыбался, печалился, гнѣвался, даже тосковалъ; Онъ не съ улыбкой шелъ навстрѣчу страданіямъ и не презиралъ смерти, а молился въ саду Геосиманскомъ, чтобы Его миновала чаша сія.

Иванъ Дмитричъ засмѣялся и сѣлъ.

— Положимъ, покой и довольство человѣка не виѣ его, а въ немъ самомъ,—сказалъ оятъ.—Положимъ, нужно презирать страданія и ничему не удивляться. Но вы-то на какомъ основаніи проповѣдуете это? Вы мудрецъ? Философъ?

— Нѣтъ, я не философъ, но проповѣдывать это долженъ каждый, потому что это разумно.

— Нѣтъ, я хочу знать, почему вы въ дѣлѣ уразумѣнія, презрѣнія къ страданіямъ и прочее считаете себя компетентнымъ? Развѣ вы страдали когда-нибудь? Вы имѣете понятіе о страданіяхъ? Позвольте: васъ въ дѣтствѣ сѣкли?

— Нѣтъ, мои родители шитали отвращеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ.

— А меня отецъ поролъ жестоко. Мой отецъ былъ крутой, геморроидальный чиновникъ, съ длиннымъ носомъ и съ желтою шеей. Но будемъ говорить о васъ. Во всю вашу жизнь до васъ никто не дотронулся пальцемъ, никто васъ не запугивалъ, не забивалъ; здоровы вы, какъ быкъ. Росли вы подъ крылышкомъ отца и учились на его счетъ, а потомъ сразу захватили синекуру. Больше двадцати лѣтъ вы жили на бесплатной квартирѣ, съ отопленіемъ, съ освѣщеніемъ, съ прислугой, имѣя притомъ право работать, какъ и сколько вамъ угодно, хоть ничего не дѣлать. Отъ природы вы человѣкъ лѣнивый, рыхлый и потому старались складывать свою жизнь такъ, чтобы васъ ничто не беспокоило и не двигало съ мѣста. Дѣла вы сдали фельдшеру и прочей сволочи, а сами сидѣли въ теплѣ, да въ тишинѣ, копили деньги, книжки почитывали, услаждали себя размышленіями о разной возвышенной чепухѣ и (Иванъ Дмитричъ посмотрѣлъ на красный носъ доктора) выпивахомъ. Однимъ словомъ, жизни вы не видѣли, не знаете ея совершенно, а съ дѣйствительностью знакомы только теоретически. А презираете вы страданія и ничему не удивляетесь по очень простой причинѣ: суета-суеть, виѣшнее и внутреннее, презрѣніе къ жизни, страданіямъ и смерти,

уразумѣніе, истинное благо, — все это философія, самая подходящая для російскаго лежебока. Видите вы, напри- мѣръ, какъ мужикъ бьетъ жену. Зачѣмъ вступаться? Пускай бьетъ, все равно оба помрутъ рано или поздно; и бьющій къ тому же оскорбляетъ побоями не того, кого бьетъ, а самого себя. Пьянствовать глупо, неприлично, но пить — умирать и не пить — умирать. Приходитъ баба, зубы бо- лять... Ну, что жъ? Боль есть представленіе о боли и къ тому же безъ болѣзней не проживешь на этомъ свѣтѣ, всѣ помремъ, а потому ступай баба прочь, не мѣшай мнѣ мыслить и водку пить. Молодой человекъ проситъ совѣта, что дѣлать, какъ жить; прежде чѣмъ отвѣтить, другой бы задумался, а тутъ ужъ готовъ отвѣтъ: стремись къ уразумѣ- нію или къ истинному благоу. А что такое это фантасти- ческое «истинное благо»? Отвѣта нѣтъ, конечно. Насъ держать здѣсь за рѣшеткой, гноять, истязуютъ, но это прекрасно и разумно, потому что между этою палатою и теплымъ, уютнымъ кабинетомъ нѣтъ никакой разницы. Удобная философія: и дѣлать нечего, и совѣсть чиста, и мудрецомъ себя чувствуешь... Нѣтъ, сударь, это не фило- софія, не мышленіе, не широта взгляда, а лѣнь, факирство, соинная одурь... Да! — опять разсердился Иванъ Дмитричъ. — Страданія презираете, а небось прищеми вамъ дверью палець, такъ заорете во все горло!

— А, можетъ, и не заору, — сказала Андрей Ефимычъ, кротко улыбаясь.

— Да, какъ же! А вотъ, если бы васъ трахнулъ пара- личъ или, положимъ, какой-нибудь дуракъ и наглець, поль- зуясь своимъ положеніемъ и чиномъ, оскорбилъ васъ пу- блично и вы знали бы, что это пройдетъ ему безнака- занно, — ну, тогда бы вы поняли, какъ это отсылать дру- гихъ къ уразумѣнію и истинному благоу.

— Это оригинально, — сказалъ Андрей Ефимычъ, смѣясь отъ удовольствія и потирая руки. — Меня приятно пора- жаетъ въ васъ склонность къ обобщеніямъ, а моя характе- ристика, которую вы только-что изволили сдѣлать, просто блестяща. Признаться, бесѣда съ вами доставляетъ мнѣ громадное удовольствіе. Ну-съ, я васъ выслушалъ, теперь и вы благоволите выслушать меня...

XI.

Этотъ разговоръ продолжался еще около часа и, повидимому, произвелъ на Андрея Ефимыча глубокое впечатлѣніе. Онъ сталъ ходить во флигель каждый день. Ходилъ онъ туда по утрамъ и послѣ обѣда, и часто вечерняя темнота заставляла его въ бесѣдѣ съ Иваномъ Дмитричемъ. Въ первое время Иванъ Дмитричъ дичился его, подозрѣвалъ въ зломъ умыслѣ и откровенно выражалъ свою неприязнь, потомъ же привыкъ къ нему и свое рѣзкое обращеніе смѣнилъ на снисходительно-ироническое.

Скоро по больницѣ разнесся слухъ, что докторъ Андрей Ефимычъ сталъ посѣщать палату № 6. Никто—ни фельдшеръ, ни Никита, ни сидѣлки не могли понять, зачѣмъ онъ ходилъ туда, зачѣмъ просиживалъ тамъ по цѣлымъ часамъ, о чемъ разговаривалъ и почему не прописывалъ рецептовъ. Поступки его казались странными. Михаилъ Аверьянычъ часто не заставлялъ его дома, чего раньше никогда не случалось, и Дарьюшка была очень смущена, такъ какъ докторъ нилъ пиво уже не въ опредѣленное время и иногда даже запаздывалъ къ обѣду.

Однажды, это было уже въ концѣ іюня, докторъ Хоботовъ пришелъ по какому-то дѣлу къ Андрею Ефимычу; не заставъ его дома, онъ отправился искать его по двору; тутъ ему сказали, что старій докторъ пошелъ къ душевнобольнымъ. Войдя во флигель и остановившись въ сѣняхъ, Хоботовъ услышалъ такой разговоръ:

— Мы никогда не споемся, и обратитъ меня въ свою вѣру вамъ не удастся,—говорилъ Иванъ Дмитричъ съ раздраженіемъ.—Съ дѣйствительностью вы совершенно не знакомы и никогда вы не страдали, а только, какъ пьявица, кормилесь около чужихъ страданій, я же страдалъ непрерывно со дня рожденія до сегодня. Поэтому говорю откровенно: я считаю себя выше васъ и компетентнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Не вамъ учить меня.

— Я совсѣмъ не имѣю претензій обращать васъ въ свою вѣру,—проговорилъ Андрей Ефимычъ тихо и съ сожалѣніемъ, что его не хотятъ понять.—И не въ этомъ дѣло, мой другъ. Дѣло не въ томъ, что вы страдали, а я нѣтъ. Страданія и радости преходящи; оставимъ ихъ, Богъ съ ними. А дѣло въ томъ, что мы съ вами мыслимъ; мы

видимъ другъ въ другъ людей, которые способны мыслить и разсуждать, и это дѣлаетъ насъ солидарными, какъ бы различны ни были наши взгляды. Если бы вы знали, другъ мой, какъ надоѣли мнѣ всеобщее безуміе, бездарность, тупость, и съ какою радостью я всякій разъ бесѣдную съ вами! Вы умный человѣкъ, и я наслаждаюсь вами.

Хоботовъ отворилъ на вершокъ дверь и взглянулъ въ палату; Иванъ Дмитричъ въ колпакѣ и докторъ Андрей Ефимычъ сидѣли рядомъ на постели. Сумасшедшій гримасничалъ, вздрагивалъ и судорожно запахивался въ халатъ, а докторъ сидѣлъ неподвижно, опустивъ голову, и лицо у него было красное, безпомощное, грустное. Хоботовъ пожалъ плечами, усмѣхнулся и переглянулся съ Никитой. Никита тоже пожалъ плечами.

На другой день Хоботовъ приходилъ во флигель вмѣстѣ съ фельдшеромъ. Оба стояли въ сѣняхъ и подслушивали.

— А нашъ дѣдъ, кажется, совсѣмъ сдрефилъ!—сказалъ Хоботовъ, выходя изъ флигеля.

— Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ!—вадохнулъ благолѣпный Сергѣй Сергѣичъ, старательно обходя лужицы, чтобы не запачкать своихъ ярко вычищенныхъ сапоговъ.— Признаться, уважаемый Евгеній Федорычъ, я давно уже ожидалъ этого!

XII.

Послѣ этого Андрей Ефимычъ сталъ замѣчать кругомъ какую-то таинственность. Мужики, сидѣлки и больные при встрѣчѣ съ нимъ вопросительно взглядывали на него и потомъ шептались. Дѣвочка Маша, дочь смотрителя, которую онъ любилъ встрѣчать въ больничномъ саду, теперь, когда онъ съ улыбкой подходилъ къ ней, чтобы погладить ее по головкѣ, почему-то убѣгала отъ него. Почтмейстеръ Михаилъ Аверьянычъ, слушая его, уже не говорилъ: «Совершенно вѣрно», а въ непонятномъ смущеніи бормоталъ: «да, да, да...» и глядѣлъ на него задумчиво и печально; почему-то онъ сталъ совѣтовать своему другу оставить водку и пиво, но при этомъ, какъ человѣкъ деликатный, говорилъ не прямо, а намеками, рассказывая то про одного батальоннаго командира, отличнаго человѣка, то про полковаго священника, славнаго малаго, которые пили и заболѣли, но, бросивъ пить, совершенно выздоровѣли. Два-три

раза приходилъ къ Андрею Ефимычу коллега Хоботовъ; онъ тоже совѣтовалъ оставить спиртные напитки и безъ всякаго видимаго повода рекомендовалъ принимать бромистый калий.

Въ августѣ Андрей Ефимычъ получилъ отъ городского головы письмо съ просьбой пожаловать по очень важному дѣлу. Придя въ назначенное время въ управу, Андрей Ефимычъ засталъ тамъ воинскаго начальника, штатнаго смотрителя уѣзднаго училища, члена управы, Хоботова и еще какого-то полнаго, бѣлокурога господина, котораго представили ему какъ доктора. Этотъ докторъ, съ польскою, трудно выговариваемою фамиліей, жилъ въ тридцати верстахъ отъ города, на конскомъ заводѣ и былъ теперь въ городѣ проездомъ.

— Тутъ заявлениице по вашей части-съ, — обратился членъ управы къ Андрею Ефимычу послѣ того, какъ все поздоровались и сѣли за столъ. — Вотъ Евгеній Федорычъ говоритъ, что антекъ тѣсновато въ главномъ корпусѣ и что ее надо бы перевести въ одинъ изъ флигелей. Оно, конечно, это ничего, перевести можно, но главная причина — флигель ремонту захочеть.

— Да, безъ ремонта не обойтись, — сказалъ Андрей Ефимычъ, подумавъ. — Если, напримѣръ, угловой флигель приспособить для аптеки, то на это, полагаю, понадобится минимумъ рублей пятьсотъ. Расходъ непронизводительный.

Немного помолчали.

— Я уже имѣлъ честь докладывать десять лѣтъ назадъ. — продолжалъ Андрей Ефимычъ тихимъ голосомъ: — что эта больница въ настоящемъ ея видѣ является для города роскошью не по средствамъ. Строилась она въ сороковыхъ годахъ, но вѣдь тогда были не тѣ средства. Городъ слишкомъ много затрачиваетъ на ненужныя постройки и лишнія должности. Я думаю, на эти деньги можно было бы, при другихъ порядкахъ, содержать двѣ образцовыя больницы.

— Такъ вотъ и давайте заводить другіе порядки! — живо сказалъ членъ управы.

— Я уже имѣлъ честь докладывать: передайте медицинскую часть въ вѣдѣніе земства.

— Да, передайте земству деньги, а оно украдетъ, — засмѣялся бѣлокурый докторъ.

— Это какъ водится,—согласился членъ управы, и тоже засмѣялся.

Андрей Ефимычъ вяло и тускло посмотрѣлъ на бѣлокурого доктора и сказалъ:

— Надо быть справедливымъ.

Опять помолчали. Подали чай. Воинскій начальникъ, почему-то очень смущенный, черезъ столъ дотронулся до руки Андрея Ефимыча и сказалъ:

— Совѣмъ вы насъ забыли, докторъ. Впрочемъ, вы монахъ: въ карты не играете, женщинъ не любите. Скучно вамъ съ нашимъ братомъ.

Всѣ заговорили о томъ, какъ скучно порядочному человѣку жить въ этомъ городѣ. Ни театра, ни музыки, а на послѣднемъ танцевальномъ вечерѣ въ клубѣ было около двадцати дамъ и только два кавалера. Молодежь не танцуетъ, а все время толнится около буфета или играетъ въ карты. Андрей Ефимычъ медленно и тихо, ни на кого не глядя, сталъ говорить о томъ, какъ жаль, какъ глубоко жаль, что горожане тратятъ свою жизненную энергію, свое сердце и умъ на карты и билетны, а не умѣютъ и не хотятъ проводить время въ интересной бесѣдѣ и въ чтеніи, не хотятъ пользоваться наслажденіями, какія даетъ умъ. Только одинъ умъ интересенъ и замѣчательнъ, все же остальное мелко и низменно. Хоботовъ внимательно слушалъ своего коллегу и вдругъ спросилъ:

— Андрей Ефимычъ, какое сегодня число?

Получивъ отвѣтъ, онъ и бѣлокурый докторъ тономъ экзаменаторовъ, чувствующихъ свою неумѣлость, стали спрашивать у Андрея Ефимыча, какой сегодня день, сколько дней въ году и правда ли, что въ палатѣ № 6 живетъ замѣчательный пророкъ.

Въ отвѣтъ на послѣдній вопросъ Андрей Ефимычъ покраснѣлъ и сказалъ:

— Да, это больной, но интересный молодой человѣкъ.

Больше ему не задавали никакихъ вопросовъ.

Когда онъ въ передней надѣвалъ пальто, воинскій начальникъ положилъ руку ему на плечо и сказалъ со вздохомъ:

— Намъ, старикамъ, на отдыхъ пора!

Выйдя изъ управы, Андрей Ефимычъ понялъ, что это была коммиссія, назначенная для освидѣтельствованія его

умственныхъ способностей. Онъ вспомнилъ вопросы, которые задавали ему, покраснѣлъ и почему-то теперь первый разъ въ жизни ему стало горько жаль медицину.

«Боже мой,—думалъ онъ, вспоминая, какъ врачи только что изслѣдовали его:—вѣдь они такъ недавно слушали психіатрію, держали экзамень—откуда же это круглое невѣжество? Они понятія не имѣютъ о психіатріи!»

И въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и разсерженнымъ.

Въ тотъ же день вечеромъ у него былъ Михаилъ Аверьяничъ. Не здороваясь, почтмейстеръ подошелъ къ нему, взялъ его за обѣ руки и сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Дорогой мой, другъ мой, докажите мнѣ, что вы вѣрите въ мое искреннее расположенію и считаете меня своимъ другомъ... Другъ мой!—и, мѣшая говорить Андрею Ефимычу, онъ продолжалъ, волнуясь:— Я люблю васъ за образованность и благородство души. Слушайте меня, мой дорогой. Правила науки обязываютъ докторовъ скрывать отъ васъ правду, но я не-военному рѣжу правду-матку: вы нездоровы! Извините меня, мой дорогой, но это правда, это давно уже замѣтили всѣ окружающіе. Сейчасъ мнѣ докторъ Евгеній Федорычъ говорилъ, что для пользы вашего здоровья вамъ необходимо отдохнуть и развлечься. Совершенно вѣрно! Превосходно! На сихъ дняхъ я беру отпускъ и убѣгаю цопюхать другого воздуха. Докажите же, что вы мнѣ другъ, поѣдемъ вмѣстѣ! Поѣдемъ, трихнемъ стариной.

— Я чувствую себя совершенно здоровымъ, — сказалъ Андрей Ефимычъ, подумавъ.— Ёхать же не могу. Позвольте мнѣ какъ-нибудь иначе доказать вамъ свою дружбу.

Ёхать куда-то, неизвѣстно зачѣмъ, безъ книгъ, безъ Дарьюшки, безъ пива, рѣзко нарушить порядокъ жизни, установившійся за 20 лѣтъ,—такая идея въ первую минуту показалась ему дикою и фантастическою. Но онъ вспомнилъ разговоръ, бывшій въ управѣ, и тяжелое настроеніе, какое онъ испыталъ, возвращаясь изъ управы домой, и мысль уѣхать ненадолго изъ города, гдѣ глупые люди считаютъ его сумасшедшимъ, улыбнулась ему.

— А вы собственно куда намѣрены ёхать? — спросилъ онъ.

— Въ Москву, въ Петербургъ, въ Варшаву... Въ Вар-

шавъ я провелъ пять счастливейшихъ лѣтъ моей жизни. Что за городъ изумительный! Ѣдьте, дорогой мой!

XIII.

Черезъ недѣлю Андрею Ефимычу предложили отдохнуть, то-есть подать въ отставку, къ чему онъ отнесся равнодушно, а еще черезъ недѣлю онъ и Михаилъ Аверьянычъ уже сидѣли въ почтовомъ тарантасѣ и ѣхали на ближайшую желѣзнодорожную станцію. Дни были прохладные, ясные, съ голубымъ небомъ и съ прозрачною далью. Двѣсти верстъ до станціи проѣхали въ двое сутокъ и по пути два раза ночевали. Когда на почтовыхъ станціяхъ подавали къ чаю дурно вымытые стаканы или долго запрягали лошадей, то Михаилъ Аверьянычъ багровѣлъ, трясся всѣмъ тѣломъ и кричалъ: «Замолчать! не разсуждать!» А сиди въ тарантасѣ, онъ, не переставая ни на минуту, разсказывалъ о своихъ поѣздкахъ по Кавказу и Царству Польскому. Сколько было приключеній, какія встрѣчи! Онъ говорилъ громко и при этомъ дѣлалъ такіе удивленные глаза, что можно было подумать, что онъ лгалъ. Вдобавокъ, разсказывая, онъ дышалъ въ лицо Андрею Ефимычу и хохоталъ ему въ ухо. Это стѣсняло доктора и мѣшало ему думать и сосредоточиться.

По желѣзной дорогѣ ѣхали изъ экономіи въ третьемъ классѣ, въ вагонѣ для некурящихъ. Публика на-половину была чистая. Михаилъ Аверьянычъ скоро со всѣми перезнакомился и, переходя отъ скамьи къ скамьѣ, громко говорилъ, что не слѣдуетъ ѣздить по этимъ возмутительнымъ дорогамъ. Кругомъ мошенничество! То ли дѣло верхомъ на конѣ: отмахнешь въ одинъ день сто верстъ и потомъ чувствуешь себя здоровымъ и свѣжимъ. А неурожай у насъ оттого, что осушили Пинскія болота. Вообще безпорядки страшные. Онъ горячился, говорилъ громко и не давалъ говорить другимъ. Эта безконечная болтовня въ перемежку съ громкимъ хохотомъ и выразительными жестами утомила Андрея Ефимыча.

«Кто изъ насъ обоихъ сумасшедшій?—думалъ онъ съ досадою.—Я ли, который стараюсь ничѣмъ не обезпечить пассажировъ, или этотъ эгоистъ, который думаетъ, что онъ здѣсь умнѣе и интереснѣе всѣхъ, и оттого никому не даетъ покоя?»

Въ Москвѣ Михайлъ Аверьянычъ надѣлъ военный сюртукъ безъ погоновъ и панталоны съ красными кантами. На улицѣ онъ ходилъ въ военной фуражкѣ и въ шинели, и солдаты отдавали ему честь. Андрею Ефимычу теперь казалось, что это былъ человѣкъ, который изъ всего барскаго, которое у него когда-то было, промоталъ все хорошее и оставилъ себѣ одно только дурное. Онъ любилъ, чтобъ ему служивали, даже когда это было совершенно не нужно. Спички лежали передъ нимъ на столѣ, и онъ ихъ видѣлъ, но кричалъ человѣку, чтобы тотъ подаль ему спички; при горничной онъ не стѣснялся ходить въ одномъ нижнемъ бѣльѣ; лакеямъ велѣлъ безъ разбора, даже старикамъ, говорить ты и, осердившись, величалъ ихъ болванами и дураками. Это, какъ казалось Андрею Ефимычу, было барственно, но гадко.

Прежде всего Михайлъ Аверьянычъ повелъ своего друга къ Иверской. Онъ молился горячо, съ земными поклонами и со слезами, и когда кончилъ, глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Хоть и не вѣришь, но оно какъ-то покойнѣе, когда помолитесь. Приложитесь, голубчикъ.

Андрей Ефимычъ сконфузился и приложился къ образу, а Михайлъ Аверьянычъ вытянулъ губы и, покачивая головой, помолится шопотомъ, и опять у него на глазахъ навернулись слезы. Затѣмъ пошли въ Кремль и посмотрѣли тамъ на царь-пушку и царь-колоколъ, и даже пальцами ихъ потрогали, полюбовались видомъ на Замоскворѣчье, побывали въ храмѣ Спасителя и въ Румянцевскомъ музеѣ.

Обѣдали они у Тѣстова. Михайлъ Аверьянычъ долго смотрѣлъ въ меню, разглаживая бакены, и сказалъ тономъ гурмана, привыкшаго чувствовать себя въ ресторанахъ какъ дома:

— Посмотримъ, чѣмъ вы насъ сегодня покормите, ангель!

XIV.

Докторъ ходилъ, смотрѣлъ, ѣлъ, пилъ, но чувство у него было одно: досада на Михаила Аверьяныча. Ему хотѣлось отдохнуть отъ друга, уйти отъ него, спрятаться, а другъ считалъ своимъ долгомъ не отпустить его ни на шагъ отъ себя и доставлять ему возможно больше развлеченій. Когда не на что было смотрѣть, онъ развлекалъ его разговорами.

Два дня терпѣлъ Андрей Ефимычъ, но на третій объявилъ своему другу, что онъ боленъ и хочетъ остаться на весь день дома. Другъ сказала, что въ такомъ случаѣ и онъ остается. Въ самомъ дѣлѣ, надо отдохнуть, а то этакъ ногъ не хватить. Андрей Ефимычъ легъ на диванъ, лицомъ къ спинкѣ и, стиснувъ зубы, слушалъ своего друга, который горячо увѣрялъ его, что Франція рано или поздно непременно разобьетъ Германію, что въ Москвѣ очень много мошенниковъ и что по наружному виду лошади нельзя судить о ея достоинствахъ. У доктора начались шумъ въ ухахъ и сердцебіеніе, но попросить друга уйти или помолчать онъ изъ деликатности не рѣшался. Къ счастью, Михаилу Аверьянычу наскучило сидѣть въ номерѣ, и онъ послѣ обѣда ушелъ прогуляться.

Оставшись одинъ, Андрей Ефимычъ предался чувству отдыха. Какъ пріятно лежать неподвижно на диванѣ и сознавать, что ты одинъ въ комнатѣ! Истинное счастье невозможно безъ одиночества. Падшій ангелъ измѣнилъ Богу, вѣроятно потому, что захотѣлъ одиночества, котораго не знаютъ ангелы. Андрей Ефимычъ хотѣлъ думать о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ послѣдніе дни, но Михаилъ Аверьянычъ не выходилъ у него изъ головы.

«А вѣдь онъ взялъ отпускъ и поѣхалъ со мной изъ дружбы, изъ великодушія,—думалъ докторъ съ досадою.—Хуже нѣтъ ничего, какъ эта дружеская опека. Вѣдь, вотъ, кажется, и добръ, и великодушенъ, и весельчакъ, а скученъ. Нестерпимо скученъ. Такъ же вотъ бываютъ люди, которые всегда говорятъ одни только умныя и хорошія слова, но чувствуешь, что они тупые люди».

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни Андрей Ефимычъ сказывался больнымъ и не выходилъ изъ номера. Онъ лежалъ лицомъ къ спинкѣ дивана и томился, когда другъ развлекалъ его разговорами, или же отдыхалъ, когда другъ отсутствовалъ. Онъ досадовалъ на себя за то, что поѣхалъ, и на друга, который съ каждымъ днемъ становился все болтливѣе и развязнѣе; настроить свои мысли на серьезный, возвышенный ладъ ему никакъ не удавалось.

«Это меня пробираетъ дѣйствительность, о которой говорилъ Ивапъ Дмитричъ,—думалъ онъ сердясь на свою мелочность.— Впрочемъ, вздоръ... Пріѣду домой и все пойдеть по-старому»...

И въ Петербургѣ то же самое: онъ по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ номера, лежалъ на диванѣ и вставалъ только затѣмъ, чтобы выпить пива.

Михаилъ Аверьянычъ все время торопиль ѣхать въ Варшаву.

— Дорогой мой, зачѣмъ я туда поѣду?—говорилъ Андрей Ефимычъ умоляющимъ голосомъ.—Поѣзжайте одни, а мнѣ позвольте ѣхать домой! Прошу васъ!

— Ни подъ какимъ видомъ! — протестовалъ Михаилъ Аверьянычъ. — Это изумительный городъ. Въ немъ я провѣлъ пять счастливейшихъ лѣтъ моей жизни!

У Андрея Ефимыча не хватило характера настоять на своемъ, и онъ, скрѣпя сердце, поѣхалъ въ Варшаву. Тутъ онъ не выходилъ изъ номера, лежалъ на диванѣ и злился на себя, на друга и на лакеевъ, которые упорно отказывались понимать по-русски, а Михаилъ Аверьянычъ, по обыкновенію, здоровый, бодрый и веселый, съ утра до вечера гулялъ по городу и разыскивалъ своихъ старыхъ знакомыхъ. Нѣсколько разъ онъ не ночевалъ дома. Послѣ одной ночи, проведенной неизвѣстно гдѣ, онъ вернулся домой рано утромъ въ сильно возбужденномъ состояніи, красный и непричесанный. Онъ долго ходилъ изъ угла въ уголь, что-то бормоча про себя, потомъ остановился и сказалъ:

— Честь прежде всего!

Походивъ еще немного, онъ схватилъ себя за голову и произнесъ трагическимъ голосомъ:

— Да, честь прежде всего! Будь проклята минута, когда мнѣ впервые пришло въ голову ѣхать въ этотъ Вавилон! Дорогой мой—обратился онъ къ доктору,—презирайте меня: я проигрался! Дайте мнѣ пятьсотъ рублей!

Андрей Ефимычъ отсчиталъ пятьсотъ рублей и молча отдалъ ихъ своему другу. Тотъ, все еще багровый отъ стыда и гнѣва, безсвязно произнесъ какую-то ненужную клятву, надѣлъ фуражку и вышелъ. Вернувшись часа черезъ два, онъ повалился въ кресло, громко вздохнулъ и сказалъ:

— Честь спасена! ъдемте, мой другъ! Ни одной минуты я не желаю остаться въ этомъ проклятомъ городѣ. Мошегники! Австрійскіе шпіоны!

Когда пріятель вернулся въ свой городъ, былъ уже

поябрь и на улицах лежалъ глубокой снѣгъ. Мѣсто Андрея Ефимыча занималъ докторъ Хоботовъ; онъ жилъ еще на старой квартирѣ, въ ожиданіи, когда Андрей Ефимычъ пріѣдетъ и очиститъ больничную квартиру. Некрасивая женщина, которую онъ называлъ своею кухаркой, уже жила въ одномъ изъ флигелей.

По городу ходили новыя больничныя сплетни. Говорили, что некрасивая женщина поссорилась со смотрителемъ и этотъ будто бы ползалъ передъ нею на колѣняхъ, прося прощенія.

Андрею Ефимычу въ первый же день по пріѣздѣ пришлось отыскивать себѣ квартиру.

— Другъ мой,—сказалъ ему робко почтмейстеръ:—извините за нескромный вопросъ: какими средствами вы располагаете?

Андрей Ефимычъ молча сосчиталъ свои деньги и сказалъ:

— Восемьдесятъ шесть рублей.

— И не о томъ спрашиваю,—проговорилъ въ смущеніи Михаилъ Аверьянычъ, не понявъ доктора.—Я спрашиваю, какія у васъ средства вообще?

— Я же и говорю вамъ: восемьдесятъ шесть рублей... Больше у меня ничего нѣтъ.

Михаилъ Аверьянычъ считалъ доктора честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, но все-таки подозрѣвалъ, что у него есть капиталъ по крайней мѣрѣ тысячь въ двадцать. Теперь же, узнавъ, что Андрей Ефимычъ нищій, что ему нечѣмъ жить, онъ почему-то вдругъ заплакалъ и обнялъ своего друга.

XV.

Андрей Ефимычъ жилъ въ трехъкопномъ домикѣ мѣщанки Бѣловой. Въ этомъ домикѣ было только три комнаты, не считая кухни. Двѣ изъ нихъ, съ окнами на улицу, занималъ докторъ, а въ третьей и въ кухнѣ жили Дарьюшка и мѣщанка съ тремя дѣтьми. Иногда къ хозяйкѣ приходилъ ночевать любовникъ, пьяный мужикъ, бушевавшій по ночамъ и наводившій на дѣтей и на Дарьюшку ужасъ. Когда онъ приходилъ, и усѣвшись на кухнѣ, начиналъ требовать водки, всѣмъ становилось очень тѣсно, и докторъ изъ жалости бралъ къ себѣ плачущихъ дѣтей, укладывалъ

ихъ у себя на полу, и это доставляло ему большое удовольствіе.

Вставалъ онъ попрежнему въ восемь часовъ и послѣ чаю садился читать свои старыя книги и журналы. На новыя у него уже не было денегъ. Оттого ли, что книги были старыя, или, быть-можетъ, отъ переменъ обстановки, чтеніе уже не захватывало его глубоко и утомляло. Чтобы не проводить времени въ праздности, онъ составлялъ подробный каталогъ своимъ книгамъ и приклеивалъ къ ихъ корешкамъ билетки, и эта механическая, кропотливая работа казалась ему интереснѣе, чѣмъ чтеніе. Однообразная кропотливая работа какимъ-то непонятнымъ образомъ убавкивала его мысли, онъ ни о чемъ не думалъ, и время проходило быстро. Даже сидѣть въ кухнѣ и чистить съ Дарьюшкой картофель или выбирать соръ изъ гречневой крупы ему казалось интересно. По субботамъ и воскресеньямъ онъ ходилъ въ церковь. Стоя около стѣны и зажмуривъ глаза, онъ слушалъ пѣніе и думалъ объ отцѣ, о матери, объ университетѣ, о религіяхъ; ему было покойно, грустно, и потомъ, уходя изъ церкви, онъ жалѣлъ, что служба такъ скоро кончилась.

Онъ два раза ходилъ въ больницу къ Ивану Дмитричу, чтобы поговорить съ нимъ. Но въ оба раза Иванъ Дмитричъ былъ необикновенно возбужденъ и золъ; онъ просилъ оставить его въ покоѣ, такъ какъ ему давно уже надоѣла пустая болтовня, и говорилъ, что у проклятыхъ подлыхъ людей онъ за всѣ страданія просить только одной награды—одиночнаго заключенія. Неужели даже въ этомъ ему отказываютъ? Когда Андрей Ефимычъ прощался съ нимъ въ оба раза и желалъ покойной ночи, то онъ огрызался и говорилъ:

— Къ чорту!

И Андрей Ефимычъ не зналъ теперь, пойти ему въ третій разъ или нѣтъ. А пойти хотѣлось.

Прежде въ послѣобѣденное время Андрей Ефимычъ ходилъ по комнатамъ и думалъ, теперь же онъ отъ обѣда до вечерняго чая лежалъ на диванѣ лицомъ къ спинкѣ и предавался мелочнымъ мыслямъ, которыхъ никакъ не могъ побороть. Ему было обидно, что за его больше чѣмъ двадцатилѣтнюю службу ему не дали ни пенсін, ни единовременнаго пособія. Правда, онъ служилъ не честно, но вѣдь

пенсію получаютъ всѣ служащіе безъ различія, честны они или нѣтъ. Современная справедливость и заключается именно въ томъ, что чинами, орденами и пенсіями награждаются не нравственныя качества и способности, а вообще служба, какая бы она ни была. Почему же онъ одинъ долженъ составлять исключеніе? Денегъ у него совсѣмъ не было. Ему было стыдно проходить мимо лавочки и глядѣть на хозяйку. За пиво должны уже 32 рубля. Мѣдникъ Вѣловой тоже должны. Дарьюшка потихоньку продаетъ старья платья и книги и жетъ хозяйкѣ, что скоро докторъ получитъ очень много денегъ.

Онъ сердился на себя за то, что истратилъ на путешествіе тысячу рублей, которая у него была скоплена. Какъ бы теперь пригодилась эта тысяча! Ему было досадно, что его не оставляютъ въ покоѣ люди. Хоботовъ считалъ своимъ долгомъ изрѣдка навѣщать больного коллегу. Все было въ немъ противно Андрею Ефимычу: и сытое лицо, и дурной, снисходительный тонъ, и слово «коллега», и высокіе сапоги; самое же противное было то, что онъ считалъ своею обязанностью лѣчить Андрея Ефимыча и думалъ, что въ самомъ дѣлѣ лѣчить. Въ каждое свое посѣщеніе онъ приносилъ стклянку съ бромистымъ калиемъ и шпюли изъ ревеня.

И Михаилъ Аверьянычъ тоже считалъ своимъ долгомъ навѣщать друга и развлекать его. Всякій разъ онъ входилъ къ Андрею Ефимычу съ напускною развязностью, принужденно хохоталъ и начиналъ увѣрять его, что онъ сегодня прекрасно выглядит и что дѣла, слава Богу, идутъ на поправку, и изъ этого можно было заключить, что положеніе своего друга онъ считалъ безнадежнымъ. Онъ не выплатилъ еще своего варшавскаго долга и былъ удрученъ тяжелымъ стыдомъ, былъ напряженъ и потому старался хохотать громче и рассказывать смѣшныя. Его анекдоты и рассказы казались теперь безконечными и были мучительны и для Андрея Ефимыча, и для него самого.

Въ его присутствіи Андрей Ефимычъ ложился обыкновенно на диванъ лицомъ къ стѣнѣ и слушалъ, стиснувъ зубы; на душу его пластами ложилась накипь, и послѣ каждаго посѣщенія друга онъ чувствовалъ, что накипь эта становится все выше и словно подходитъ къ горлу.

Чтобы заглушить мелочныя чувства, онъ спѣшилъ ду-

мать о томъ, что и онъ самъ, и Хоботовъ, и Михаилъ Аверьянычъ должны рано или поздно погибнуть, не оставивъ въ природѣ даже отпечатка. Если вообразить, что черезъ миллионъ лѣтъ мимо земного шара пролетитъ въ пространствѣ какой-нибудь духъ, то онъ увидитъ только глину и голые утесы. Все — и культура, и нравственный законъ—пропадетъ и даже лопухомъ не порастетъ. Что же значать стыдъ передъ лавочникомъ, ничтожный Хоботовъ, тяжелая дружба Михаила Аверьяныча? Все это вздоръ и пустяки.

Но такія разсужденія уже не помогали. Едва онъ вообразилъ земной шаръ черезъ миллионъ лѣтъ, какъ изъ-за гогого утеса показывался Хоботовъ въ высокихъ сапогахъ или напряженно хохочущій Михаилъ Аверьянычъ и даже слышался стыдливый шопотъ: «А варшавскій долгъ, голубчикъ, возвращу на этихъ дняхъ... Непремѣнно».

XVI.

Однажды Михаилъ Аверьянычъ пришелъ послѣ обѣда, когда Андрей Ефимычъ лежалъ на диванѣ. Случилось такъ, что въ это же время явился и Хоботовъ съ бромистымъ калиемъ. Андрей Ефимычъ тяжело поднялся, сѣлъ и уперся обѣими руками о диванъ.

— А сегодня, дорогой мой,—началъ Михаилъ Аверьянычъ:—у васъ цвѣтъ лица гораздо лучше, чѣмъ вчера. Да вы молодцомъ! Ей-Богу, молодцомъ!

— Пора, пора поправляться, коллега, — сказала Хоботовъ звѣвая.—Небось, вамъ самимъ надоѣла эта канитель.

— И поправимся! — весело сказалъ Михаилъ Аверьянычъ.—Еще лѣтъ сто жить будемъ! Такъ-тосъ!

— Сто не сто, а на двадцать еще хватитъ, — утѣшалъ Хоботовъ.—Ничего, ничего, коллега, не унывайте... Будетъ вамъ тѣнь наводить.

— Мы еще покажемъ себя!—захохоталъ Михаилъ Аверьянычъ и похлопалъ друга по колѣну.— Мы еще покажемъ! Будущимъ лѣтомъ, Богъ дастъ, махнемъ на Кавказъ и весь его верхомъ объѣдемъ—гопъ! гопъ! гопъ! А съ Кавказа вернемся, гляди, чего добраго, на свадьбѣ гулять будемъ.—Михаилъ Аверьянычъ лукаво подмигнулъ глазомъ.— Женимъ васъ, дружка милаго... женимъ...

Андрей Ефимычъ вдругъ почувствовалъ, что накипь подходитъ къ горлу; у него страшно забилось сердце.

— Это пошло! — сказалъ онъ, быстро вставая и отходя къ окну. — Неужели вы не понимаете, что говорите пошлости?

Онъ хотѣлъ продолжать мягко и вѣжливо, но противъ воли вдругъ сжалъ кулаки и поднялъ ихъ выше головы.

— Оставьте меня! — крикнулъ онъ не своимъ голосомъ, багровѣя и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Вонь! Оба вонь, оба!

Михаилъ Аверьянычъ и Хоботовъ встали и уставились на него сначала съ недоумѣніемъ, потомъ со страхомъ.

— Оба вонь! — продолжалъ кричать Андрей Ефимычъ. — Тупые люди! Глухие люди! Не пужно мнѣ ни дружбы, ни твоихъ лѣкарствъ, тупой человѣкъ! Пошлости! Гадость!

Хоботовъ и Михаилъ Аверьянычъ, растерянно переглядываясь, понялились къ двери и вышли въ сѣни. Андрей Ефимычъ схватилъ стеклянку съ бромистымъ калиемъ и швырнулъ имъ влѣдъ; стеклянка со звономъ разбилась о порогъ.

— Убирайтесь къ чорту! — крикнулъ онъ плачущимъ голосомъ, выбѣгая въ сѣни. — Къ чорту!

По уходѣ гостей, Андрей Ефимычъ, дрожа какъ въ лихорадкѣ, легъ на диванъ и долго еще повторялъ:

— Тупые люди! Глухие люди!

Когда онъ успокоился, то прежде всего ему пришло на мысль, что бѣдному Михаилу Аверьянычу теперь, должно-быть, страшно стыдно и тяжело на душѣ, и что все это ужасно. Никогда раньше не случалось ничего подобнаго. Гдѣ же умъ и тактъ? Гдѣ уразумѣніе вещей и философское равнодушіе?

Докторъ всю ночь не могъ уснуть отъ стыда и досады на себя, а утромъ, часовъ въ десять, отправился въ почтовую контору и извинился передъ почтмейстеромъ.

— Не будемъ вспоминать о томъ, что произошло, — сказалъ со вздохомъ растроганный Михаилъ Аверьянычъ, крѣпко пожимъ я ему руку. — Кто старое помянетъ, тому глазъ вонь. Любавинъ! — вдругъ крикнулъ онъ такъ громко, что всѣ почтальоны и посѣтители вздрогнули. — Подай стулъ. А ты подожди! — крикнулъ онъ бабѣ, которая сквозь рѣшетку протягивала къ нему заказное письмо. — Развѣ не видишь, что я занятъ? Не будемъ вспоминать

старое, — продолжать онъ нѣжно, обращаясь къ Андрею Ефимычу. — Садитесь, покорнѣйше прошу, мой дорогой.

Онъ минуту молча поглаживалъ себѣ колѣни и потомъ сказалъ:

— У меня и въ мысляхъ не было обижаться на васъ. Болѣзнь не свой братъ, я понимаю. Вашу припадокъ испугалъ насъ вчера съ докторомъ, и мы долго потомъ говорили о васъ. Дорогой мой, отчего вы не хотите серьезно заняться вашею болѣзнию? Развѣ можно такъ? Извините за дружескую откровенность, — зашепталъ Михаилъ Аверьянычъ: — вы живете въ самой неблагоприятной обстановкѣ: тѣснота, нечистота, ухода за вами нѣтъ, лѣчиться не на что... Дорогой мой другъ, умоляемъ васъ вмѣстѣ съ докторомъ всѣмъ сердцемъ, послушайте нашего совѣта: ложитесь въ больницу! Тамъ и ница здоровая, и уходъ, и лѣчение. Евгеній Федоровичъ хотя и моветонъ, между нами говоря, но свѣдущій, на него вполне можно положиться. Онъ далъ мнѣ слово, что займется вами.

Андрей Ефимычъ былъ тронутъ искреннимъ участіемъ и слезами, которыя вдругъ заблестѣли на щекахъ у почтмейстера.

— Уважаемый, не вѣрьте! — зашепталъ онъ, прикладывая руку къ сердцу. — Не вѣрьте имъ! Это обманъ! Болѣзнь моя только въ томъ, что за двадцать лѣтъ я нашелъ во всемъ городѣ одного только умнаго человѣка, да и тотъ сумасшедшій. Болѣзни нѣтъ никакой, а просто я попалъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Мнѣ все равно, я на все готовъ.

— Ложитесь въ больницу, дорогой мой.

— Мнѣ все равно, хоть въ яму.

— Дайте, голубчикъ, слово, что вы будете слушаться во всемъ Евгенія Федорыча.

— Извольте, даю слово. Но, повторяю, уважаемый, я попалъ въ заколдованный кругъ. Теперь все, даже искреннее участіе моихъ друзей, клонится къ одному — къ моей гибели. Я погибаю и имѣю мужество сознавать это.

— Голубчикъ, вы выздоровѣете.

— Къ чему это говорить? — сказала Андрей Ефимычъ съ раздраженіемъ. — Рѣдкій человѣкъ подъ конецъ жизни не испытываетъ того же, что я теперь. Когда вамъ скажутъ, что у васъ что-нибудь въ родѣ плохихъ почекъ и

увеличеннаго сердца и вы станете лѣчиться, или скажутъ, что вы сумасшедшій или преступникъ, то-есть, однимъ словомъ, когда люди вдругъ обратятъ на васъ вниманіе, то знайте, что вы попали въ заколдованный кругъ, изъ котораго уже не выйдете. Будете стараться выйти и еще больше заблудитесь. Сдавайтесь, потому что никакія человѣческія усилія уже не спасутъ васъ. Такъ миѣ кажется.

Между тѣмъ, у рѣшетки толпилась публика. Андрей Ефимычъ, чтобы не мѣшать, всталъ и началъ прощаться. Михаилъ Аверьянычъ еще разъ взялъ съ него честное слово и проводилъ его до наружной двери.

Въ тотъ же день, передъ вечеромъ, къ Андрею Ефимычу неожиданно явился Хоботовъ въ полушубкѣ и въ высокихъ сапогахъ и сказалъ такимъ тономъ, какъ будто вчера ничего не случилось:

— А я къ вамъ по дѣлу, коллега. Пришелъ приглашать васъ: не хотите ли со мной на консиліумъ, а?

Думая, что Хоботовъ хочетъ развлечь его прогулкой или, въ самомъ дѣлѣ, дать ему заработать, Андрей Ефимычъ одѣлся и вышелъ съ нимъ на улицу. Онъ радъ былъ случаю загладить вчерашнюю вину и помириться, и въ душѣ благодарилъ Хоботова, который даже не заикнулся о вчерашнемъ и, повидимому, щадилъ его. Отъ этого некультурнаго человѣка трудно было ожидать такой деликатности.

— А гдѣ вашъ больной?— спросилъ Андрей Ефимычъ.

— У меня въ больницѣ. Миѣ ужъ давно хотѣлось показать вамъ... Интереснѣйшій случай.

Вошли въ больничный дворъ и, обойдя главный корпусъ, направились къ флигелю, гдѣ помѣщались умалишенные. И все это почему-то молча. Когда вошли во флигель, Никита, по обыкновенію, вскочилъ и вытянулся.

— Тутъ у одного произошло осложненіе со стороны легкихъ, — сказалъ вполголоса Хоботовъ, входя съ Андреемъ Ефимычемъ въ палату.— Вы погодите здѣсь, а я сейчасъ. Схожу только за стетоскопомъ.

И вышелъ.

XVII.

Уже смеркалось. Иванъ Дмитричъ лежалъ на своей постели, уткнувшись лицомъ въ подушку; паралитикъ сидѣлъ

неподвижно, тихо плакать и шевелиль губами. Толстый мужик и бывший сортировщик спали. Было тихо.

Андрей Ефимыч сидѣль на кровати Ивана Дмитрича и ждалъ. Но прошло съ полчаса, и вмѣсто Хоботова вошелъ въ палату Никита, держа въ охапкѣ халатъ, чье-то бѣлье и туфли.

— Пожалуйте одѣваться, ваше высокоблагородіе, — сказалъ онъ тихо. — Вотъ ванна постелька, пожалуйста сюда, — добавилъ онъ, указывая на пустую, очевидно, недавно принесенную кровать. — Ничего, Богъ дастъ, выздоровѣете.

Андрей Ефимычъ все понялъ. Онъ, ни слова не говоря, перешелъ къ кровати, на которую указалъ Никита, и сѣлъ; видя, что Никита стоитъ и ждетъ, онъ раздѣлся до-гола, и ему стало стыдно. Потомъ онъ надѣль больничное платье; кальсоны были очень коротки, рубаха длинна, а отъ халата пахло копченою рыбой.

— Выздоровѣете, Богъ дастъ, — повторилъ Никита.

Онъ забралъ въ охапку платье Андрея Ефимыча, вышелъ и затворилъ за собой дверь.

«Все равно... — думалъ Андрей Ефимычъ, стыдливо заправившись въ халатъ и чувствуя, что въ своемъ новомъ костюмѣ онъ похожъ на арестанта. — Все равно... Все равно, что фракъ, что мундиръ, что этотъ халатъ»...

Но какъ же часы? А записная книжка, что въ боковомъ карманѣ? А папиросы? Куда Никита унесъ платье? Теперь, пожалуй, до самой смерти уже не придется надѣвать брюкъ, жилета и сапоговъ. Все это какъ-то странно и даже непонятно въ первое время. Андрей Ефимычъ и теперь былъ убѣжденъ, что между домомъ мѣщанки Бѣловой и палатой № 6 нѣтъ никакой разницы, что все на этомъ свѣтѣ вздоръ и суета-суетъ, а между тѣмъ у него дрожали руки, ноги холодѣли и было жутко отъ мысли, что скоро Иванъ Дмитричъ встанетъ и увидить, что онъ въ халатѣ. Онъ всталъ, прошелся и опять сѣлъ.

Вотъ онъ просидѣль уже полчаса, часъ, и ему надоѣло до тоски; неужели здѣсь можно прожить день, недѣлю и даже годы, какъ эти люди? Ну, вотъ онъ сидѣль, прошелся и опять сѣлъ; можно пойти и посмотрѣть въ окно, и опять пройти изъ угла въ уголь. А потомъ что? Такъ и сидѣте все время, какъ истуканъ, и думать? Нѣтъ, это едва ли возможно.

Андрей Ефимыч легъ, но тотчасъ же всталъ, вытеръ рукавомъ со лба холодный потъ и почувствовалъ, что все лицо его запахло копченою рыбой. Онъ опять прошелся.

— Это какое-то недоразумѣніе...—проговорилъ онъ, разводя руками въ недоумѣніи.—Надо объясниться, тутъ недоразумѣніе...

Въ это время проснулся Иванъ Дмитричъ. Онъ сѣлъ и поднеръ щеки кулаками. Сплюнулъ. Потомъ онъ лѣниво взглянулъ на доктора и, повидимому, въ первую минуту ничего не понялъ; но скоро сонное лицо его стало злымъ и насмѣшливымъ.

— Ага, и васъ засадили сюда, голубчикъ!—проговорилъ онъ сильнымъ съ просонокъ голосомъ, зажмуривъ одинъ глазъ.—Очень радъ. То вы пили изъ людей кровь, а теперь изъ васъ будутъ пить. Превосходно!

— Это какое-то недоразумѣніе... — проговорилъ Андрей Ефимычъ, пугаясь словъ Ивана Дмитрича; онъ пожалъ плечами и повторилъ:—недоразумѣніе какое-то...

Иванъ Дмитричъ опять сплюнулъ и легъ.

— Проклятая жизнь!—проворчалъ онъ. — И что горько и обидно, вѣдь эта жизнь кончится не наградой за страданія, не апофеозомъ, какъ въ оперѣ, а смертью; придутъ мужики и потащутъ мертваго за руки и за ноги въ подвалъ. Брр! Ну, ничего... Зато на томъ свѣтѣ будетъ нашъ праздникъ... Я съ того свѣта буду являться сюда гнѣвно и пугать этихъ гадинъ. Я ихъ посѣдѣть заставлю.

Вернулся Мойсейка и, увидѣвъ доктора, протянулъ руку.

— Дай конеечку!—сказалъ онъ.

XVIII.

Андрей Ефимычъ отошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ поле. Уже становилось темно и на горизонтѣ съ правой стороны восходила холодная, багровая луна. Недалеко отъ больничнаго забора, въ ста саженьяхъ, не больше, стоялъ высокій бѣлый домъ, обнесенный каменною стѣной. Это была тюрьма.

«Вотъ она дѣйствительность!»—подумалъ Андрей Ефимычъ, и ему стало страшно.

Были страшны и луна, и тюрьма, и гвозди на заборѣ, и далекій пламень въ костопальномъ заводѣ. Сзади послышался вздохъ. Андрей Ефимычъ оглянулся и увидѣлъ чело-

вѣка съ блестящими звѣздами и съ орденами на груди, который улыбался и лукаво подмигивалъ глазомъ. И это показалось страшнымъ.

Андрей Ефимычъ увѣрялъ себя, что въ лунѣ и въ тюрьмѣ нѣтъ ничего особеннаго, что и психически здоровые люди носятъ ордена и что все со временемъ сгніетъ и обратится въ глину, но отчаяніе вдругъ овладѣло имъ, онъ ухватился обѣими руками за рѣшетку и изо всей силы потрясъ ее. Крѣпкая рѣшетка не поддавалась.

Потомъ, чтобы не такъ было страшно, онъ пошелъ къ постели Ивана Дмитрича и сѣлъ.

— Я палъ духомъ, дорогой мой, — пробормоталъ онъ, дрожа и утирая холодный потъ. — Палъ духомъ.

— А вы пофилософствуйте, — сказалъ насмѣшливо Иванъ Дмитричъ.

— Боже мой, Боже мой... Да, да... Вы какъ-то изволили говорить, что въ Россіи нѣтъ философіи, но философствуютъ все, даже мелюзга. Но вѣдь отъ философствованія мелюзги никому нѣтъ вреда, — сказалъ Андрей Ефимычъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ заплакать и разжалобить. — Зачѣмъ же, дорогой мой, этотъ злорадный смѣхъ? И какъ не философствовать этой мелюзгѣ, если она не удовлетворена? Умному, образованному, гордому, свободолюбивому человѣку, подобію Божію, нѣтъ другого выхода, какъ идти лѣкаремъ въ грязный, глухой городишко, и всю жизнь банки, пѣявки, горчичники! Шарлатанство, узость, пошлость! О, Боже мой!

— Вы болтаете глупости. Если въ лѣкаря противно, шли бы въ министры.

— Никуда, никуда нельзя. Слабы мы, дорогой... Былъ я равнодушень, бодро и здраво рассуждалъ, а стоило только жизни грубо прикоснуться ко мнѣ, какъ я палъ духомъ... протрація... Слабы мы, дрянные мы... И вы тоже, дорогой мой. Вы умны, благородны, съ молокомъ матери всосали благіе порывы, но едва вступили въ жизнь, какъ утомились и заболѣли... Слабы, славы!

Что-то еще неотвязчивое, кромѣ страха и чувства обиды, томило Андрея Ефимыча все время съ наступленія вечера. Наконецъ, онъ сообразилъ, что это ему хочется пива и курить.

— Я выйду отсюда, дорогой мой, — сказалъ онъ. — Скажу, чтобы сюда огня дали... Не могу такъ... не въ состояніи...

Андрей Ефимыч пошелъ къ двери и отворилъ ее, но тотчасъ же Никита вскочилъ и загородилъ ему дорогу.

— Куда вы? Нельзя, нельзя!—сказалъ онъ.—Пора спать!

— Но я только на минуту, по двору пройтись!—оторопѣлъ Андрей Ефимычъ.

— Нельзя, нельзя, не приказано. Сами знаете.

Никита захлопнулъ дверь и прислонился къ ней спиной.

— Но если я выйду отсюда, что кому сдѣлается отъ этого?—спросилъ Андрей Ефимычъ, пожмая плечами.— Не понимаю! Никита, я долженъ выйти!—сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.—Мнѣ нужно!

— Не заводите безпорядковъ, нехорошо!—сказалъ настаивательно Никита.

— Это чортъ знаетъ что такое!—вскрикнулъ вдругъ Иванъ Дмитричъ и вскочилъ.—Какое онъ имѣетъ право не пускать? Какъ они смѣютъ держать насъ здѣсь? Въ законѣ, кажется, ясно сказано, что никто не можетъ быть лишень свободы безъ суда! Это насиліе! Произволь!

— Конечно, произволь!—сказалъ Андрей Ефимычъ, подбодряемый крикомъ Ивана Дмитрича.—Мнѣ нужно, я долженъ выйти! Онъ не имѣетъ права! Отпусти, тебѣ говорить!

— Слышишь, тупая скотина?—крикнулъ Иванъ Дмитричъ и постучалъ кулакомъ въ дверь.—Отвори, а то я дверь выломаю! Живодерь!

— Отвори!—крикнулъ Андрей Ефимычъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.—Я требую!

— Поговори еще!—отвѣтилъ за дверью Никита.—Поговори!

— По крайней мѣрѣ, поди позови сюда Евгенія Федорыча! Скажи, что я прошу его пожаловать... на минуту!

— Завтра они сами придутъ.

— Никогда насъ не выпустятъ!—продолжалъ между тѣмъ Иванъ Дмитричъ.—Стыжать насъ здѣсь! О, Господи, неужели же въ самомъ дѣлѣ на томъ свѣтѣ итѣ ада и эти негодяи будутъ прощены? Гдѣ же справедливость? Отвори, негодяй, я задыхаюсь!—крикнулъ онъ сильнымъ голосомъ и навалился на дверь.—Я разможу себѣ голову! Убийцы!

Никита быстро отворилъ дверь, грубо обѣими руками и коленомъ отпихнулъ Андрея Ефимыча, потомъ размахнулся и ударилъ его кулакомъ по лицу. Андрею Ефимычу пока-

залось, что громадная соленая волна накрыла его съ головой и потащила къ кровати; въ самомъ дѣлѣ, во рту было солоно: вѣроятно, изъ зубовъ пошла кровь. Онъ, точно желая выплыть, замахалъ руками и ухватился за чью-то кровать, и въ это время почувствовалъ, что Никита два раза ударилъ его въ спину.

Громко вскрикнулъ Иванъ Дмитричъ. Должно-быть, и его били.

Затѣмъ все стихло. Жидкій лунный свѣтъ шелъ сквозь рѣшетки и на полу лежала тѣнь, похожая на свѣтъ. Было страшно. Андрей Ефимычъ легъ и притаилъ дыханіе; онъ съ ужасомъ ждалъ, что его ударитъ еще разъ. Точно кто взялъ серпъ, воткнулъ въ него и нѣсколько разъ повернулъ въ груди и въ кишкахъ. Отъ боли онъ укусалъ подушку и стиснулъ зубы, и вдругъ въ головѣ его, среди хаоса, ясно мелькнула страшная, невыносимая мысль, что такую же точно боль должны были испытывать годами, изо дня въ день, эти люди, казавшіеся теперь при лунномъ свѣтѣ черными тѣнями. Какъ могло случиться, что въ продолженіе больше, чѣмъ двадцати лѣтъ, онъ не зналъ и не хотѣлъ знать этого? Онъ не зналъ, не имѣлъ понятія о боли, значить, онъ не виноватъ, но совѣсть, такая же неговорчивая и грубая, какъ Никита, заставила его похолодѣть отъ затылка до пятъ. Онъ вскочилъ, хотѣлъ крикнуть изо всѣхъ силъ и бѣжать скорѣе, чтобъ убить Никиту, потомъ Хоботова, смотрителя и фельдшера, потомъ себя, но изъ груди не вышло ни одного звука и ноги не повиновались; задыхаясь, онъ рванулъ на груди халатъ и рубаху, порвалъ и безъ чувствъ повалился на кровать.

XIX.

Утромъ на другой день у него болѣла голова, гудѣло въ ушахъ и во всемъ тѣлѣ чувствовалось недомоганіе. Вспоминать о вчерашней своей слабости ему не было стыдно. Онъ былъ вчера малодушень, боялся даже луны, искренно высказывалъ чувства и мысли, какихъ раньше и не подозрѣвалъ у себя. Напримѣръ, мысли о неудовлетворенности философствующей мелюзги. Но теперь ему было все равно.

Онъ не ѣлъ, не пилъ, лежалъ неподвижно и молчалъ.

«Мнѣ все равно, — думалъ онъ, когда ему задавали вопросы.—Отвѣчать не стану... Мнѣ все равно».

Послѣ обѣда пришелъ Михаилъ Аверьянычъ и припесъ четвертку чаю и фунтъ мармеладу. Дарьюшка тоже приходила и цѣлый часъ стояла около кровати съ выраженіемъ тупой скорби на лицѣ. Посѣтилъ его и докторъ Хоботовъ. Онъ принесъ стеклянку съ бромистымъ калиемъ и приказалъ Никитѣ покурить въ палатѣ чѣмъ-нибудь.

Подъ вечеръ Андрей Ефимычъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Сначала онъ почувствовалъ потрясающій ознобъ и голицоту; что-то отвратительное, какъ казалось, проникло во все тѣло, даже въ пальцы, потянуло отъ желудка къ головѣ и залило глаза и уши. Позеленѣло въ глазахъ. Андрей Ефимычъ понялъ, что ему пришелъ конецъ, и вспомнилъ, что Иванъ Дмитричъ, Михаилъ Аверьянычъ и миллионы людей вѣрятъ въ безсмертіе. А вдругъ оно есть? Но безсмертія ему не хотѣлось, и онъ думалъ о немъ только одно игновеніе. Стадо оленей, необыкновенно красивыхъ и граціозныхъ, о зоторыхъ онъ читалъ вчера, пробѣжало мимо него; потомъ баба протянула къ нему руку съ заказнымъ письмомъ... Сказалъ что-то Михаилъ Аверьянычъ. Потомъ все исчезло, и Андрей Ефимычъ забился навѣки.

Пришли мужики, взяли его за руки и за ноги и отпесли въ часовню. Тамъ онъ лежалъ на столѣ съ открытыми глазами, и луна ночью освѣщала его. Утромъ пришелъ Сергѣй Сергѣвичъ, набожно помолится на Распятіе и закрылъ своему бывшему начальнику глаза.

Черезъ день Андрея Ефимыча хоронили. На похоронахъ были только Михаилъ Аверьянычъ и Дарьюшка.

ГУСЕВЪ.

I.

Уже потемнѣло, скоро ночь.

Гусевъ, бевсрочно-отпускной рядовой, приподнимается на койкѣ и говоритъ вполголоса:

— Слышишь, Павелъ Иванычъ? Мнѣ одинъ солдатъ въ Сучанѣ сказывалъ: ихнее судно, когда они шли, на рыбину наѣхало и днище себѣ проломило.

Человѣкъ неизвѣстнаго званія, къ которому онъ обращается и котораго всѣ въ судовомъ лазаретѣ зовутъ Павломъ Иванычемъ, молчитъ, какъ будто не слышитъ.

И опять наступаетъ тишина... Вѣтеръ гуляетъ по снастямъ, стучитъ винтъ, хлещутъ волны, скрипятъ койки, но ко всему этому давно уже привыкло ухо и кажется, что все кругомъ спитъ и безмолвствуетъ. Скучно. Тѣ трое больныхъ— два солдата и одинъ матросъ— которые весь день играли въ карты, уже спать и бредить.

Кажется, начинаетъ покачивать. Койка подъ Гусевымъ медленно поднимается и опускается, точно вздыхаетъ— и втакъ разъ, другой, третій... Что-то ударилось о полъ и зазвенѣло: должно-быть, кружка упала.

— Вѣтеръ съ цѣпи сорвался...— говоритъ Гусевъ, прислушиваясь.

На этотъ разъ Павелъ Иванычъ кашляетъ и отвѣчаетъ раздраженно:

— То у тебя судно на рыбу наѣхало, то вѣтеръ съ цѣпи сорвался... Вѣтеръ звѣрь, что ли, что съ цѣпи срывается?

— Такъ крещенные говорятъ.

— И крещеные такіе же певѣжды, какъ ты... Мало ли чего они не говорятъ? Надо свою голову имѣть на плечахъ и разсуждать. Безсмысленный человѣкъ.

Панель Иванычъ подверженъ морской болѣзни. Когда качаетъ, онъ обыкновенно сердится и приходитъ въ раздраженіе отъ малѣйшаго пустяка. А сердиться, по мнѣнію Гусева, положительно не на что. Что страннаго, или мудренаго, напримѣръ, хоть въ рыбѣ, или въ вѣтрѣ, который срывается съ цѣпи? Положимъ, что рыба величиной съ гору и что спина у нея твердая, какъ у осетра; также положимъ, что тамъ, гдѣ конецъ свѣта, стоятъ толстыя каменные стѣны, а къ стѣнамъ прикованы злые вѣтры... Если они не сорвались съ цѣпи, то почему же они мечутся по всему морю, какъ угорѣлые, и рвутся, словно собаки? Если ихъ не приковываютъ, то куда же они дѣваются, когда бываетъ тихо?

Гусевъ долго думаетъ о рыбахъ, величиною съ гору, и о толстыхъ, заржавленныхъ цѣпяхъ, потомъ ему становится скучно, и онъ начинаетъ думать о родной сторонѣ, куда теперь возвращается онъ послѣ пятилѣтней службы на Дальнемъ Востокѣ. Рисуется ему громадный прудъ, занесенный снѣгомъ... На одной сторонѣ пруда фарфоровый заводъ кирпичнаго цвѣта, съ высокой трубой и съ облаками чернаго дыма; на другой сторонѣ—деревня... Изъ двора, пятаго съ краю, ѣдетъ въ саняхъ братъ Алексѣй; позади него сидятъ сынишка Ванька, въ большихъ валенкахъ, и дѣвчонка Акулька, тоже въ валенкахъ. Алексѣй выпивши, Ванька смѣется, а Акулькина лица не видать—закуталась.

«Неровень часъ, дѣтей поморозить...» — думаетъ Гусевъ.—Пошли имъ, Господи,—шепчетъ онъ: — ума-разума, чтобъ родителей почитали и умнѣй отца-матери не были...

— Тутъ нужны новыя подметки,—бредитъ басомъ больнои матросъ.—Да, да!

Мысли у Гусева сбываются, и вмѣсто пруда вдругъ ни къ селу, ни къ городу показывается большая бычья голова безъ глазъ, а лошадь и сани ужъ не ѣдутъ, а кружатся въ черномъ дыму. Но онъ все-таки радъ, что повидаль родныхъ. Радость захватываетъ у него дыханіе, бѣгаетъ мурашками по тѣлу, дрожить въ пальцахъ.

— Привелъ Господь повидаться!—бредитъ онъ, но тотъ часъ же открываетъ глаза и ищетъ въ потемкахъ воду.

Опъ встать и ложится, и опять ѣдутъ сани, потомъ опять бычья голова безъ глазъ, дымъ, облака... И такъ до разсвѣта.

II.

Сначала въ потемкахъ обозначается спій кружокъ—это круглое окошечко; потомъ Гусевъ мало-по-малу начинаетъ различать своего сосѣда по койкѣ, Павла Ивановича. Этотъ человѣкъ спитъ сидя, такъ какъ въ лежачемъ положеніи онъ задыхается. Лицо у него сѣрое, носъ длинный, острый, глаза отъ того, что онъ страшно исхудалъ, громадныя; виски впали, борода жиденькая, волосы на головѣ длинные... Глядя на лицо, никакъ не поймешь, какого онъ званія: баринъ ли, купецъ или мужицкаго званія? Судя по выраженію и длиннымъ волосамъ, онъ какъ будто бы постникъ, монастырскій послушникъ, а прислушаешься къ его словамъ—выходитъ какъ будто бы и не монахъ. Отъ кашля, духоты и отъ своей болѣзни онъ изнемогъ, тяжело дышитъ и шевелитъ высохшими губами. Замѣтивъ, что Гусевъ глядитъ на него, онъ поворачивается къ нему лицомъ и говоритъ:

— Я начинаю догадываться... Да... Я теперь отлично все понимаю.

— Что вы понимаете, Павелъ Ивановичъ?

— А вотъ что... Мнѣ все казалось страннымъ, какъ это вы, тяжело больные, вмѣсто того, чтобы находиться въ покоѣ, очутились на пароходѣ, гдѣ и духота, и жаръ, и качка, все, однимъ словомъ, угрожаетъ вамъ смертью, теперь же для меня все ясно... Да... Ваши доктора сдали васъ на пароходъ, чтобы отвязаться отъ васъ. Надоѣло съ вами возиться, со скотами... Денегъ вы имъ не платите, возня съ вами, да и отчетность своими смертями портите — стало-быть, скоты! А отдѣлаться отъ васъ не трудно... Для этого нужно только, во-первыхъ, не имѣть совѣсти и человѣколюбія и, во-вторыхъ, обмануть пароходное начальство. Первое условіе можно хоть и не считать, въ этомъ отношеніи мы артисты, а второе всегда удается при нѣкоторомъ навыкѣ. Въ толпѣ четырехсотъ здоровыхъ солдатъ и матросовъ пять больныхъ не бросаются въ глаза; ну, согнали васъ на пароходъ, смѣшали со здоровыми, наскоро сосчитали и въ суматохѣ ничего дурного не замѣтили, а

когда пароходъ отошелъ, то и увидѣли: на палубѣ валяются параличные да чахоточные въ послѣднемъ градусѣ...

Гусевъ не понимаетъ Павла Ивановича; думая, что ему дѣлають выговоръ, онъ говоритъ въ свое оправданіе:

— Я лежалъ на палубѣ потому, что силъ не было; когда насъ изъ баржи на пароходъ выгружали, я шибко озябъ.

— Возмутительно! — продолжаетъ Павелъ Ивановичъ. — Главное, отлично вѣдь знаютъ, что вы не перенесете этого далекаго перехода, а все-таки сажаютъ васъ сюда! Ну, положимъ, до Индѣйскаго океана вы дойдете, а потомъ что? Страшно подумать... И это благодарность за вѣрную безпорочную службу!

Павелъ Ивановичъ дѣлаетъ злые глаза, брезгливо морщится и говоритъ, задыхаясь:

— Вотъ бы кого въ газетахъ расщелкать такъ, чтобы нерья посыпались!

Больные два солдата и матросъ проснулись и уже играютъ въ карты. Матросъ полулежитъ на койкѣ, солдаты сидятъ возлѣ на полу и въ самыхъ неудобныхъ позахъ. У одного солдата правая рука въ повязкѣ и на кисти наворочена дѣлая шанка, такъ что карты держитъ онъ въ правой подмышкѣ или въ локтевомъ сгибѣ, а ходитъ лѣвой рукой. Сильно качаетъ. Нельзя ни встать, ни чаю напиться, ни лѣкарства принять.

— Ты въ денщикахъ служилъ? — спрашиваетъ Павелъ Ивановичъ у Гусева.

— Точно такъ, въ денщикахъ.

— Боже мой, Боже мой! — говоритъ Павелъ Ивановичъ и мечально покачиваетъ головой. — Вырвать человѣка изъ родного гнѣзда, тащить пятнадцать тысячъ верстъ, потомъ вогнать въ чахотку и... и для чего все это, спрашивается? Для того, чтобъ сдѣлать изъ него денщика для какого-нибудь капитана Конейкина или мичмана Дырки. Какъ много логики!

— Дѣло не трудное, Павелъ Ивановичъ. Встанешь утромъ, сапоги почистишь, самоваръ поставишь, комнаты уберешь, а потомъ и дѣлать нечего. Поручикъ цѣлый день планты чертитъ, а ты хочешь — Богу молишь, хочешь — книжки читай, хочешь — на улицу ступай. Дай Богъ всякому такой жизни.

— Да, очень хорошо! Поручикъ планты чертитъ, а ты

весь день на кухнѣ сидишь и по роднѣ тоскуешь... Планты... Не въ плантахъ дѣло, а въ жизни человѣческой! Жизнь не повторяется, щадить ее нужно.

— Опо, конечно, Павелъ Ивановичъ, дурному человѣку нигдѣ пощады нѣтъ, ни дома, ни на службѣ. но ежели ты живешь правильно, слушаешься, то какая кому надобность тебя обижать? Господа образованные, понимаютъ... За пять лѣтъ я ни разу въ карцерѣ не сидѣлъ, а битъ былъ, дай Богъ память, не больше одного раза...

— За что?

— За драку. У меня рука тяжелая, Павелъ Ивановичъ. Вошли къ намъ во дворъ четыре манзы; дрова носили, что ли—не помню. Ну, мнѣ скучно стало, я ямъ того, бока помялъ, у одного проклятаго изъ носа кровь пошла... Поручикъ увидѣлъ въ окошко, осерчалъ и далъ мнѣ по-уху.

— Глупый, жалкій ты человѣкъ...—шепчетъ Павелъ Ивановичъ.—Ничего ты не понимаешь.

Онъ совсѣмъ изнемогъ отъ качки и закрылъ глаза; голова у него то откидывается назадъ, то опускается на грудь. Нѣсколько разъ пробуетъ онъ лечь, но ничего у него не выходитъ: мѣшается удушье.

— А за что ты четырехъ манзъ побилъ?—спрашиваетъ онъ, немного погодя.

— Такъ. Во дворъ вошли, я и побилъ.

И наступаетъ тишина... Картежники играютъ часа два, съ азартомъ и съ руганью, но качка утомляетъ и ихъ; они бросаютъ карты и ложатся. Опять рисуется Гусеву большой прудъ, заводъ, деревня... Опять ѣдутъ сани, опять Ванька смѣется, а Акулька-дура распахнула шубу и выставила ноги: глядите, моль, люди добрые, у меня не такіе валенки, какъ у Ваньки, а новыя.

— Шестой годочекъ пошелъ, а все еще разума нѣтъ!—бредитъ Гусевъ. —Замѣсто того, чтобы ноги задирать, поди-кась дядкѣ служивому напитокъ принеси. Гостинца дамъ.

Вотъ Андронъ съ кремневымъ ружьемъ на плечѣ несетъ убитаго зайца, а за нимъ идетъ дряхлый жидъ Исайчикъ и предлагаетъ ему промѣнять зайца на кусокъ мыла; вотъ черная телочка въ сѣняхъ, вотъ Домна рубаху шьетъ и о чемъ-то плачетъ, а вотъ опять бычья голова безъ глазъ, черный дымъ...

Наверху кто-то громко крикнулъ, пробѣжало нѣсколько матросовъ; кажется, протащили по палубѣ что-то громоздкое, или что-то треснуло. Опять пробѣжали... Ужъ не случилось ли несчастье? Гусевъ поднимаетъ голову, прислушивается и видитъ: два солдата и матросъ опять играютъ въ карты; Павелъ Ивановичъ сидитъ и певелить губами. Душно, нѣтъ силъ дышать, пить хочется, а вода теплая, противная... Качка не унимается.

Вдругъ съ солдатомъ-картежникомъ дѣлается что-то странное... Онъ называетъ черви бубнами, пугается въ счетъ и роиаетъ карты, потомъ испуганно и глупо улыбается и обводитъ всѣхъ глазами.

— Я сейчасъ, братцы... — говоритъ онъ и ложится на полъ.

Всѣ въ недоумѣнія. Его окликають, онъ не отзывается.

— Степанъ, можетъ, тебѣ нехорошо? а? — спрашиваетъ другой солдатъ съ повязкой на рукѣ. — Можетъ, попа призвать? а?

— Ты, Степанъ, воды выпей... — говоритъ матросъ. — На, братишка, пей.

— Ну, что ты его по зубамъ кружкой колотишь — сердится Гусевъ. — Нешто не видишь, голова садовая?

— Что?

— Что! — передразниваетъ Гусевъ. — Въ немъ дыханія нѣтъ, померь! Вотъ тебѣ — и что! Экій народъ не разумный, Господи, ты Боже мой!..

III.

Качки нѣтъ, и Павелъ Ивановичъ повеселѣлъ. Онъ уже не сердится. Выраженіе лица у него хвастливое, задорное и насмѣшливое. Онъ какъ будто хочетъ сказать: «Да, сейчасъ я скажу вамъ такую штуку, что вы всѣ отъ смѣха животы себѣ порвете». Круглое окошечко открыто, и на Павла Ивановича дуетъ мягкій вѣтерокъ. Слышны голоса, шлепанье весель о воду... Подъ самымъ окошечкомъ кто-то завываетъ тоненькимъ, противнымъ голоскомъ; должно-быть, китаецъ поетъ.

— Да, вотъ мы и на рейдѣ, — говоритъ Павелъ Ивановичъ, насмѣшливо улыбаясь. — Еще какой-нибудь одинъ мѣсяць, и мы въ Россіи. Нда-съ, многоуважаемые господа солдафоны. Приѣду въ Одессу, а оттуда прямо въ Харьковъ.

Въ Харьковѣ у меня литераторъ пріятель. Приду къ нему и скажу: ну, братъ, оставь на время свои гнусные сюжеты насчетъ бабьихъ амуровъ и красоту природы и обличай двуногую мразь... Вотъ тебѣ темы...

Минуту онъ думаетъ о чемъ-то, потомъ говоритъ:

— Гусевъ, а ты знаешь, какъ я надулъ ихъ?

— Кого, Павелъ Ивановичъ?

— Да этихъ самыхъ... Понимаешь ли, тутъ на пароходѣ существуютъ только первый и третій классы, приче́мъ въ третьемъ классѣ дозволяется ѣхать однимъ только мужикамъ, то-есть хамамъ. Если же ты въ шиджакѣ и хоть издали похожъ на барина, или на буржуа, то изволь ѣхать въ первомъ классѣ. Хоть тресни, а выкладывай пятьсотъ рублей. Къ чему, спрашиваю, завели вы такой порядокъ? Ужь не хотите ли поднять этимъ престижъ російской интеллигенціи? «Нисколько. Не пускаемъ васъ просто потому, что въ третьемъ классѣ нельзя ѣхать порядочному человѣку: ужь очень тамъ скверно и безобразно». Да-съ? Благодарю, что такъ заботитесь о порядочныхъ людяхъ. Но во всякомъ случаѣ, скверно тамъ, или хорошо, а пятьсотъ рублей у меня нѣтъ. Казны я не грабилъ, инородцевъ не эксплуатировалъ, контрабандой не занимался, никого не заперолъ до-смерти, а потому судите: имѣю ли я право возсѣдать въ первомъ классѣ, а тѣмъ паче причислять себя къ російской интеллигенціи? Но ихъ логикой не проймешь... Пришлось прибѣгнуть къ надувательству. Надѣлъ я чуйку и большіе сапоги, состроилъ пьяную хамскую рожу и иду къ агенту: «Давай, говорю, ваше высокоблагородіе, билетшко»...

— А вы сами какого званія?—спрашиваетъ матросъ.

— Духовнаго. Мой отецъ былъ честный попъ. Всегда говорилъ великимъ міра сего правду въ глаза и за это много страдалъ.

Павелъ Ивановичъ утомился говорить и задыхается, но все-таки продолжаетъ:

— Да, я всегда говорю въ лицо правду... Я никого и ничего не боюсь. Въ этомъ отношеніи между мной и вами—разница громадная. Вы люди темные, слѣпые, забитые, ничего вы не видите, а что видите, того не понимаете... Вамъ говорятъ, что вѣтеръ съ цѣпи срывается, что вы скоты, печенѣги, вы и вѣрите; по шеѣ васъ бьютъ, вы

ручку дѣлуете; ограбить васъ какое-нибудь животное въ енотовой шубѣ и потомъ швырнетъ вамъ пятиалтынный на чай, а вы: «пожалуйте, баринъ, ручку». Парни вы, жалкіе люди... Я же другое дѣло. Я живу сознательно, я все вижу, какъ видитъ орелъ или ястребъ, когда летаетъ надъ землей, и все понимаю. Я воплощенный протестъ. Вижу произволь—протестую, вижу ханжу и лицемѣра—протестую, вижу торжествующую свинью—протестую. И я непобѣдимъ, никакая испанская инквизиція не можетъ заставить меня замолчать. Да... Отрѣжь мнѣ языкъ—буду протестовать мимикой, замуравь меня въ погребъ — буду кричать оттуда такъ, что за версту будетъ слышно, или уморю себя голодомъ, чтобъ на ихъ черной совѣсти однимъ пудомъ было больше, убей меня—буду являться тѣнью. Всѣ знакомые говорятъ мнѣ: «Невыносимѣйшій вы человекъ, Павелъ Ивановичъ!» Горжусь такой репутаціей. Прослужилъ на Дальнемъ Востоку три года, а оставилъ послѣ себя память на сто лѣтъ: со всѣми разругался. Пріятели пишутъ изъ Россіи: «Не пріѣзжай». А я вотъ возьму, да на зло и пріѣду... Да... Вотъ это жизнь, я понимаю. Это можно назвать жизнью.

Гусевъ не слушаетъ и смотритъ въ окошечко. На прозрачной, нѣжно-бирюзовой водѣ, вся залитая ослѣпительнымъ, горячимъ солнцемъ, качается лодка. Въ ней стоятъ голые китайцы, протягиваютъ вверхъ кѣтки съ канарейками и кричатъ:

— Поеть! Поеть!

О лодку стукнулась другая лодка, пробѣжалъ паровой катеръ. А вотъ еще лодка: сидитъ въ ней толстый китаецъ и ѣстъ палочками рисъ. Лѣнливо колышется вода, лѣнливо носятся надъ нею бѣлыя чайки.

«Вотъ этого жирнаго по шеѣ бы смазать...» — думаетъ Гусевъ, глядя на толстаго китайца и зѣвая.

Онъ дремлетъ, и кажется ему, что вся природа находится въ дремотѣ. Время бѣжитъ быстро. Незамѣтно проходитъ день, незамѣтно наступаютъ потемки... Пароходъ не стоитъ ужъ на мѣстѣ, а идетъ куда-то дальше.

IV.

Проходитъ два дня. Павелъ Ивановичъ уже не сидитъ, а лежитъ; глаза у него закрыты, носъ сталъ какъ будто острѣе.

— Павелъ Иванычъ!—окликаетъ его Гусевъ.—А, Павелъ Иванычъ!

Павелъ Иванычъ открываетъ глаза и шевелить губами.

— Вамъ нездорово?

— Ничего...—отвѣчаетъ Павелъ Иванычъ, задыхаясь.— Ничего, даже, напротивъ... лучше... Видишь, я уже и лежать могу... Полегчало...

— Ну, и слава Богу, Павелъ Иванычъ.

— Какъ сравнишь себя съ вами, жалко мнѣ васъ... бѣднякъ. Легкія у меня здоровыя, а кашель это желудочный... Я могу перенести адъ, не то что Красное море! Къ тому же, я отношусь критически и къ болѣзни своей, и къ лѣкарствамъ. А вы... вы темные... Тяжело вамъ, очень, очень тяжело!

Качки нѣтъ, тихо, но зато душно и жарко, какъ въ банѣ; не только говорить, но даже слушать трудно. Гусевъ обнявъ колѣни, положилъ на нихъ голову и думаетъ о родной сторонѣ. Боже мой, въ такую духоту какое наслажденіе думать о снѣгѣ и холодѣ! Ёдемъ на саняхъ; вдругъ лошади испугались чего-то и понесли... Не разбирая ни дорогъ, ни канавъ, ни овраговъ, несутся онѣ, какъ бѣшенныя, по всей деревнѣ, черезъ прудъ, мимо завода, потомъ по полю... «Держи!—кричатъ во все горло заводскіе и встрѣчные.—Держи!» Но зачѣмъ держать! Пусть рѣзкій, холодный вѣтеръ бьетъ въ лицо и кусаетъ руки, пусть копыта снѣга, подброшенные копытами, падаютъ на шапку, за воротникъ на шею, на грудь, пусть визжатъ полозья и обрываются постромки и вальки, чортъ съ ними совсѣмъ! А какое наслажденіе, когда опрокидываются сани и лежишь со всего размаху въ сугробъ, прямо лицомъ въ снѣгъ, а потомъ встанешь весь бѣлый, съ сосульками на усахъ; ни шапки, ни рукавиць, поясъ развязался... Люди хохочутъ, собаки лаютъ...

Павелъ Иванычъ открываетъ наполовину одинъ глазъ, глядитъ имъ на Гусева и спрашиваетъ тихо:

— Гусевъ, твой командиръ король?

— А кто жъ его знаетъ, Павелъ Иванычъ! Мы не знаемъ, до насъ не доходить.

И затѣмъ много времени проходитъ въ молчаніи. Гусевъ думаетъ, бредитъ и то и дѣло пьетъ воду; ему трудно говорить, трудно слушать, и боится онъ, чтобъ съ нимъ не за-

говорили. Проходить часть, другой, третій; наступаетъ вечеръ, потомъ ночь, но онъ не замѣчаетъ этого, а все сидитъ и думаетъ о морозѣ.

Слышно, какъ будто кто вошелъ въ лазаретъ, раздаются голоса, но проходитъ минутъ пять, и все смолкаетъ.

— Царство небесное, вѣчный покой,—говоритъ солдатъ съ повязкой на рукѣ.—Неспокойный былъ человекъ!

— Что?—спрашиваетъ Гусевъ.—Кого?

— Померъ. Сейчасъ наверхъ унесли.

— Ну, что жь,—бормочетъ Гусевъ зѣвая.—Царство небесное.

— Какъ по-твоему, Гусевъ?—спрашиваетъ послѣ нѣкотораго молчанія солдатъ съ повязкой.—Будетъ онъ въ царствѣ небесномъ или нѣтъ?

— Про кого ты?

— Про Павла Иваныча.

— Будетъ... мучился долго. И то взять, изъ духовнаго званія, а у поповъ родни много. Замолять.

Солдатъ съ повязкой садится на койку къ Гусеву и говоритъ вполголоса:

— И ты, Гусевъ, не жилецъ на этомъ свѣтѣ. Не дойдешь ты до Россіи.

— Нешто докторъ или фельдшеръ сказывалъ?—спрашиваетъ Гусевъ.

— Не то, чтобы кто сказывалъ, а видать... Человекъ, который скоро помретъ, сразу видно. Не ѣшь ты, не пьешь, исхудалъ—глядѣть страшно. Чахотка, однимъ словомъ. Я говорю не для того, чтобы тебя тревожить, а къ тому, можетъ ты захочешь причаститься и собороваться. А ежели у тебя деньги есть, то сдалъ бы ты ихъ старшему офицеру.

— Я домой не написалъ...—вздыхаетъ Гусевъ.—Помру, и не узнаютъ.

— Узнаютъ,—говоритъ басомъ больной матросъ.—Когда помрешь, здѣсь запишутъ въ вахтенный журналъ, въ Одессѣ дадутъ воинскому начальнику выписку, а тотъ пошлетъ въ волость или куда тамъ...

Гусеву становится жутко отъ такого разговора и начинаетъ его томить какое-то желаніе. Пьетъ онъ воду—не то; тянется къ круглому окошечку и вдыхаетъ горячій, влажный воздухъ—не то; старается думать о родной сторонѣ, о морозѣ—не то... Наконецъ, ему кажется, что если

онъ еще хоть одну минуту пробудеть въ лазаретѣ, то непремѣнно задохнется.

— Тяжко, братцы...—говоритъ онъ.—Я пойду наверхъ. Сведите меня ради Христа наверхъ!

— Ладно,—соглашается солдатъ съ повязкой.—Ты не дойдешь, я тебя снесу. Держись за шею.

Гусевъ обнимаетъ солдата за шею, тотъ обхватываетъ его здоровою рукою и несетъ наверхъ. На палубѣ въ по-валку спать безсрочно-отпускные солдаты и матросы; ихъ такъ много, что трудно пройти.

— Становись наземь,—говоритъ тихо солдатъ съ повязкой.—Иди за мной потихоньку, держись за рубаху...

Темно. Нѣтъ огней ни на палубѣ, ни на мачтахъ, ни кругомъ на морѣ. На самомъ носу стоитъ неподвижно, какъ статуя, часовой, но похоже на то, какъ будто и онъ спитъ. Кажется, что пароходъ предоставленъ собственной волѣ и идетъ, куда хочетъ.

— Въ море теперь Павла Иваныча бросать...—говоритъ солдатъ съ повязкой.—Въ мѣшокъ да въ воду.

— Да. Порядокъ такой.

— А дома въ землѣ лучше лежать. Все хоть мать при-детъ на могилку, да поплачетъ.

— Извѣстно.

Запахло навозомъ и сѣномъ. Понуривъ головы, стоятъ у борта быки. Разъ, два, три... восемь штукъ! А вотъ и маленькая лошадка. Гусевъ протягиваетъ руку, чтобы приласкать ее, но она мотнула головой, оскалила зубы и хочетъ укусить его за рукавъ.

— Проклятая...—сердится Гусевъ.

Оба, онъ и солдатъ, тихо пробираются къ носу, потомъ становятся у борта и молча глядятъ то вверхъ, то внизъ. Наверху глубокое небо, ясныя звѣзды, покой и тишина—точь-въ-точь какъ дома въ деревнѣ, внизу же—темнота и безпорядокъ. Неизвѣстно для чего, шумятъ высокія волны. На какую волну ни посмотришь, всякая старается подняться выше всѣхъ, и давить, и гонять другую: на нее съ шумомъ, отсвѣчивая своей бѣлой гривой, налетаетъ третья, такая же свирѣпая и безобразная.

У моря нѣтъ ни смысла, ни жалости. Будь пароходъ поменьше и сдѣланъ не изъ толстаго желѣза, волны разби-ли бы его безъ всякаго сожалѣнія и сожрали бы всѣхъ

людей, не разбирая святыхъ и грѣшныхъ. У парохода тоже безсмысленное и жестокое выраженіе. Это носатое чудовище претъ впередъ и рѣжетъ на своемъ пути милліоны волнъ; оно не боится ни потемокъ, ни вѣтра, ни пространства, ни одиночества, ему все нипочемъ, и если бы у океана были свои люди, то оно, чудовище, давило бы ихъ, не разбирая тоже святыхъ и грѣшныхъ.

— Гдѣ мы теперь?—спрашиваетъ Гусевъ.

— Не знаю. Должно, въ океанѣ.

— Не видать земли...

— Гдѣ жь! Говорятъ, только черезъ семь дней увидимъ.

Оба солдата смотрятъ на бѣлую цѣну, отсвѣчивающую фосфоромъ, молчать и думать. Первый нарушаетъ молчаніе Гусевъ.

— А ничего нѣту страшнаго, — говоритъ онъ. — Только жутко, словно въ темномъ лѣсу сидишь, а ежели бь, положимъ, спустили сейчасъ на воду шлюпку и офицеръ приказалъ ѣхать за сто верстъ въ море рыбу ловить — поѣхалъ бы. Или, скажемъ, крещеный упалъ бы сейчасъ въ воду — упалъ бы и я за имъ. Нѣмца или манзу не сталъ бы спасать, а за крещенымъ полѣзъ бы.

— А помирать страшно?

— Страшно. Миѣ хозяйства жалко. Братъ у меня дома, знаешь, не степенный: пьяница, бабу зря бьетъ, родителей не почитаетъ. Безъ меня все пропадетъ, и отецъ со старухой, гляди, по-міру пойдутъ. Одначе, братъ, поги у меня не стоять, да и душно тутъ... Пойдемъ спать.

V.

Гусевъ возвращается въ лазаретъ и ложится на койку. Непрежнему томить его неопредѣленное желаніе, и онъ никакъ не можетъ понять, что ему нужно. Въ груди давить, въ головѣ стучить, во рту такъ сухо, что трудно пошевельнуть языкомъ. Онъ дремлетъ и бредитъ, и, замученный кошмарами, кашлемъ и духотой, къ утру крѣпко засыпаетъ. Снится ему, что въ казармѣ только-что вынули хлѣбъ изъ печи, а онъ залѣзъ въ печь и парится въ ней березовымъ вѣнякомъ. Спитъ онъ два дня, а на третій въ полдень приходятъ сверху два матроса и выносятъ его изъ лазарета.

Его зашиваютъ въ парусину и, чтобы онъ сталъ тяжелѣе, кладутъ вмѣстѣ съ нимъ два желѣзныхъ колосника.

Запихивъ въ парусину, онъ становится похожимъ на морковь, или рѣдьку: у головы широко, къ ногамъ узко... Передъ заходомъ солнца выносятъ его на палубу и кладутъ на доску; одинъ конецъ доски лежитъ на борту, другой на ящикѣ, поставленномъ на табуретѣ. Вокругъ стоятъ безсрочно-отпускные и команда безъ шапокъ.

— Благословенъ Богъ нашъ,—начинаетъ священникъ:— всегда, нынѣ и присно и вѣки вѣковъ!

— Амины!—поютъ три матроса.

Безсрочно-отпускные и команда крестятся и поглядываютъ въ сторону на волны. Странно, что человекъ зашить въ парусину и что онъ полетитъ сейчасъ въ волны. Неужели это можетъ случиться со всякимъ?

Священникъ посыпаетъ Гусева землей и кланяется. Поютъ вѣчную память.

Вахтенный приподнимаетъ конецъ доски, Гусевъ сползаетъ съ нея, летитъ внизъ головой, потомъ переворачивается въ воздухъ и — бултыхъ! Пѣна покрываетъ его, и мгновеніе кажется онъ окутаннымъ въ кружева, но прошло это мгновеніе—и онъ исчезаетъ въ волнахъ.

Онъ быстро идетъ ко дну. Дойдетъ ли? До дна, говорятъ, четыре версты. Пройдя сажень восемь-десять, онъ начинаетъ идти тише и тише, мѣрно покачивается, точно раздумываетъ, и, увлекаемый теченіемъ, ужъ несется въ сторону быстрѣе, чѣмъ внизъ.

Но вотъ встрѣчаетъ онъ на пути стаю рыбокъ, которыхъ называютъ лоцманами. Увидѣвъ темное тѣло, рыбки останавливаются, какъ вкопанные, и вдругъ всѣ разомъ поворачиваютъ назадъ и исчезаютъ. Меньше, чѣмъ черезъ минуту, онѣ быстро, какъ стрѣлы, опять налетаютъ на Гусева и начинаютъ зигзагами пропизывать вокругъ него воду...

Послѣ этого показывается другое темное тѣло. Это акула. Она важно и нехотя, точно не замѣчая Гусева, подплываетъ подъ него, и онъ опускается къ ней на спину, затѣмъ она поворачивается вверхъ брюхомъ, иѣжится въ теплой, прозрачной водѣ и лѣниво открываетъ пасть съ двумя рядами зубовъ. Лоцмана въ восторгѣ; они остановились и смотрятъ, что будетъ дальше. Поигравши тѣломъ, акула нехотя подставляетъ подъ него пасть, осторожно касается зубами и парусина разрывается во всю длину

тѣла, отъ головы до ногъ; одинъ колосникъ выпадаетъ и, испугавши лоцмановъ, ударивши акулу по боку, быстро идетъ ко дну.

А наверху въ это время, въ той сторонѣ, гдѣ заходитъ солнце, скучиваются облака: одно облако похоже на триумфальную арку, другое на льва, третье на ножницы... Изъ за облаковъ выходитъ широкій зеленый лучъ и протягивается до самой середины неба; немного погодя, рядомъ съ этимъ ложится фіолетовый, рядомъ съ этимъ золотой, потомъ розовый... Небо становится нѣжно-сиреневымъ. Глядя на это великолѣпное, очаровательное небо, океанъ сначала хмурится, но скоро самъ приобретаетъ цвѣта ласковые, радостные, страстные, какіе на человѣческомъ языкѣ и назвать трудно.

БАБЫ.

Въ селѣ Раѣбужѣ, какъ разъ противъ церкви, стоитъ двухъ этажный домъ на каменномъ фундаментѣ и съ желѣзной крышей. Въ нижнемъ этажѣ живетъ со своей семьей самъ хозяинъ, Филиппъ Ивановъ Каминъ, по прозванію Дюдя, а въ верхнемъ, гдѣ лѣтомъ бываетъ очень жарко, а зимою очень холодно, останавливаются проѣзжіе чиновники, купцы и помѣщики. Дюдя арендуетъ участки, держитъ на большой дорогѣ кабакъ, торгуетъ и дегтемъ, и медомъ, и скотомъ, и сороками, и у него ужъ набралось тысячъ восемь, которыя лежатъ въ городѣ въ банкѣ.

Старшій сынъ его Ѳедоръ служитъ на заводѣ въ старшихъ механикахъ и, какъ говорятъ про него мужики, далеко въ гору пошелъ, такъ что до него теперь рукой не достанешь; жена Ѳедора, Софья, некрасивая и болѣзненная баба, живетъ дома при свекрѣ, все плачетъ и каждое воскресенье ѣздитъ въ больницу лѣчиться. Второй сынъ Дюди, горбатенькій Алешка, живетъ дома при отцѣ. Его недавно женили на Варварѣ, которую взяли изъ бѣдной семьи: это баба молодая, красивая, здоровая и щеголиха. Когда останавливаются чиновники и купцы, то всегда требуютъ, чтобы самоваръ имъ подавала и постели постилала непременно Варвара.

Въ одинъ іюньскій вечеръ, когда заходило солнце и въ воздухѣ пахло сѣномъ, теплымъ навозомъ и парнымъ молокомъ, во дворъ къ Дюдѣ въѣхала простая повозка, на которой сидѣло трое: мужчина лѣтъ тридцати въ парусиновомъ костюмѣ, рядомъ съ нимъ мальчикъ, лѣтъ семи-

восьми, въ длинномъ черномъ сюртукѣ съ большими костьюми пуговицами, и молодой парень въ красной рубахѣ за кучера.

Парень распрягъ лошадей и повелъ ихъ на улицу прохаживать, а проѣзжіи умылся, помолился на церковь, потомъ разостлалъ около повозки полость и сѣлъ съ мальчикомъ ужинать; ѣлъ онъ не спѣша, степенно. и Дюдя, выдавшій на своемъ вѣку много проѣзжихъ, узналъ въ немъ по манерамъ человѣка дѣловаго, серьезнаго и знающаго себя цѣну.

Дюдя сидѣлъ на крылечкѣ въ одной жилеткѣ, безъ папки и ждалъ, когда заговоритъ проѣзжіи. Онъ привыкъ къ тому, что проѣзжіе по вечерамъ на сонъ грядущій рассказывали всякія исторіи, и любилъ это. Его старуха Аванасьевна и невѣстка Софья дошли подъ навѣсомъ коровъ; другая невѣстка Варвара сидѣла у открытаго окна въ верхнемъ этажѣ и ѣла подсолнухи.

— Мальчишка этотъ твой сынокъ будетъ, стало?—спросилъ Дюдя у проѣзжаго.

— Нѣтъ, пріемышекъ, сиротка. Взялъ его къ себѣ за спасеніе души.

Разговорились. Проѣзжіи оказался человѣкомъ словоохотливымъ и краснорѣчивымъ, и Дюдя изъ разговора узналъ, что это мѣщанинъ изъ города, домовладѣлецъ, что зовутъ его Матвѣемъ Саввичемъ, что ѣдетъ онъ теперь смотрѣть сады, которые арендуетъ у нѣмцевъ-колонистовъ, и что мальчика зовутъ Кузькой. Вечеръ былъ жаркій и душный, спать никому не хотѣлось. Когда стемнѣло и на небѣ кое-гдѣ замигали блѣдныя звѣзды, Матвѣи Саввичъ сталъ рассказывать, откуда у него взялся Кузька. Аванасьевна и Софья стояли поодаль и слушали, а Кузька пошелъ къ воротамъ.

— Это, дѣдушка, исторія подробная до чрезвычайности— началъ Матвѣи Саввичъ:—и если тебѣ рассказать все, какъ было, то и ночи не хватитъ. Лѣтъ десять назадъ, на нашей улицѣ, какъ разъ рядомъ со мной въ домикъ, гдѣ теперь свѣчной заводъ и маслобойня, жила Марѳа Симоновна Каплунцева, вдова-старушка, и у нея было два сына: одинъ служилъ въ кондукторахъ на чугунокъ, а другой, Вася, мой сверстникъ, жилъ дома при маменькѣ. Покойный старикъ Каплунцевъ держалъ лошадей, паръ пять, и посылалъ по

городу ломовыхъ извозчиковъ; вдова этого дѣла не бросала и командовала извозчиками не хуже покойника, такъ, что въ иные дни чистаго рубля пять выѣзжали. И у парня тоже доходишки были. Голубей породистыхъ разводилъ и продавалъ охотникамъ; все, бывало, стоитъ на крышѣ, вѣникъ вверхъ швыряетъ и свистить, а турманы подь самыми небесами, а ему все мало и еще выше хочется. Чижей и скворцовъ ловилъ, клѣтки мастерилъ... Пустое дѣло, а гляди по пустякамъ въ мѣсяць рублей десятъ набѣжить. Ну-съ, по прошествіи времени, у старушки отнялись ноги и слегла она въ постель. По причинѣ такого факта домъ остался безъ хозяйки, а это все равно, что человекъ безъ глаза. Захлопотала старушка и надумала женить своего Васю. Позвали сейчасъ сваху, пятое-десятое, бабьи разговоры, и пошелъ нашъ Вася невѣсть глядѣть. Засваталъ онъ у вдовы Самохвалихи Машеньку. Недолго думаячи, благословили и въ одну недѣлю все дѣло оборудовали. Дѣвочка молодая, лѣтъ семнадцати, маленькая, кургузенькая, но лицомъ бѣлая и пріятная, со всѣми качествами, какъ барышня; и приданое ничего себѣ: деньгами рублей пятьсотъ, коровенка, постель... А старуха, чуяю ея сердце, на третій же день послѣ свадьбы отправилась въ горній Иерусалимъ, идѣже нѣсть ни болѣзней, ни воздыханій. Молодые помянули и зажили. Прожили они съ полгодика великолѣпнымъ образомъ и вдругъ новое горе. Пришла бѣда, отворяя ворота: потребовали Васю въ присутствіе жребій вынимать. Взяли его, сердягу, въ солдаты и даже льготы не дали. Забрили лобъ и погнали въ Царство Польское. Божья воля, ничего не подѣлаешь. Когда съ женой во дворѣ прощался — ничего, а какъ взглянуть послѣдній разъ на сѣнякъ съ голубями, залился ручьемъ. Глядѣть было жалко. Въ первое время Машенька, чтобъ скучно не было, взяла къ себѣ мать; та пожила до родовъ, когда вотъ этотъ самый Кузька родился, и поѣхала въ Оболянь къ другой дочкѣ, тоже замужней, и осталась Машенька одна съ ребеночкомъ. Пять ломовыхъ мужиковъ, народъ все пьяный, озорной; лошади, дроги, тамъ гляди заборъ обвалился, или въ трубѣ сажа загорѣлась — не женскаго ума дѣло, и стала она по сосѣдству ко мнѣ за каждымъ пустякомъ обращаться. Ну, придешь распорядишься, посоветуешь... Извѣстное дѣло, не безъ того, зайдешь въ домъ чаю выпьешь, поговорить.

Человѣкъ я была молодой, умственный, любилъ поговорить о всякихъ предметахъ, она тоже была образованная и вѣжливая. Одѣвалась чистенько и лѣтомъ съ зонтикомъ ходила. Бывало, начну ей про божественное или насчетъ политики, а ей лестно, она меня чаемъ и вареньемъ... Однимъ словомъ, чтобъ долго не расписывать, скажу тебѣ, дѣдушка, не прошло и года, какъ смутилъ меня нечистый духъ, врагъ рода человѣческаго. Сталъ я замѣчать, что въ который день не пойду къ ней, мнѣ словно не по-себѣ, скучно. И все придумываю, за чѣмъ бы къ ней сходить. «Вамъ, говорю, пора зимнія рамы вставлять», и цѣлый день у ней прохлаждаюсь, рамы вставляю и норовлю еще на завтра рамы двѣ оставить. «Надо бы голубей Васиныхъ сосчитать, не пропали бы которые» — и все такъ. Все, бывало, съ ней черезъ заборъ разговариваю и подъ конецъ, чтобы недалеко было ходить, сдѣлалъ я въ заборѣ калиточку. На этомъ свѣтѣ отъ женскаго пола много зла и всякой пакости. Не только мы, грѣшныя, но и святые мужи совращались. Машенька меня отъ себя не отвадила. Въмѣсто того, чтобъ мужа помнить и себя соблюдать, она меня полюбила. Сталъ я замѣчать, что ей тоже скучно и что все она около забора похаживаетъ и въ щелки въ мой дворъ смотреть. Завертѣлись въ моей головѣ мозги отъ фантазій. Въ четвергъ на Святой недѣлѣ иду рано утромъ, чуть свѣтъ, на базаръ, прохожу мимо ея воротъ, а нечистый тутъ какъ тутъ; поглядѣлъ я — у нея калитка съ такою рѣшеточкой наверху, — а она стоитъ среди двора, уже проснувшись, и утокъ кормить. Я не удержался и окликнулъ. Она подошла и глядитъ на меня сквозь рѣшетку. Лицо блѣлое, глазки ласковые, заспанные... Очень она мнѣ понравилась, и сталъ я ей комплименты говорить, словно мы не у воротъ, а на именинахъ, а она покраснѣла, смѣется и все смотритъ мнѣ въ самые глаза и не мигаетъ. Потерялъ я разумъ и началъ объяснять ей свои любовныя чувства... Она отперла калитку, впустила и съ того утра стали мы жить, какъ мужъ и жена.

Съ улицы во дворъ вошелъ горбатенькій Алешка и, запыхавшись, ни на кого не глядя, побѣжалъ въ домъ; черезъ минуту онъ выбѣжалъ изъ дома съ гармоникой и, звеня въ карманѣ мѣдными деньгами, щелкая на бѣгу подсолнухи, скрылся за воротами.

— А это кто у вас?—спросилъ Матвѣй Саввичъ.

— Сынъ Алексѣй, — отвѣтилъ Дюдя. — Гулять пошелъ, подлець. Богъ его горбомъ обидѣлъ, такъ мы ужъ не очень взыскиваемъ.

— И все онъ гуляетъ съ ребятами, и все гуляетъ, — вздохнула Аванасьевна. — Передъ масляной женили его, думали—какъ лучше; а онъ, поди, еще хуже сталъ.

— Безъ пользы. Только чужую дѣвку осчастливили за даромъ,—сказалъ Дюдя.

Гдѣ-то за церковью зашѣлъ великолѣпную печальную пѣсню. Нельзя было разобрать словъ, и слышались одни только голоса: два тенора и басъ. Оттого, что всѣ прислушались, во дворѣ стало тихо-тихо... Два голоса вдругъ оборвали пѣсню раскатистымъ смѣхомъ, а третій, теноръ, продолжалъ пѣть и взялъ такую высокую ноту, что всѣ невольно посмотрѣли вверхъ, какъ будто голосъ въ-высотѣ своей достигалъ самаго неба. Варвара вышла изъ дому и, заслонивъ глаза рукою, какъ отъ солнца, поглядѣла на церковь.

— Это поповичи съ учителемъ,—сказала она.

Опять всѣ три голоса зашѣли вмѣстѣ. Матвѣй Саввичъ вздохнулъ и продолжалъ:

— Такія-то дѣла, дѣдушка. Года черезъ два получили мы письмо отъ Васи изъ Варшавы. Пишетъ, что начальство отпращиваетъ его домой на поправку. Нездоровъ. Къ тому времени я дурь изъ головы выбросилъ, и за меня ужъ хорошую невѣсту сватали, и не зналъ я только, какъ съ любвишкой развязаться. Каждый день собирался поговорить съ Машенькой, да не зналъ, съ какой стороны къ ней подступить, чтобъ бабьяго визгу не было. Письмо мнѣ руки развязало. Прочитали мы его съ Машенькой, она побѣлѣла, какъ снѣгъ, а я и говорю: — Слава Богу, теперь, говорю, значить, ты опять будешь мужняя жена.—А она мнѣ:—«Не стану я съ нимъ жить». — Да вѣдь онъ тебѣ мужъ? — говорю. — «Легко ли... Я его никогда не любила и неволей за него пошла. Мать велѣла». — Да ты, говорю, не отвиливай, дура, ты скажи: вѣчалась ты съ нимъ въ церкви или нѣтъ?—«Вѣчалась, говоритъ, но я тебя люблю и буду жить съ тобой до самой смерти. Пускай люди смѣются... Я безъ вниманія»... — Ты, говорю, богомольная и читала писаніе, что тамъ написано?

— За мужа выдана, съ мужемъ и жить должна, — ска-
заль Дюдя.

— Жена и мужъ едина плоть.— Погрѣшилъ, говорю, мы съ тобой и будетъ, надо совѣсть имѣть и Бога бояться. Повинимся, говорю, передъ Васей, онъ человѣкъ смиренный, робкій — не убьетъ. Да и лучше, говорю, на этомъ свѣтѣ муки отъ законнаго мужа претерпѣть, чѣмъ на страшномъ судилищѣ зубами скрежетать.— Не слушаетъ баба, уперлась на своемъ и хотъ ты что! «Тебя люблю» — и больше ничего. Приѣхаль Вася въ субботу подъ самую Троицу, рано утромъ. Миѣ въ заборъ все было видно; вбѣжалъ онъ въ домъ, черезъ минуту вышелъ съ Кузькой на рукахъ, и смѣется, и плачетъ, Кузьку цѣлуетъ, а самъ на сѣнникъ смотритъ—и Кузьку бросать жалко и къ голубямъ хочется. Нѣжный былъ человѣкъ, чувствительный. День промель благополучно, тихо и скромно. Зазвонили ко всенощной, я и думаю: завтра Троица, что же они воротъ и забора зелеными не убираютъ? Дѣло, думаю, неладно. Пошелъ я къ нимъ. Гляжу, сидитъ онъ среди комнаты на полу, поводитъ глазами, какъ пьяный, слезы по щекамъ текутъ и руки трясутся; вынимаетъ онъ изъ ула баранки, монисты, пряники и всякіе гостинцы и расшвыриваетъ по полу. Кузька — тогда ему три годочка было—ползаетъ около и пряники жуетъ, а Машенька стоитъ около печки, блѣдная, вся дрожитъ и бормочетъ: «Я тебѣ не жена, не хочу съ тобой жить» — и всякія глупости. Поклонился я Васѣ въ ноги и говорю: «Виноваты мы передъ тобой, Василій Максимычъ, прости Христа ради!» Потомъ всталъ и говорю Машенькѣ такія слова: «Вы, Марья Семеновна, говорю, должны теперь Василю Максимычу ноги мыть и юшку пить. И будьте вы ему покорная жена, а за меня молитесь Богу, чтобъ Онъ, говорю, милосердный, простилъ миѣ мое согрѣшеніе». Какъ будто миѣ было внушеніе отъ ангела небеснаго, прочиталь я ей наставленіе и говорилъ такъ чувствительно, что меня даже слеза прошибла. Этакъ дня черезъ два приходитъ ко миѣ Вася. «Я, говорить, прощаю, Матюша, и тебя, и жену, Богъ съ вами. Она солдатка, дѣло женское, молодое, трудно себя соблюсти. Не она первая, не она послѣдняя. А только, говорить, я прошу тебя жить такъ, какъ будто между вами ничего не было, и виду не показывай, а я, говорить, буду стараться

ей угождать во всемъ, чтобы она меня опять полюбила». Руку мнѣ подаль, чайку попилъ и ушелъ веселый. Ну, думаю, слава Богу, и весело мнѣ стало, что все такъ хорошо вышло. Но только-что Вася изъ двора, какъ пришла Машенька. Чистое наказаніе! Вѣшается на шею, плачетъ и молитъ: «Ради Бога не бросай, жить безъ тебя не могу».

— Эка подлая!—вздыхнулъ Дюдя.

— Я на нее закричалъ, ногами затопалъ, выволокъ ее въ сѣни и дверь на крючокъ заперъ. «Иди, кричу, къ мужу! Не срами меня передъ людьми, Бога побойся!» И каждый день такая исторія. Разъ утромъ стою я у себя на дворѣ около конюшни и починаю уздечку. Вдругъ, смотрю, бѣжитъ она черезъ калитку ко мнѣ во дворъ, босая, въ одной юбкѣ, и прямо ко мнѣ; ухватилась руками за уздечку, вся опачкалась въ смоль, трясется, плачетъ... «Не могу жить съ постылымъ; силъ моихъ нѣтъ! Если не любишь, то лучше убей». Я осерчалъ и ударилъ ее раза два уздечкой, а въ это время вбѣгаетъ въ калитку Вася и кричитъ отчаяннымъ голосомъ: «Не бей! не бей!» А самъ подбѣжалъ и, словид очумѣль, размахнулся и давай бить ее кулаками изо всей силы, потому повалилъ на землю и ну топтать ногами: я сталъ оборонять, а онъ схватилъ вожжи и давай вожжами. Бьетъ и все, какъ жеребенокъ, повизгиваетъ: ги-ги-ги!

— Взять вожжи, да тебя бы такъ... — проворчала Варвара, отходя.—Извели нашу сестру, проклятые...

— Замолчи, ты!—крикнулъ на нее Дюдя.—Кобыла!

— Ги-ги-ги!—продолжалъ Матвѣй Саввичъ. — Изъ его двора прибѣжалъ извозчикъ, кликнулъ я своего работника, и всѣ втроемъ отняли у него Машеньку и повели подъ ручки домой. Срамота! Того же дня вечеромъ пошелъ я прсвѣдать. Она лежитъ въ постели, вся закутанная, въ примочкахъ, только одни глаза и носъ видать, и глядитъ въ потолокъ. Я говорю:—Здравствуйте, Марья Семеновна! Молчить. А Вася сидитъ въ другой комнатѣ, держится за голову и плачетъ: — Злодѣй я! Погубилъ я свою жизнь! Пошли мнѣ, Господи, смерть!—Я посидѣлъ съ полчаса около Машеньки и прочиталъ ей наставленіе. Постращаль. — Праведные, говорю, на томъ свѣтѣ пойдутъ въ рай, а ты въ гіену огненную, заодно со всѣми блудни-

цами... Не противься мужу, иди ему въ ноги поклонись.— А она ни словечка, даже глазомъ не моргнула, словно я столбу говорю. На другой же день Вася заболѣлъ, въ родѣ какъ бы холерой, и къ вечеру, слышу, померъ. Похоронили. Машенька на кладбищѣ не была, не хотѣла людямъ свое безстыжее лицо и синяки показывать. И въ скорости пошли по мѣщанству разговоры, что Вася померъ не своей смертью, что извела его Машенька. Дошло до начальства. Васю вырыли, распотрошили и нашли у него въ животѣ мышьякъ. Дѣло было ясное, какъ пить дать; пришла полиція и забрала Машеньку, а съ ней и Кузьму-безсребренника. Посадили въ острогъ. Допрыгалась баба, наказалъ Богъ... Мѣсяцевъ черезъ восемь судили. Сидить, помню, на скамеечкѣ въ бѣломъ платочкѣ и въ сѣромъ халатикѣ, а сама худенькая, блѣдная, остроглазая, смотрѣтъ жалко. Позади солдатъ съ ружьемъ. Не признавалась. Одни на судѣ говорили, что она мужа отравила, а другіе доказывали, что мужъ самъ съ горя отравился. Я въ свидѣтеляхъ былъ. Когда меня спрашивали, я объяснялъ все по совѣсти.— Ея говорю, грѣхъ. Скрывать нечего, не любила мужа, съ характеромъ была... Судить начали съ утра, а къ ночи вынесли такое рѣшеніе: сослать ее въ каторгу въ Сибирь на 13 лѣтъ. Послѣ такого рѣшенія Машенька потомъ въ нашемъ острогѣ мѣсяца три сидѣла. Я ходилъ къ ней и по человѣчности носилъ ей чайку, сахарку. А она, бывало, увидитъ меня и начнетъ трястись всѣмъ тѣломъ, машетъ руками и бормочетъ: «Уйди! Уйди!» И Кузьку къ себѣ прижимаетъ, словно бонется, чтобъ я не отнялъ. — Вотъ, говорю, до чего ты дожила! Эхъ, Маша, Маша, погибшая душа! Не слушалась меня, когда я училъ тебя уму, вотъ и плачешься теперь. Сама, говорю, виновата, себя и вини. — Я ей читаю наставленіе, а она: «Уйди! уйди!» и жметъ съ Кузькой къ стѣнѣ и дрожить. Когда ее отъ насъ въ губернію отиравливали, я провожать ходилъ до вокзала и сунулъ ей въ узелъ рублишку за спасеніе души. Но не дошла она до Сибири... Въ губерніи заболѣла горячкой и умерла въ острогѣ.

— Собакѣ собачья и смерть,—сказалъ Дюдя.

— Кузьку вернули назадъ домой... Я подумалъ, подумалъ и взялъ его къ себѣ. Что жъ? Хоть и арестантское отродье, а все-таки живая душа, крещеная... Жалко. Сдѣ-

лаю его приказникомъ, а ежели своихъ дѣтей не будетъ, то и въ кунцы выведу. Теперь, какъ ѣду куда, беру его съ собой: пускай приучается.

Пока Матвѣй Саввичъ рассказывалъ, Кузька все время сидѣлъ около воротъ на камешкѣ и, подперевъ обѣими руками голову, смотрѣлъ на небо; издали въ потемкахъ подходилъ онъ на пенекъ.

— Кузька, иди спать!—крикнулъ ему Матвѣй Саввичъ.

— Да, ужъ время, — сказалъ Дюдя, поднимаясь; онъ громко зѣвнулъ и добавилъ: — норовятъ все своимъ умомъ жить, не слушаются, вотъ и выходитъ по-ихиему.

Надъ дворомъ на небѣ плыла уже луна; она быстро бѣжала въ одну сторону, а облака подъ нею въ другую; облака уходили дальше, а она все была видна надъ дворомъ. Матвѣй Саввичъ помолился на церковь и, пожелавъ доброй ночи, легъ на землѣ около повозки. Кузька тоже помолился, легъ въ повозку и укрылся сюртучкомъ; чтобы удобнѣе было, онъ намялъ себѣ въ сѣнѣ ямочку и согнулся такъ, что локти его касались колѣней. Со двора видно было, какъ Дюдя у себя внизу зажегъ свѣчку, надѣлъ очки и сталъ въ углу съ книжкой. Онъ долго читалъ и кланялся.

Пріѣзжіе уснули. Аванасьевна и Софья подошли къ повозкѣ и стали смотрѣть на Кузьку.

— Спитъ сиротка, — сказала старуха. — Худенькій, тощенькій, одиѣ кости. Родной матери иѣтъ, и покормить его путемъ некому.

— Мой Гришутка, должно, годочка на два старше, — сказала Софья. — На заводѣ въ неволѣ живетъ, безъ матери. Хозяинъ бьетъ, небось. Какъ поглядѣла я давеча на этого мальчонка, вспомнила про своего Гришутку—сердце мое кровью запеклось.

Прошла минута въ молчаніи.

— Чай, не помнитъ матери,—сказала старуха.

— Гдѣ помнитъ!

И у Софьи изъ глазъ потекли крупныя слезы.

— Калачикомъ свернулся...—сказала она, всхлипывая и смѣясь отъ умиленія и жалости.—Сиротка моя бѣдная.

Кузька вздрогнулъ и открылъ глаза. Онъ увидѣлъ передъ собой некрасивое, сморщенное заплаканное лицо, рядомъ съ нимъ другое старушечье, беззубое, съ острымъ

подбородкомъ и горбатымъ носомъ, а выше нихъ бездонное небо съ бѣгущими облаками и луной, и вскрикнулъ отъ ужаса. Софья тоже вскрикнула: имъ обоимъ отвѣтило эхо и въ душномъ воздухѣ пронеслось безпокойство; застучалъ по сосѣдству сторожъ, залаяла собака. Матвѣй Саввичъ пробормоталъ что-то во снѣ и повернулся на другой бокъ.

Поздно вечеромъ, когда уже спали и Дюдя, и старуха, и сосѣдній сторожъ, Софья вышла за ворота и сѣла на лавочку. Ей было душно и отъ слезъ разболѣлась голова. Улица была широкая и длинная; направо версты двѣ налѣво столько же, и конца ей не видно. Луна уже ушла отъ двора и стояла за церковью. Одна сторона улицы была залита луннымъ свѣтомъ, а другая чернѣла отъ тѣней; длинныя тѣни тополей и скворененъ тянулись черезъ всю улицу, а тѣнь отъ церкви, черная и страшная, легла широко и захватила ворота Дюди и половину дома. Было безлюдно и тихо. Съ конца улицы изрѣдка доносилась едва слышная музыка; должно-быть, это Алешка игралъ на своей гармоникѣ.

Въ тѣни около церковной ограды кто-то ходилъ, и нельзя было разобрать, человѣкъ это или корова, или, быть-можетъ, никого не было и только большая птица шуршала въ деревьяхъ. Но вотъ изъ тѣни вышла одна фигура, остановилась и сказала что-то мужскимъ голосомъ, потомъ скрылась въ переулкѣ около церкви. Немного погодя, саженьяхъ въ двухъ отъ воротъ, показалась еще фигура; она шла отъ церкви прямо къ воротамъ и, увидѣвъ на лавочкѣ Софью, остановилась.

— Варвара, ты, что ли?—спросила Софья.

— А хоть бы и я.

Это была Варвара. Она минуту постояла, потомъ подошла къ лавочкѣ и сѣла.

— Ты гдѣ ходила?—спросила Софья.

Варвара ничего не отвѣтила.

— Не нагуляла ли ты себѣ, молодайка, какого горя,— сказала Софья. — Слышала, какъ Машеньку и ногами, и вожжами? Тебѣ бы, гляди, того не было.

— А пускай.

Варвара засмѣялась въ платокъ и сказала шопотомъ:

— Съ поповичемъ сейчасъ гуляла.

— Болтаешь.

— Ей-Богу.

— Грѣхъ!—шепнула Софья.

— А пускай... Чего жалѣть? Грѣхъ, такъ грѣхъ, а лучше пускай громъ убьетъ, чѣмъ такая жизнь. Я молодая, здоровая, а мужъ у меня горбатый, постылый, крутой, хуже Дюди проклятаго. Въ дѣвкахъ жила, куска не доѣдала, босая ходила и ушла отъ тѣхъ злыдней, польстилась на Алешкино богатство и попала въ неволю, какъ рыба въ вершу, и легче мнѣ было бы съ гадюкой спать, чѣмъ съ этимъ Алешкой паршивымъ. А твоя жизнь? Не глядѣли бѣ мои глаза. Твой Ѳедоръ прогналъ тебя съ завода къ отцу, а самъ себѣ другую завелъ; мальчишку у тебя отняли и въ неволю отдали. Работаешь ты, словно лошадь, и добраго слова не слышишь. Лучше весь свой вѣкъ въ дѣвкахъ маяться, лучше съ поповичей полтинники брать, милостыню собирать, лучше въ колодезь головой...

— Грѣхъ!—опять шепнула Софья.

— А пускай.

Гдѣ-то за церковью опять заплѣли печальную пѣсню тѣ же самые три голоса: два тенора и басъ. И опять нельзя было разобрать словъ.

— Полунощники...—засмѣялась Варвара.

И она стала рассказывать шопотомъ, какъ она по ночамъ гуляетъ съ поповичемъ, и что онъ ей говоритъ, и какіе у него товарищи, и какъ она съ проѣзжими чиновниками и купцами гуляла. Отъ печальной пѣсни потянуло свободной жизнью, Софья стала смѣяться, ей было и грѣшно, и страшно, и сладко слушать, и завидовала она, и жалко ей было, что она сама не грѣшила, когда была молода и красива...

На погостѣ въ старой церкви ударили полночь.

— Пора спать,—сказала Софья, вставая,—а то какъ бы Дюдя не хватился.

Обѣ тихо пошли во дворъ.

— Я ушла и не слыхала, что онъ про Машеньку рассказывалъ,—сказала Варвара, постилая подъ окномъ.

— Померла, говорить, въ острогѣ. Мужа отравила.

Варвара легла рядомъ съ Софьей, подумала и сказала тихо:

— Я бы своего Алешку извела и не пожалѣла.

— Болтаешь, Богъ съ тобой.

Когда Софья засыпала, Варвара прижалась къ ней и шепнула на ухо:

— Давай Дюдю и Алешку изведемъ!

Софья вздрогнула и ничего не сказала, потомъ открыла глаза и долго, не мигая, глядѣла на небо.

— Люди узнаютъ,—сказала она.

— Не узнаютъ. Дюдя уже старѣй, ему помирать пора, а Алешка, скажутъ, отъ пьянства издохъ.

— Страшно... Богъ убьетъ.

— А пускай...

Обѣ не спали и молча думали.

— Холодно, — сказала Софья, начиная дрожать всѣмъ тѣломъ.— Должно, утро скоро... Ты спишь?

— Нѣтъ... Ты меня не слушай, голубка, — зашентала Варвара.— Злоблюсь на нихъ, проклятыхъ, и сама не знаю, что говорю. Спи, а то ужъ заря занимается... Спи...

Обѣ замолчали, успокоились и скоро уснули.

Раньше всѣхъ проснулась старуха. Она разбудила Софью, и обѣ пошли подъ навѣсъ доить коровъ. Пришелъ горбатенькій Алешка, совершенно пьяный, безъ гармоникки; грудь и колѣни у него были въ пыли и соломѣ—должно-быть, падалъ дорогой. Покачиваясь, онъ пошелъ подъ навѣсъ и, не раздѣваясь, повалился въ сани и тотчасъ же захрапѣлъ. Когда отъ восходившаго солнца яркимъ пламенемъ загорѣлись кресты на церкви, потомъ окна, и черезъ дворъ по росистой травѣ потянулись тѣни отъ деревьевъ и колодезнаго журавля, Матвѣй Саввичъ вскочилъ и засуетился.

— Кузька, вставай!—закричалъ онъ.— Запрягать пора! Живо!

Началась утренняя суматоха. Молодая жидовка, въ коричневомъ платьѣ съ оборками, привела во дворъ лошадь на водоной. Заскрипѣлъ жалобно колодезный журавль, застучало ведро... Кузька сонный, влаый, покрытый росой, сидѣлъ на повозкѣ, лѣнливо надѣвалъ скрточокъ и слушалъ, какъ въ колодезѣ изъ ведра плескалась вода, и пожимался отъ холода.

— Тетка, — крикнулъ Матвѣй Саввичъ Софьѣ: — тюкни моему парню, чтобы запрягать шель!

И Дюдя въ это время кричалъ изъ окошка:

— Софья, возьми съ жидовки за водопои копейку! Повадились, пархатые.

На улици взадъ и впередъ бѣгали овцы и блеяли; бабы кричали на пастуха, а онъ игралъ на свирѣли, хлопалъ бичомъ, или отвѣчалъ имъ тяжелымъ, сиплымъ басомъ. Во дворъ забѣжали три овцы и, не находя воротъ, тыкались у забора. Отъ шума проснулась Варвара, забрала въ охапку постель и пошла къ дому.

— Ты бы хоть овецъ выгнала!—крикнула ей старуха.— Барыня!

— Вотъ еще! Стану я на васъ, иродовъ, работать,— проворчала Варвара, уходя въ домъ.

Подмазали повозку и запрягли лошадей. Изъ дома вышелъ Дюдя со счетами въ рукахъ, сѣлъ на крылечкѣ и сталъ считать, сколько приходится съ проѣзжаго за ночлеги, за овесъ и водоной.

— Дорого, дѣдушка, за овесъ кладешь,—сказалъ Матвѣй Саввичъ.

— Коли дорого, не бери. Мы, купецъ, не неволимъ.

Когда проѣзжіе пошли къ повозкѣ, чтобы садиться и ѣхать, ихъ на минутку задержало одно обстоятельство. У Кузьки пропала шапка.

— Куда же ты, свиненокъ, ее дѣвалъ?—крикнулъ сердито Матвѣй Саввичъ.—Гдѣ она?

У Кузьки отъ ужаса перекосило лицо, онъ заметался около повозки и, не найдя тутъ, побѣжалъ къ воротамъ, потомъ подъ навѣсъ. Ему помогали искать старуха и Софья.

— Я тебѣ уши оборву!—крикнулъ Матвѣй Саввичъ.— Поганецъ этакій!

Шапка нашлась на днѣ повозки. Кузька рукавомъ стряхнулъ съ нея сѣно, надѣлъ и робко, все еще съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, точно боясь, чтобы его не ударили сзади, полѣзъ въ повозку. Матвѣй Саввичъ перекрестился, парень дернулъ за вожжи, и повозка, тронувшись съ мѣста, покатилась со двора.

... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...

... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...

... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...

... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...

... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...
 ... the ... of ...

Оглавлєніє

VIII ТОМА.

	стр.		стр.
Учитель	3	Пазата № 6	124
Тяжелыя люди	11	Гусевъ	179
Дуэль	19	Бабы	193

LIBRARY

OF THE

UNIVERSITY OF TORONTO

F

24.113/8⁹